

[Polaris]

Сакс Ромер

ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗА
БЯСТ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

СЛ

Salamandra P.V.V.

**Сакс
РОМЕР**

**ЗЕЛЕННЫЕ
ГЛАЗА
БАСТ**

Перевод с английского
Е. Янко

Salamandra P.V.V.

Ромер С.

Зеленые глаза Баст. Пер. с англ. Е. Янко. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 230 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CLI).

Когда в лондонских доках было найдено тело волокиты-аристократа, журналист Джек Аддисон и инспектор полиции Гаттон еще не знали, что вскоре им предстоит столкнуться с изощренными убийствами, поверьями Древнего Египта, гениальным безумцем-ученым и его таинственной зеленоглазой протее. «Зеленые глаза Баст» – один из самых известных фантастических детективов Сакса Ромера, создателя зловещего доктора Фу Манчу. Книга впервые переведена на русский язык.

© Y. Yanko, перевод, 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

**ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗА
БАСТ**

Глава 1

Я ВИЖУ ГЛАЗА

— Добрый вечер, сэр. Как вам ветерок?

— Ну и ветрище, сержант, — ответил я. — Думаю, неплохо бы зайти к вам в караулку и разжечь трубку, если позволите.

— Конечно, сэр. Нынче спички не укупишь, чтоб просто так ими разбрасываться. Но, кажется, гроза утихает.

— Вот и хорошо, — сказал я, переступая порог крохотной сторожки, поставленной в начале старой деревенской улицы вместо караульной будки для дежурного полицейского. — Путь мне предстоит неблизкий.

— Да. Ведь до вашего дома даже патрульные не добираются? — задумчиво произнес мой знакомец, пока я, укрывшись от пронзительного ветра, набивал трубку. — Всегда считал, что вам, человеку, не сидящему на месте, должно быть жутко неудобно обитать в такой глуши.

— В этом вся прелесть. Живи я где-нибудь поближе, мне бы и минуты покоя не дали, — объяснил я. — И вместе с тем всего час — и я на Флит-стрит*.

Я нередко останавливался поболтать с полицейскими, успев перезнакомиться почти со всеми офицерами П-ского дивизиона, заступающими здесь на пост. Ночью, когда окрестные жители разбредались по постелям, на улице становилось пустынно, и темные дома словно прятались поглубже за садами, отделяющими их от дороги. Тьма — призраком прошедших дней, когда не знали ни поездов, ни автобусов, — возвращала в деревню атмосферу старого мира, скрадывая красный кирпич и штукатурку, пришедшие на смену деревянным балкам каркасных домов. Однако в ти-

* Флит-стрит традиционно считается центром британской прессы (*Здесь и далее прим. перев.*).

хую погоду сюда доносился приглушенный гул бессонного города, а если ветер дул с севера, то можно было сосчитать, сколько раз пробил большой колокол собора святого Павла.

Я стоял под крышей маленькой сторожки и прислушивался к стуку дождя по раскидистым ветвям и журчанию бурного ручья, несущегося по водостоку у моих ног. Последние порывы беснующегося ветра трепали кроны растущих на обочинах деревьев.

— Ночка нынче попрохладнее, — сказал сержант.

Я кивнул, пытаясь разжечь трубку. Гроза была приятной переменной после недель тропического зноя, который иногда обрушивается на Лондон в июле или августе жарким дыханием Африки, и сердце радовалось принесенной ненастью прохладе.

— Что ж, мне пора. Доброй ночи, — сказал я, собираясь уходить. Вдруг в сторожке затрезвонил телефон.

— Слушаю, — снял трубку сержант.

Мне стало немного любопытно, и я задержался.

— Ред-Хаус на Колледж-роуд? — продолжил сержант.

— Да, знаю. Он на участке Болтона. Сам Болтон вот-вот подойдет. Хорошо, я ему передам.

Сержант повесил трубку и, повернувшись ко мне, с улыбкой покачал головой.

— Чего только полицейским делать ни приходится, сэр, — доверительно сообщил он. — Вот, к примеру, вчера вечером в участок позвонил мужчина и попросил передать мне, чтобы я остановил низенькую дородную блондинку в большой синей шляпе (это были единственные приметы) и сказал ей, что ее мужу необходимо выйти, но его ключ лежит в собачьей конуре!

Он добродушно засмеялся.

— Или вот нынче, — возобновил он свой рассказ, — звонит некто и говорит, что думает, да, заметьте, *думает*, что забыл запереть гараж. Так не посмотрит ли констебль, патрулирующий улицу, в гараже ключи или нет. Если они там, то не запрет ли он ворота изнутри, а сам выйдет через задний вход, запрет ту дверь и занесет ключи в полицейский участок в конце дежурства!

— Да, — сказал я. — Есть на свете такие растяпы. Но это вы ведь не об особняке Ред-Хаус на Колледж-роуд?

— О нем, — ответил сержант, высовываясь из сторожки и вглядываясь во тьму. — А, вот и Болтон.

Это относилось к коренастому краснолицему констеблю, который, громко шлепая по размокшей дороге, приближался к нам.

— Болтон, тебе нашлась работенка, — крикнул сержант. — Слушай, знаешь Ред-Хаус на Колледж-роуд?

Болтон снял шлем и поскреб коротко остриженную голову.

— Дайте-ка поразмыслить, — задумался он, — это дом справа...

— Нет же, — перебил я. — Надо идти вниз по улице налево, он стоит отдельно от других, огорожен высокой кирпичной стеной.

— А! Так вы о *пустом* доме? — спросил констебль.

— Именно это я и хотел вам сказать, сержант, — обратился я к своему знакомцу. — Насколько мне известно, в этом доме уже больше года никто не живет.

— Даже так? — воскликнул сержант. — Забавно. Но это меня не касается, вдобавок на днях его могли кому-нибудь сдать. В любом случае, Болтон, слушай. Тебе надо проверить, заперт ли гараж. Если нет, а ключи там, войди и запри за собой ворота изнутри. На другом конце еще одна дверь, выйдешь — запрешь и ее. Ключи оставь в участке в конце смены. Понял?

— Так точно, — ответил Болтон. Он по-прежнему держал шлем в руке, одними губами повторяя указания сержанта, чтобы прочно запечатлеть их в памяти.

— Мне все равно проходить мимо того дома, констебль, — вмешался я, — и если вы не уверены, где он находится, могу вас проводить.

— Благодарю, сэр, — сказал Болтон, надев шлем и прекратив бормотание.

— Еще раз доброй ночи, сержант, — попрощался я и шагнул наружу, под резкий порыв ветра, несущегося по де-

ревенской улице, сбивая водопады капель с листьев над головой. Там я поравнялся с моим коренастым спутником.

Поэтические натуры полагают, что невероятные события можно предвосхитить по отбрасываемой ими тени, и я готов подтвердить, что это мнение соответствует истине, хотя тогда и не было понятно, относилась ли молчаливость идущего рядом со мной констебля к таким незримым теням либо была просто чертой его характера. Но в нашем походе по безлюдным улицам ничто, кроме его неразговорчивости, не предвещало, что я вот-вот столкнусь с явлением более странным и гораздо более ужасным, чем все, что мне когда-либо доводилось видеть или даже читать.

Тень еще не настигла меня.

По дороге мы с констеблем по большей части молчали, потому что порывистый ветер не растерял пронзительности и ярости и то и дело заставлял меня хвататься за шляпу. С тех пор, как мы оставили караулку, нам не встретилось ни души, если не считать унылого субъекта, смахивающего на бродягу, попавшегося у ворот старой часовни. Наконец за блестящей от дождя живой изгородью мы увидели высокую кирпичную стену, окружавшую Ред-Хаус.

— Вот и дом, констебль, — сказал я. — Гараж чуть дальше главного входа.

Мы дошли до запертых въездных ворот.

— Так-то, сэр, — торжествующе произнес Болтон. — Говорил я, дом пуст.

Перед нами висел плакат агента по недвижимости, расписывавший все плюсы жилья, количество спален и гостиных, современные удобства, гараж и тому подобное, включая размеры сада и газона.

Сверху раздался скрип, я поднял глаза и отступил на шаг. Над стеной торчал щит с двумя такими же плакатами, что и на воротах.

— А вот и подтверждение, — произнес я и посмотрел сквозь деревья в сторону дома. — Свидетельство того, что там никто не живет.

— Должно быть, это ошибка, — пробормотал Болтон.

— Но не наша, — ответил я. — Видите, на плакатах написано: продается или сдается, Ред-Хаус и прочее.

Болтон недовольно проворчал:

— Чудной поворот. Но надо бы нам проверить гараж.

Мы прошли вдоль стены к нише, где, как я неоднократно замечал, находились гаражные ворота, вероятно, сооруженные одним из недавних жильцов. В замке торчал ключ, а на кольце, к которому ключ был прикреплен, висел и второй!

— Ничего не понимаю, — сказал Болтон, — вот уж чудеса так чудеса.

Он отпер гараж и обшарил помещение лучом фонарика. Внутри валялась пара канистр из-под бензина и кое-какой хлам: гаражом недавно пользовались, но автомобиля не было, впрочем, как не было ничего достаточно ценного, чтобы заинтересовать даже того подзаборника, который встретился нам десять минут назад. Единственным, что могло бы привлечь внимание, был большой, крепко сколоченный ящик, который частично перегораживал вход. Похоже, там когда-то хранились запасные части. Я с некоторым любопытством отметил, что на ящике зеленой краской было намалевано нечто, напоминавшее сидящую кошку.

— Если что тут и было, — подал голос Болтон, — то этому давно приделали ноги; мы запираем стойло после того, как коня успели увести. Если поступит жалоба, вы подтвердите, что я не виноват, сэр?

— Конечно, — ответил я. — Однако я сам нарушу закон, если пройду с вами внутрь, посему откланиваюсь.

— Доброй ночи, сэр, — попрощался констебль, вошел в пустой гараж и закрыл за собой ворота.

Я спешно зашагал к небольшому коттеджу, ставшему мне домом. Я часто думаю, что выбрал это уединенное жилье по мотивам чисто эгоистическим. Я не чурался выходов в свет и редко пропускал важные лондонские премьеры, но питал неодолимую слабость к тайным знаниям. Поэтому — и еще по одной причине, о коей поведаю позже, — я оставил квартиру в Темпле и вместе со своей библиотекой уда-

лился в эту тихую заводь, где единственной связью с Флит-стрит, миром театров и клубов, шума и блеска, был телефон. Вряд ли стоит добавлять, что я располагал достаточными средствами, чтобы потакать своим капризам, иначе, будучи журналистом, я был бы вынужден держаться поближе к пульсу событий. Таким образом, я вел беспечное существование независимого корреспондента, к тому же был на хорошем счету, что позволяло выбирать темы, с которыми я желал иметь дело. По натуре я не тщеславен — или, вероятно, мне не хватает какого-то стимула — и все, что я писал, просто доставляло мне удовольствие, да и мои исследования, возможность рассказать о которых мне скоро представится, не из тех, что в наш меркантильный век способны пополнить чьи-либо сбережения.

Я не подозревал, как быстро придет конец размеренному течению моей жизни, насколько резко и непредсказуемо изменится русло упомянутых исследований. Но если в ту ночь мне и предстояло стать свидетелем жуткой драмы, поначалу никакое чутье мне не подсказывало, что темные силы, коим суждено перевернуть мое существование, уже близко; *тьнь* настигла меня лишь у старого вяза перед самым моим домом.

Только этим я могу объяснить то безотчетное чувство, что заставило меня замедлить шаг и прислушаться. Ветер наконец стих, и ночь наполнилась безмолвием, нарушаемым лишь стуком капель, падающих с ветвей, и далеким гудением города. Внезапно мне померещилось, что где-то воет пес. Я не слышал ничего похожего на звук шагов за спиной, однако быстро обернулся, не сомневаясь, что кто-то меня преследует. Как я уже сказал, это убеждение пришло из ниоткуда и было совершенно необъяснимо. Но догадка оказалась верной.

Метрах в пятнадцати от меня в свете уличного фонаря мелькнул смутный силуэт и тут же слился с черной тенью, отбрасываемой деревьями у дороги.

Не двигаясь с места, я несколько секунд всматривался во тьму. Стоит заметить, что появление случайного прохожего на улице в такое время не могло вызвать ни тревоги,

ни проблеска любопытства: шел лишь первый час ночи. Я действительно пытался убедить себя этим аргументом и потому допускаю, что при виде силуэта я испытал нечто такое, что не может быть названо тревогой или любопытством, но содержит в себе ощущение, которое я не берусь определить и поныне. Мне вдруг пришло в голову, что промелькнувшая и исчезнувшая гибкая фигура ни в коем случае не была прохожим — и обычным человеком она тоже не была. И тут я вновь, уже отчетливо, услышал собачий вой.

И раз уж я поведал об этом, стоит ли умалчивать, что, резко повернувшись, я опрометью кинулся к своей калитке и, заслышав, как за мной захлопнулась входная дверь дома, с невероятным облегчением выдохнул? Коутс, мой ординарец, уже выставил холодные закуски в маленькой столовой, но я не притронулся к ним, а налил себе виски с содовой и нехотя пробежал глазами два или три письма, лежавших на столе.

В них не оказалось ничего особенно важного, и, выкурив последнюю сигарету, я выключил свет в столовой и направился в спальню (мой коттедж на самом деле построен на манер бунгало*). В темной комнате я задержался у окна.

Из него я видел свой огородик, а над кустами живой изгороди возвышались деревья, высаженные на обочине дороги. Ветер окончательно стих, но облака с удивительной быстротой неслись по небу, то скрывая, то открывая почти полную луну в бесконечной игре света и тени. На какое-то мгновение луна освещала улицу целиком, а потом новая туча пролетала перед ее ликом, погружая все в крошечную тьму, и я смотрел точно в глубины пещеры.

В подобный миг темноты, повернувшись, чтобы зажечь лампу, я увидел *глаза*.

Они смотрели на меня из-под кустов ярдах в десяти поодаль, огораживающих сад, — огромные, мерцающие кошачьи глаза, и я, подавив вскрик, невольно отпрянул от окна. Я подумал, что тигр или еще какой-то хищник из кошачьих,

* Бунгало — одноэтажный дом, часто с плоской крышей и большой верандой.

наверное, сбежал из клетки. Мгновенно, действуя на одном инстинкте, я достал из оружейного шкафа винтовку, не раз сослужившую мне добрую службу в Индии, и направился в сторону двери.

Не успел я сделать и шага, как лунный свет вновь залил сад, и хотя было видно, что сквозь кусты не продраться даже зверю помельче, никого живого там не оказалось! Лишь по всей округе скорбно завывали собаки.

Глава 2

ЗНАК КОШКИ

Утром Коутс внес чай, газеты и письма, и я мгновенно проснулся.

— Шел ли ночью дождь, Коутс? — спросил я.

Коутс, чья невозмутимость всегда заменяла мне успокоительное, ответил:

— После полуночи нет, сэр.

— Ага! — сказал я. — Коутс, ты не выходил утром в сад?

— Выходил, сэр, собирал малину для завтрака.

— Но ты был с другой стороны дома?

— Да, не с этой.

— Тогда, Коутс, не пройдешь ли ты, строго по тропинкам, к сараю? Обрати особое внимание на грядки между кустами и дорожкой: посмотри, нет ли на них каких-нибудь отпечатков, но сам на землю не наступай. Мы ищем *следы*, понимаешь?

— Следы? Отлично, сэр. Велика ли дичь?

— Да, велика, Коутс.

Ничуть не смутившись необычностью приказа, Коутс удалился, являя собой укор всем, кто сомневается в совершенстве выучки британского солдата.

С немалым любопытством и заинтересованностью я ожидал его доклад. Сидя с чашкой чая, я прислушивался к размеренным шагам по садовой дорожке за окном. Вдруг Коутс остановился и издал невнятное восклицание: что-то нашлось. Вчерашней грозы как не бывало, и, судя по всему, жара не собиралась спадать, однако я был уверен, что на влажной земле сохранился превосходный отпечаток, оставленный накануне. Но должен признаться, что солнечный свет, льющийся ко мне в окошко, и небесная лазурь такой чистоты, какую мне едва ли доводилось наблюдать в Англии, прогнали всякое воспоминание о неподдельном ужасе, посетившем меня в поздний час, когда в тенях под живой изгородью сверкнули огромные кошачьи глаза.

Остатки сна испарились, и сразу вспомнилось кое-что еще из того, что вчера я не догадался связать с происходящим: в памяти возникло гибкое неуловимое существо, преследовавшее меня по дороге домой. Но мне и сейчас было сложно понять, что между всем этим общего, ведь тогда во тьме мелькнул силуэт человека (точнее, женщины), а глаза, смотревшие в окно откуда-то снизу, были похожи на глаза припавшей к земле кошки.

Вновь зазвучали шаги: это Коутс обошел по дорожке коттедж и вошел в него через кухонную дверь. Наконец он оказался на пороге спальни и застыл в ожидании дальнейших распоряжений, как и полагается вышколенному слуге. Его костюм, конечно, выглядел бы нелепо в лучших домах Пикадилли, ибо в моем сельском пристанище ему приходилось исполнять разнообразные и гораздо более важные обязанности, чем обыкновенному дворецкому. Разумеется, его невозмутимое загорелое лицо было тщательно выбрито, а прическа оставалась безупречной, но в то утро намеревался поработать в саду и потому вместо требуемой черной пары был облачен в выдавшую виды охотничью куртку, военные бриджи и коричневые краги. С первого взгляда в нем угадывался старый солдат, каковым он и являлся.

— Ну, Коутс? — сказал я.

Он прочистил горло, готовясь говорить.

— На грядках с редисом есть отпечатки ног, сэр, — доложил он.

— Ног?

— Да, сэр. Очень глубокие. Словно кто-то перепрыгнул изгородь и приземлился там.

— Перепрыгнул изгородь! — воскликнул я. — Это был бы хороший прыжок, Коутс, особенно прямо с дороги.

— Так точно, сэр. Возможно, она ее перелезла.

— Она?

Коутс вновь прочистил горло.

— Имеются следы трех видов. Сначала глубокие, там, куда она приземлилась, потом достаточно беспорядочные на том месте, где она повернулась, и наконец очень глубокие отпечатки каблучков там, откуда она прыгнула обратно за изгородь.

— Она? — вскричал я.

— Эти следы, сэр, — подвел итог невозмутимый Коутс, — принадлежат даме на высоких каблучках.

Я сидел на кровати выпрямившись и смотрел на него, не в силах поверить в услышанное. Я потерял дар речи. Тем временем Коутс осведомился:

— На завтрак будете чай или кофе?

— К чертям чай вместе с кофе! — взорвался я. — Я сам пойду смотреть на следы! Если бы ты видел то, что вчера видел я, вытянулась бы даже твоя багровая физиономия.

— Наверняка, сэр, — сказал Коутс. — Так вы видели даму?

— Даму! — воскликнул я, выскакивая из постели. — Если те глаза, что вперились в меня вчера ночью, принадлежали «даме», то либо я свихнулся, либо «дама» не из нашего мира.

Я натянул халат и поспешил в огород, и Коутс показал мне место, где нашел таинственные отпечатки. Одного взгляда было достаточно, чтобы убедиться в правильности его догадок. Кто-то на высоких каблучках некоторое время топтался по влажной земле, а поскольку следы были заметны лишь на ограниченном пространстве, то вывод Коутса, что оставивший их человек перепрыгнул через изгородь, казался единственно разумным. Немало удивленный, я повер-

нулся к ординарцу, но вовремя осознав, насколько невероятным был тот взгляд прошлой ночью, я воздержался от рассказа о сверкающих глазах и направился в ванную комнату, раздумывая, не сыграли ли со мной шутку лунные блики и не были ли женские следы в том же месте простым совпадением. Но даже это соображение не раскрывало тайну их появления.

Зазвонивший вскоре после завтрака телефон отвлек меня от бесплодных размышлений. На проводе оказался редактор «Планеты», не раз дававший мне особые поручения, в число которых входили и захватывающие поиски гигантской антилопы гну; она считалась вымершей, но от аборигенов и из иных источников поступили свидетельства о том, что ее видели в одном из отдаленных уголков Черного континента.

Читатели «Планеты» помнят, что в экспедиции через практически неизученную часть Африки в верховьях Нигера мне довелось пережить замечательные приключения, хотя животное я и не обнаружил.

— Есть сведения о чрезвычайном происшествии, — сказал редактор, — по-моему, как раз в вашем духе, Аддисон. По всей видимости, убийство при очень трагическом и необычном стечении обстоятельств. Буду рад, если вы возьметесь за расследование.

Без особого воодушевления я стал расспрашивать его о подробностях. Криминология входила в круг моих увлечений, и ранее мне несколько раз удалось разоблачить настоящие преступления, замаскированные под сверхъестественные феномены, например, явления призраков. Но обычное убийство из корыстных побуждений мало интересовало меня.

— Тело сэра Маркуса Каверли обнаружено в ящике! — объяснил мой друг. — Груз как раз опускали в трюм парохода «Оритога» в Западно-Индийских доках*. Его доставили за час до отплытия судна на грузовике, нанятом спе-

* Западно-Индийские доки — доки на Собачьем острове (Айл-оф-Догс) в лондонском Ист-Энде.

циально для этой цели. Там еще множество любопытных деталей, но вам лучше разузнать обо всем самому. В редакцию не звоните, сразу отправляйтесь в порт.

— Хорошо! — коротко ответил я. — Приступаю немедленно.

Я принял это неожиданное решение, как только услышал имя жертвы. Более того, вешая трубку, я отметил, что рука моя дрожит, и не сомневаюсь, что в тот момент я был бледен как смерть.

И вот здесь мне прежде всего следует признаться: мое отшельничество в укромном уголке, что ныне сделался мне домом, и моя погруженность в темные науки, о коей я уже не раз упоминал, являются не столько воплощением моей природной склонности к уединению, сколько результатом краха матримониальных планов. Я узнал о том, что мои надежды разбиты, прочитав в газете сообщение о помолвке Изобель Мерлин и Эрика Каверли. И скорее по этой причине, чем по какой-то иной, я незаметно удалился от мира, скрывая свое разочарование; в делах сердечных я медлен на подъем, но если что решил, то обратной дороги нет.

И хотя я скрыл, что сердце мое разбито, и со всеми вместе поздравил Изобель, я многократно с горечью проклинал себя за нерасторопность. Слишком поздно выпало мне узнать, что и она ждала от меня первого шага, но я уехал в Месопотамию, так и не обмолвившись о своих чувствах. Во время моего отсутствия сокровище, небрежно оставленное мной, досталось Каверли. Это был холостой родственник сэра Маркуса и наследник его титула. И сейчас, подобно грому среди ясного неба, на меня обрушилась новость о смерти его кузена!

Легко вообразить, в каком немыслимом волнении я поспешил в доки. Все прочие дела были заброшены. Коутс, облаченный в опрятную синюю униформу, вывел из гаража «Ровер», и вскоре мы тряслись по ужасно неровной Коммершиал-роуд, огибая тягачи, волокущие за собой цепочки прицепо- в; вдобавок, из-за аварий, ежечасно возникающих на этом перегруженном транспортом и щербатом шоссе, двигались мы очень медленно.

Ехать по дороге, свернувшей непосредственно к Западно-Индийским докам, оказалось немного легче, но когда я наконец высадился из автомобиля и вошел в порт, выяснилось, что к этому времени на месте происшествия успели собраться репортеры из всех газет и новостных агентств королевства. На входе я столкнулся с Джонсом из «Глинера», уже покидающим доки.

— Привет, Аддисон! — крикнул он. — Тут все как по вашему заказу! Страньше, чем в «Алисе в Стране чудес».

Без малейшей задержки я бросился в сторону ангара, у двери которого собралась разношерстая толпа газетчиков, чиновников из порта, полицейских и прочих не поддающихся классификации личностей. Меня сразу поприветствовали с полдюжины знакомых. Дверь была закрыта, а перед ней на страже стоял констебль.

— Вот ведь наглость, Аддисон! — возмутился один репортер. — Никто в этих доках не хочет делиться информацией, пока не прибудет какой-то там инспектор из Нового Скотланд-Ярда. Я уже начал думать, а не остановился ли он пообедать где-нибудь по дороге.

Говоривший нетерпеливо поглядел на часы, а я отправился к полицейскому на посту.

— У вас приказ никого не впускать, констебль? — спросил я.

— Так точно, сэр, — ответил он. — Мы ожидаем инспектора Гаттона. Расследование дела поручено ему.

— Значит, Гаттона! — пробормотал я, отошел в сторону и закурил трубку: если мне надо что-то разузнать, лучше сделать это у моего старого друга, инспектора сыскной полиции Гаттона, с которым мне случалось распутывать не одно любопытное преступление.

Инспектор прибыл через несколько минут — коренастый, чисто выбритый, с бронзовым загаром; в темных волосах поблескивала седина; вся его внешность, включая отлично пригнанный синий саржевый костюм и мягкую фетровую шляпу, будто выдавала флотского офицера в отставке. Лицо его говорило о сдержанности, но невинные голубые глаза взирали на мир так искренне и открыто, что

на ум приходил именно моряк, а не сыщик. Он кивнул несколько знакомым в толпе и, завидев меня в отдалении, подошел и поздоровался со мной за руку.

— Откройте дверь, констебль, — тихо приказал он.

Полицейский вынул ключ и отомкнул замок на двери небольшого каменного здания. Толпа тут же дернулась вперед, но Гаттон поднял руку со словами:

— Обождите, джентльмены, прошу вас. Сначала я осмотрюсь, а у мистера Аддисона, — добавил он, заметив, что на лицах моих коллег отразилось разочарование, — имеются особые сведения, которые ему необходимо предоставить в мое распоряжение.

Полицейский посторонился, и я проследовал за инспектором Гаттоном в каменный док.

— Заприте за нами дверь, констебль, — приказал Гаттон, — и никого не впускайте.

Внутри я огляделся, и то, что предстало моим глазам, было столь странным и наводящим ужас, что навсегда запечатлелось в памяти.

Свет попадал в ангар через четыре зарешеченных окошка, расположенных под самой крышей; снаружи заглянуть в них было невозможно. Палящие солнечные лучи лились сквозь два южных окна, расчерчивая мощный пол черной тенью от прутьев решетки. Около носилок на коленях стоял человек, являвшийся, как впоследствии выяснилось, хирургом дивизиона; он был как раз в пятне света, отчего казался полосатым. В двух шагах от него мы увидели инспектора полиции, делавшего заметки в блокноте.

На носилках, укрытый простыней по самую шею, лежал тот, кого я сначала не узнал, настолько чудовищно было лицо, покрытое неописуемыми зелеными пятнами.

Сдерживая готовый вырваться крик ужаса, я был не в силах отвести глаза от кошмарного зрелища.

— О Господи! — наконец пробормотал я. — Да! Это действительно сэръ Маркус!

Хирург поднялся с колен, а инспектор пошел навстречу Гаттону. Я перевел преисполненный ужаса взгляд с носилок на искореженный упаковочный ящик, единственный пред-

мет в этом пустом строении. На него я глядел с не меньшим страхом, чем на мертвеца.

Стальные ленты, скреплявшие упаковку, были сброшены и перекручены, одна стенка разбита в щепки, и на одной из досок крышки я заметил силуэт кошки, грубо нарисованный зеленой краской.

У меня не осталось сомнений: именно этот ящик я видел вчера ночью в гараже Ред-Хауса!

Глава 3

ЗЕЛЕНАЯ СТАТУЭТКА

— А я ведь сказал правду, — начал Гаттон, — у вас в самом деле имеются особые сведения, которыми, надеюсь, вы со мной поделитесь. Видите ли, по телефону мне сообщили некоторые подробности, и по прибытии на место я был рад увидеть вас. Мне в любом случае мне пришлось бы с вами проконсультироваться, особенно о... об этом.

Он показал на предмет у меня в руке. Это была зеленая эмалевая статуэтка, изображавшая женщину с кошачьей головой, припавшую к земле, — изделие египетских мастеров, вероятно, четвертого века до нашей эры. Если учесть, что на ящике был нарисован силуэт кошки, то появление фигурки в моей руке казалось столь поразительным обстоятельством, что как только мне вложили ее в ладонь, я замер, не отводя от нее зачарованного взгляда.

Дивизионный хирург ушел, и в здании остались только трое — полицейский, Гаттон и я. Сэр Маркус Каверли являл собой ужасающий образчик человека, умершего от удушья, и хотя в недалеком будущем предстояло вскрытие, вряд ли могли возникнуть сомнения в причине его смерти. Тело обрело столь плачевный вид, должно быть, в результате падения контейнера в трюм с высоты в тридцать фу-

тов, и врач полагал, что все повреждения на трупе посмертные, а сама смерть наступила добрых двенадцать часов тому назад.

— Понимаете, — продолжал Гаттон, — когда ящик разбился, предметы, предположительно находившиеся в карманах сэра Маркуса, выпали и лежали среди обломков. Там мы и обнаружили эту женщину-кошку.

— Однако она могла выпасть и не из его кармана, — сказал я.

— Не исключено, — согласился Гаттон. — Но то, что она была в ящике, по-моему, очевидно. К тому же, это не просто совпадение.

Он показал на силуэт, нарисованный на крышке ящика. Я успел поведать ему, что видел накануне ночью в Ред-Хаусе и потому произнес:

— Судьба на нашей стороне. По крайней мере, нам известно, откуда отправлен ящик.

— Именно так, — вновь согласился инспектор. — Конечно, чуть позже мы все равно выяснили бы это у перевозчика, но в деле, подобном нашему, каждая минута на счету. Как представитель прессы, вы вряд ли одобрите мое предложение умолчать об этих двух уликах. Но то, что такие вещи раньше времени просачиваются в газеты, часто тормозит расследование. Итак, что это за статуэтка?

— Это приношение по обету. Подобные статуэтки были у древнеегипетских паломников, прибывающих в Бубастис*. Она подлинная, и если вы считаете, что история реликвии поможет следствию, я посвящу вас в подробности сегодня вечером. Надеюсь, вы улучите время заглянуть ко мне.

Гаттон взял у меня фигурку и многозначительно посмотрел на нее.

— Полагаю, — сказал он, — происхождение предмета чрезвычайно важно для нас. То, что изображение почти такой же кошки, только более грубое, есть и на ящике, не может быть простым совпадением.

* Бубастис (также Бубастос, Бубаст, Баст, Пер-Баст и т.д.) — древнеегипетский город в юго-восточной части дельты Нила.

Я молча посмотрел на него и спросил:

— Вы думаете, что ящик изготовили специально для тела?

— Без малейшего сомнения, — заявил инспектор Хит из местной полиции. — Он идеальной формы и размера для этой цели.

Я опять принялся изучать обломки, сложенные на полу, и осмотрел несколько предметов, находившихся рядом с ящиком. Это были личные вещи убитого баронета. Полицейские тщательно запротоколировали, в каком из карманов был найден тот или иной предмет. Сэр Маркус был в вечернем наряде, в ящике рядом с ним также обнаружилось его летнее пальто. В пальто нашли портсигар и пару перчаток; в бумажнике оказалось двадцать фунтов казначейскими билетами; визитки, личные бумаги и статуэтка кошки просто выпали откуда-то из карманов. Стекло часов, лежавших ранее в жилетном кармане, разбилось, но часы продолжали тикать рядом с телом мертвого хозяина. Среди вещей, найденных при жертве этого жестокого преступления, фигурировала ротанговая трость с золотым набалдашником; следовательно, каков бы ни был мотив убийства, об ограблении не шло и речи.

— Первым делом необходимо выяснить, — сказал Гаттон, — где сэр Маркус побывал с момента ухода из дома вчера вечером до момента смерти. Сейчас мне необходимо позвонить в Скотланд-Ярд. До наступления вечера требуется отыскать перевозчика, доставившего груз в доки. А сам я тем временем посещу квартиру сэра Маркуса и Ред-Хаус, который представляется мне средоточием этой загадки.

Он положил эмалевую статуэтку в карман и поднял разломанную доску с изображением кошки.

— У вас в руках плащ, — сказал он мне. — Спрячьте это под ним!

Затем коротко кивнул инспектору Хиту:

— Вы же, — сказал он с мрачной улыбкой, — сейчас выйдете и поговорите с собравшимися!

Дав указания Скотланд-Ярду по поводу извозчика, доставившего ящик в порт, и составив официальное заявле-

ние для представителей прессы, инспектор Гаттон втиснулся в мой двухместный автомобильчик, и вскоре мы уже раскачивались и подпрыгивали на побитой мостовой улиц Ист-Энда.

Мы узнали последний лондонский адрес сэра Маркуса, неизвестный мне, из его визитки, и вскоре, с глубоким волнением в груди, я вместе с Гаттоном поднимался по лестнице в апартаменты убитого баронета.

Не успели мы дойти до двери, как она распахнулась и оттуда вышел человек, несомненно, полицейский в штатском. За его спиной я заметил печального и несколько расстрепанного мужчину, которого принял за дворецкого покойного сэра Маркуса.

— Здравствуйте, Блайз! — поприветствовал Гаттон коллегу. — Кто вас сюда послал?

— Слуга сэра Маркуса, Моррис, позвонил в Скотланд-Ярд, — последовал ответ, — так как не мог понять, что произошло с его хозяином, и меня отправили к нему.

— Вот как, — сказал Гаттон, — хорошо. Напишите для меня отчет по всей форме.

Блайз удалился, и мы с Гаттоном вошли в прихожую. Дворецкий Моррис закрыл дверь и провел нас в маленькую библиотеку. Около телефона стоял поднос с графином и стаканами, и все говорило о том, что Моррис спешно позавтракал печеньем и виски с содовой.

— Я всю ночь не ложился, джентльмены, — начал он, как только мы вошли в комнату. — Сэр Маркус был хорошим хозяином, и если ему случалось ночевать вне дома, он всегда предупреждал меня. Поэтому я понял, что что-то не так, еще не узнав кошмарную новость.

Он плохо владел собой, и голос его дрожал. О покойном баронете ходила такая слава, что лично я не позавидовал бы ей, но каковы бы ни были его недостатки, пусть их у него имелось немало, он хорошо обращался со слугами, а это испугало многое.

— Несколько часов сна вам не помешают, — доброжелательно заметил Гаттон. — Понимаю ваши чувства, но, к сожалению, слезами горю не помочь. Не хотелось бы вас

беспокоить, но должен задать вам несколько вопросов, которые помогут прояснить ситуацию. Первый вопрос: вам знакома эта вещь?

Он достал из кармана фигурку Баст, богини-кошки, и показал ее Моррису.

Дворецкий мутными глазами уставился на статуэтку и поскреб небритый подбородок, затем медленно покачал головой.

— Нет, — произнес он. — Я уверен, что никогда прежде не видел ничего похожего.

— Второй вопрос, — продолжил Гаттон. — Ваш хозяин когда-нибудь бывал в Египте?

— Не могу знать наверняка, но при мне нет, а тридцать первого числа будет шесть лет, как я служу у него.

— Так-так, — сказал инспектор. — Когда вы видели сэра Маркуса в последний раз?

— Вчера вечером в половине седьмого, сэр. Он собирался сначала поужинать в клубе, а потом отправиться в театр «Нью-авеню». Я сам заказывал ему билет.

— Он намеревался пойти в театр один?

— Да.

Гаттон красноречиво посмотрел на меня, я же ощутил неприятное волнение. В его взгляде я прочел, что он заподозрил присутствие в деле женщины, а при упоминании театра «Нью-авеню» мне сразу вспомнилось, что там играет Изобель Мерлин! Гаттон снова обратился к Моррису:

— Не дал ли сэр Маркус вчера повода предположить, что он собирается ночевать не дома?

— Нет, сэр, поэтому, зная его привычки, я начал беспокоиться, когда он не вернулся и не позвонил.

Гаттон пристально поглядел на дворецкого и медленно и отчетливо проговорил:

— Если вы ответите на мой следующий вопрос, вы не предадите память своего хозяина. Самая неоценимая услуга, которую вы можете оказать ему, это помочь нам в поисках убийцы.

Он на секунду прервался и продолжил:

— Не был ли сэр Маркус увлечен актрисой театра «Нью-авеню»? — спросил он.

Моррис беспомощно и встревоженно переводил взгляд с Гаттона на меня. Потерев щетину на подбородке и помешкав, он наконец решился ответить:

— По-моему, там была некая дама, которая...

Он умолк и сглотнул.

— Которая что? — подсказал Гаттон.

— Которая интересовала сэра Маркуса, но я о ней ничего не знаю, даже имени, — заявил дворецкий. — Я знал... о некоторых других, но сэр Маркус... не распространялся об этой леди, что заставляет меня думать...

— О чем?

— ...что он, вероятно, не добился успеха.

Моррис договорил и уставился невидящими глазами на книжный шкаф.

— Так-ак, — пробормотал Гаттон и внезапно спросил: — Не навещал ли сэр Маркус кого-нибудь на Колледж-роуд?

Моррис поднял усталый взгляд.

— На Колледж-роуд? — повторил он. — Где это, сэр?

— Неважно, если название вам не знакомо, — коротко ответил Гаттон. — У сэра Маркуса был автомобиль?

— Уже давно не было, сэр.

— Другие слуги?

— Нет. Он был холост. Для такой жизни большое хозяйство излишне, а поместьем Фрайарз-Парк по-прежнему владеет вдова сэра Бернема.

— Сэр Бернем? Это дядя сэра Маркуса?

— Да.

— У сэра Маркуса еще есть родственники?

— Есть тетушка, леди Бернем Каверли, но у них, кажется, были плохие отношения. Понимаете, ее собственный сын, к которому должен был перейти титул, умер. Наверное, поэтому она недолюбливала хозяина. Из тех, о ком я знаю, остается только его троюродный брат, мистер Эрик, сейчас, конечно, уже сэр Эрик.

Я отвернулся, уставившись на книги, в беспорядке лежавшие на столе. Рана еще не затянулась, и вряд ли я был

способен скрыть боль, которую испытывал при упоминании Эрика Каверли.

— Они дружили? — продолжил инспектор ровным и холодным голосом.

Моррис быстро поднял глаза.

— Нет, сэр, — ответил он. — Никогда не дружили. Несколько месяцев назад между ними вспыхнула старая вражда, и однажды вечером они чуть не подрались в этой комнате.

— Вот как? Из-за чего они ссорились?

Моррис опять засомневался, стоит ли продолжать, однако наконец с явственным смущением сказал:

— Конечно, из-за... женщины.

Мое сердце чуть не выпрыгнуло из груди, но мне удалось сохранить видимость спокойствия.

— Что это за женщина? — строго спросил Гаттон.

— Не знаю, сэр.

— Вы уверены?

В спокойном голосе полицейского звучал вызов, но Моррис смело и без колебаний взглянул в глаза Гаттона.

— Клянусь, — сказал он, — у меня никогда не было привычки подслушивать.

— Полагаю, именно эту женщину сэр Маркус надеялся увидеть в театре вчера вечером? — продолжил Гаттон.

Допрос Морриса достиг кульминации, и я едва сохранял даже видимость самообладания. Гаттон, как я теперь отчетливо понимал, своими вопросами вел дворецкого к подобному заключению, а от упоминания ссоры родственников до имени Изобель, невесты Эрика, игравшей в театре «Нью-авеню», оставался один шаг. Однако ответ Морриса был краток:

— Возможно, сэр.

Инспектор Гаттон на мгновение воззрился на дворецкого, а потом произнес:

— Хорошо. Воспользуйтесь моим советом и отправляйтесь вздремнуть. Боюсь, вскоре вас ожидает множество хлопот. Кто был поверенным сэра Маркуса?

Усталым, бесцветным голосом Моррис продиктовал адрес, и мы ушли. Вряд ли Гаттон осознавал, как больно мне было услышать его следующую фразу:

— Сперва мне нужно заглянуть в Скотланд-Ярд, а затем я сразу направлюсь в театр «Нью-авеню» переговорить с вахтером.

— Могу ли я быть вам сейчас полезен? — спросил я, стараясь не выдавать волнения.

— Спасибо, нет. Однако буду рад, если вы присоединитесь ко мне при осмотре Ред-Хауса. Насколько я понимаю, дом где-то по соседству с вами. К тому же, вы можете испытывать к делу профессиональный интерес, поэтому давайте встретимся там. Вы возвращаетесь домой или пойдете в редакцию «Планеты»?

— Думаю, отправлюсь в редакцию, — ответил я. — Как бы дело ни сложилось, звоните туда и назначайте встречу. Увидимся около Ред-Хауса.

Глава 4

ИЗОБЕЛЬ

Десять минут спустя я стоял в очаровательном маленьком будуаре, столь часто являвшемся мне в мечтаниях. На каминной полке я увидел собственную фотографию, а в темных глазах Изобель, встретившей меня, заметил искру, но побоялся истолковать ее. В эту минуту я еще не знал того, что раскрылось мне позже. Вдобавок, как я уже упоминал, мое глупое молчание когда-то ранило Изобель не меньше, чем ее помолвка с Эриком Каверли впоследствии ранила меня.

Женская психология при всей своей наивности всегда загадочна. Вот и сейчас я мучился сомнениями и страдал. Изобель стояла передо мной, стройная и грациозная, в от-

лично сшитом прогулочном костюме, с мгновенно вспыхнувшим румянцем на щеках и прекрасным, волнующим взором, в котором слились надежда и пылкая гордость. Ни одна знакомая мне женщина не была столь прекрасна, и я называл себя трусом и глупцом за то, что не решился испытать судьбу в роковой день отъезда в Месопотамию. Сейчас она смотрела на меня тем же взглядом, что когда-то. Я сразу понял, что она спешит — не иначе, на встречу с Эриком Каверли; но в тот безвозвратно потерянный день она никуда не торопилась, а я промолчал.

— Мы едва не разминулись, Джек, — весело сказала она. — Я как раз собиралась уходить.

Она так дружелюбно приветствовала меня, что я очнулся и сумел — пусть и временно — обуздать чудовище, алчными глазами которого глядел на счастье Эрика Каверли.

— Боюсь, Изабель, — ответил я, — что новости, которые я принес, вряд ли вас обрадуют... хотя...

— Да? — поддержала она меня, заметив заминку.

— Хотя они означают, что отныне вы будущая леди Каверли.

Румянец схлынул с ее щек. Она бессознательно почувствовала, что мои слова таят темную трагедию, но я видел, что она не уловила всей сути моего высказывания. Она медленно опустилась в мягкое кресло, и золотой луч, льющийся из открытого окна, заиграл рыжеватыми бликами в ее темно-каштановых волосах.

— Вы знали сэра Маркуса? — спросил я как можно мягче.

Нельзя описать словами, в каком смятении, пусть и скрытом от глаз, я ожидал ответа.

— То есть он...

Она посмотрела мне в лицо, я мрачно кивнул.

— Ох, Джек! Когда это произошло?

— Вчера ночью. Но вы не сказали, были ли вы с ним знакомы, — не сдавался я.

Изабель покачала головой.

— Это не было... близким знакомством, — ответила она.

— Эрик... — она замешкалась, взглянула на меня и тут же

опустила взгляд, — ...с ним не ладил.

— Но вы с ним встречались? — не отступался я, так как по ее тону заметил, что ей не хочется обсуждать сэра Маркуса, но не мог понять причины.

— Я виделась с ним, Джек, когда... когда вы были в отъезде. Он приходил раз или два с Эриком. Даже тогда они не дружили. Он мне никогда не нравился. Я совсем потеряла его из вида, как только он получил титул — это случилось, кажется, четыре года назад? — и так было до недавнего времени. По-моему, он ездил в Россию. Затем... — Она опять замолчала. Странно, подумал я: люди так часто не ходят слов, когда говорят о покойном баронете. — Затем он приехал в театр. Учитывая то, что он знал о моей помолвке с Эриком, вел он себя не совсем прилично. Но мне так хотелось избежать беды, что я не рассказала Эрику о его визите. Сэр Маркус был настойчив. Однажды вечером Эрик увидел, как он покидает театр через служебный вход, и, насколько мне известно, они поскандалили на квартире у Эрика.

— Это все, что вы знаете о нем?

— Почти; конечно, есть еще слухи. Стоит добавить, что я приказала Мари говорить сэру Маркусу, когда бы тот ни пришел, что я занята.

— Он приходил?

— Мари говорила, что несколько раз он посылал свою карточку, но она знала, что это мне неприятно, и не беспокоила меня. Однажды я случайно увидела его в партере и... ах!

Она неразборчиво произнесла что-то, а на лице ее все сильнее проступала тревога.

— Он приходил вчера вечером, — прошептала она, поднимая взгляд. — Скажите, как все произошло, где он...

Но я так и не успел заговорить, потому что нас прервали. В глубине квартиры зазвонил телефон. Мне было слышно, как Мари, горничная Изобель, ответила на звонок. Затем она вошла в будуар.

— Мистер Каверли желает поговорить с вами, мадам, — сказала горничная.

— Наверное, он только что обо всем узнал! — воскликнула Изобель, быстро встала и вышла из комнаты.

Сгорая от нетерпения, я мерил шагами изящную гостиную, прислушиваясь к раздающемуся в прихожей голосу Изобель. Я дважды подходил к окну и выглядывал на улицу, ожидая увидеть коренастую фигуру инспектора Гаттона. Я был расстроен и встревожен. То, как Гаттон допрашивал свидетеля, безошибочно выдавало подозрения полицейского. Гаттон считал, что сэр Маркус провел свои последние часы если не с самой Изобель, то поблизости от нее. Если кому и была выгодна смерть баронета, то в первую очередь ее жениху, и я предполагал, каким страшным испытанием для обоих обернется расследование, если Эрик Каверли будет не в состоянии представить алиби.

Когда зазвонил телефон, я как раз намеревался спросить Изобель, был ли Каверли с ней вчера вечером. Но какое оправдание найду я для себя лично, если инспектор Гаттон придет и застанет меня в квартире Изобель?

Я опять подошел к окну и с опаской посмотрел по сторонам. Мне казалось, что из любого такси может выйти инспектор, и я с облегчением переводил дух, когда автомобили один за другим проезжали мимо. Не менее внимательно я вглядывался в прохожих, появлявшихся из-за угла. За этим занятием меня застала вбежавшая обратно в комнату Изобель.

Она была бледна, а в широко распахнутых глазах читался испуг.

— Ах, Джек! — воскликнула она. — Это ужасно, ужасно! Эрик сейчас у доверенных, и ему сообщили, что подозрение обязательно падет на него! Это абсурдно... невысказанно. Такое преступление мог совершить лишь дьявол, но не человек...

Я взволнованно прервал ее:

— Значит, вчера вечером вы были не с Каверли?

— Нет! В том-то и беда! Он позвонил мне чуть раньше и сказал, что у него очень важная деловая встреча. По его голосу...

Она внезапно замолчала и бросила на меня растеря-

ный взгляд.

— Изобель, — сказал я, — вы должны твердо знать, что можете доверить мне свою жизнь — и жизнь всех, кто дорог вашему сердцу.

Она быстро положила ладонь на мою руку, щеки ее нежно зарделись. Боюсь, я произнес эти слова с таким пылом, какой мог бы изменить наши судьбы, прояви я его раньше и в более подходящий момент.

— Конечно, мне это известно, Джек, — сказала она. — Но я так испугана, что не верю самой себе. Хорошо, признаюсь, что вчера вечером Эрик вел себя не совсем обычно, было что-то странное в его голосе. Я даже спросила его, не сердится ли он на меня по какой-то причине. — Она смущенно поглядела на меня. — Сами знаете, у него тяжелый характер. Он рассмеялся, но как-то неискренне. Затем мы договорились вместе пообедать сегодня в «Карлтоне».

— Но он, без сомнения, может рассказать полиции, что и когда делал? Его, конечно, видели знакомые.

Изобель беспокойно нахмурилась, всколыхнув во мне самые странные и дикие подозрения.

— Нечто ускользает от меня, — ответила она. — По-моему, он пытается что-то утаить.

— Это очень опрометчиво с его стороны. Ему, безусловно, придется решиться и рассказать все до мелочей на допросе у инспектора Гаттона. Не стану от вас скрывать, Изобель — полиция знает, что вчера вечером сэр Маркус был в «Нью-авеню»; он погиб несколькими часами позже, и можно сразу предположить, кого подозревают в его смерти. Вы едете к поверенным Эрика, Изобель?

— Да, он попросил меня приехать.

— Тогда поспешите. Полагаю, что сюда в любую минуту нагрянет человек из Скотланд-Ярда, и вам лучше переговорить с Каверли до того, как придется давать свидетельские показания.

— Но, Джек, — она посмотрела мне в глаза, — вы же не думаете, что у меня или Эрика есть что скрывать?

— Конечно, нет. Поверьте, у меня ничего подобного и в мыслях не было. Но, с другой стороны, юристы привыкли

иметь дело с вопросами свидетельских показаний, и поверенный, вероятно, посоветует вам, какую линию поведения необходимо избрать, чтобы как можно быстрее выйти из круга интересов следствия. Так давайте же... поторопимся. Лучше я сам сообщу инспектору Гаттону о том, что был у вас; будет предпочтительней, если он не застанет нас здесь вместе. Мари, конечно, ему расскажет, что я заходил, но это не столь важно.

Мы покинули квартиру и теперь спускались по лестнице. На улице я внимательно осмотрелся, но Гаттона не заметил.

Я поймал такси на углу и отправил Изобель в контору к поверенному Каверли. Проводив автомобиль взглядом, пока он не исчез из вида, я направился в редакцию «Планеты». Когда я дошел до Флит-стрит, я уже приблизительно знал, что следует делать, и уверенно сел писать первую из серии статей о «тайне “Оритоги”» — под таким названием в дальнейшем должно было фигурировать дело сэра Маркуса Каверли, самое громкое в эти дни. У меня было много причин не выдавать подробности, и я с большим трудом подбирал необходимые факты, стараясь не касаться Эрика Каверли и Изобель. Дойдя до половины статьи, я остановился и отложил ручку: меня так и подмывало разорвать написанное в клочки и в последнюю минуту отказаться от поручения.

Однако, немного поразмыслив, я пришел к выводу, что лучшее, что можно сделать для подозреваемого (я сразу почувствовал, что у него отсутствует алиби), это изложить для широкой аудитории нашего влиятельного журнала факты так, как вижу их я. У меня лично не возникало ни тени сомнения в том, что Каверли невиновен. Я считал, что за этим ужасающим преступлением скрываются вещи гораздо более страшные, за тайной скрывается тайна, одна кошмарнее другой.

Я вернулся к работе над статьей, но тут меня прервал посыльный, сообщивший, что звонит Гаттон и желает поговорить со мной.

Ожидая услышать худшее, я с опаской прошел в соседнюю комнату и взял трубку.

— Алло! Это мистер Аддисон? — раздался голос инспектора.

— Да, слушаю. Есть ли новости, Гаттон?

— Несколько. Я получил письмо от агента по недвижимости и поговорил с вахтером в театре «Нью-авеню»! Не пишите ничего, пока не увидимся. И, дабы уладить некоторые формальности, я обратился к шефу за разрешением консультироваться с вами в этом расследовании — речь, конечно, о египетских статуэтках. Он сразу вас вспомнил и пошел навстречу. Но у меня на вас зуб.

— В чем дело?

— Об этом после. Можете ли вы встретиться со мной в пять в Ред-Хаусе?

— Да. Я там буду.

— Отлично. Я на многое не рассчитываю. Это самый загадочный случай в моей практике. Наши противники — люди необыкновенные, это не простые преступники.

— Согласен.

— И если в Лондоне есть человек, способный распутать подобный клубок, так это вы. Вы знаете, что, по моему мнению, является ключом к этому делу?

— Полагаю, что-то в темном прошлом сэра Маркуса. Возможно, какое-то любовное приключение.

— Вы ошибаетесь, — мрачно ответил Гаттон. — Ключ здесь — зеленая кошачья фигурка. До встречи. В пять.

Глава 5

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ УЖИН

Я прибыл к Ред-Хаусу раньше инспектора Гаттона. Ворота охранялись полицейским, и когда я подошел и встал около них, он бросил на меня подозрительный взгляд, так что пришлось объяснять, что у меня назначена встреча с

Гаттоном. Я посмотрел на дорожку, ведущую к дому. Особняк, очевидно, был построен не так давно и представлял собой печальный пример викторианской архитектуры второй половины минувшего века. Я гадал, откуда взялось его название, и пришел к выводу, что он стал называться Ред-Хаусом, то есть Красным домом, из-за того, что большая часть его фасада заросла чем-то вроде алого плюща.

Дорога к крыльцу полумесяцем шла вдоль ограды, и на округлой лужайке, обрамляющей проезд, под сенью нескольких высоких деревьев, торчали довольно неухоженные кусты, по большей части лавр и рододендрон. В сиянии солнца особняк, в грязных окнах которого виднелись объявления о продаже и аренде, не выглядел пугающим; ничто не указывало на таинственное преступление, произошедшее здесь и успевшее к этому часу стать основной темой лондонских разговоров, преступление, которое немного погодя будет обсуждать весь цивилизованный мир.

Гаттон присоединился ко мне через несколько минут после моего прихода. Его сопровождал констебль Болтон, мой спутник во время вчерашнего посещения Ред-Хауса. Сегодня Болтон был в штатском и, как всякий полицейский в гражданской одежде, чувствовал себя не в своей тарелке. Вид у него был несколько огорошенный; приблизившись к воротам, он снял котелок и принялся утирать красное лицо огромным носовым платком, одновременно кивая мне головой:

— Доброго вам дня, сэр; хорошо, что мы вчера пришли сюда вместе. Я чувствовал, что что-то тут не так, и, кажется, не ошибся.

— Именно так, — коротко произнес Гаттон, — а вот и ключи, что вы вернули в участок утром.

Инспектор достал из кармана стальное кольцо с большим и маленьким ключами: я узнал связку — это ее я видел в замке на гаражной двери вчера ночью.

Мы прошли вдоль ограды к гаражу, инспектор вставил ключ в замок, а затем обратился к Болтону:

— Вот, — сказал он, — покажите нам в деталях, что вы делали.

Болтон водрузил на голову котелок, который до этого нес в руке, на секунду замешкался и отпер гаражные ворота.

— Конечно, вчера я был с фонарем, — пояснил он, — и мы с этим джентльменом постояли на пороге и огляделись.

— Мистер Аддисон уже описал мне в подробностях, что он видел, — сказал Гаттон. — Покажите нам, что вы делали после ухода мистера Аддисона.

Болтон с отрешенным взглядом постарался вспомнить, как все было, потом вынул ключ из замка и вошел в гараж; мы с Гаттоном последовали за ним. В крыше имелось верхнее окно; хотя Болтон затворил ворота, в гараже было достаточно светло. Констебль действовал следующим образом: запер ворота изнутри, медленно прошел к двери в другом конце помещения и открыл ее, воспользовавшись ключом поменьше.

— Минуточку, — сказал Гаттон. — Вы осматривались, пока шли к двери?

— Просто поглядел, где дверь, сэр. Примерно как сейчас.

— Хорошо. Продолжайте.

Мы вышли вслед за Болтоном на узенькую тропку между кустов, вероятно, предназначенную для торговцев, а констебль вернулся и запер за нами дверь. Опустив ключи в карман, он невозмутимо свернул в сторону улицы, и мы покинули участок через проход у гаража.

— Ага, — пробормотал Гаттон. — Верните мне ключи.

Получив их, он спросил:

— Вы все это время не видели и не слышали ничего необычного?

Болтон вновь снял котелок. Я уже догадался, что ему лучше думается на свежем воздухе.

— Ну, сэр, — озадаченно произнес он, — та первая дверь...

— Так-так, — подбодрил Гаттон, видя его замешательство.

— Мне показалось, что сегодня она открывалась легче, чем вчера. Ночью мне пришлось ее подтолкнуть.

— Может, мешал ящик? — предположил Гаттон. — Если не считать его, вы заметили, что что-то изменилось, пропало или появилось сегодня?

Болтон покачал головой.

— Нет, — ответил он. — Как по мне, то все то же самое, только вот с дверью, как я говорил, было попроще.

— Ага, — произнес Гаттон, — и ключи оставались у вас в кармане до самого конца дежурства?

— Да, сэр.

— Хорошо. Можете идти.

Болтон дотронулся до котелка и ушел. Гаттон с мрачной улыбкой повернулся ко мне.

— Мы с вами сейчас войдем в гараж, — сказал он, — чтобы не привлекать нежелательного внимания.

Он отпер ворота и закрыл их за нами.

— Итак, — начал он, — прежде чем мы продолжим, скажите, почему вы утаили, что одно из недостающих в расследовании звеньев уже известно вам?

— Уверен, — виновато ответил я, — что вы говорите о моем знакомстве с мисс Изобель Мерлин?

— Именно! И о том, что вы втайне опередили меня и побеседовали с важным свидетелем до того, как я узнал о его существовании. — Он продолжал улыбаться, но его шуточный тон не скрывал истинной скрупулезности и несгибаемой верности долгу, присущих этому человеку. — Хочу подчеркнуть, что во многих случаях ваша помощь была весьма ценной и я благодарен за нее, однако, предоставляя вам взамен привилегии, каких больше нет ни у одного журналиста, я рассчитываю на достойное поведение.

— Но, инспектор, — возразил я, — вы заходите слишком далеко. Я ничем не препятствовал следствию, более того, до моего разговора с мисс Мерлин сегодня утром я и не подозревал, что это ею интересовался покойный сэр Маркус.

— Ага, — произнес Гаттон, но не слишком уверенно. Его искренние, широко раскрытые глаза смотрели на меня с привычной — и обманчивой — наивностью.

— Я безусловно готов изложить вам все, что знаю, — продолжал я. — Могу вам сказать — а это признание я бы

сделал далеко не каждому, — что мисс Мерлин мой давний друг, и если бы я не был таким глупцом, она стала бы мне не только другом.

— Вот как! — сказал Гаттон с несколько изменившимся выражением лица. — Вот ведь! Как-то даже неловко, — он озадаченно нахмурился, — правда, чертовски неловко!

— О чем это вы? — спросил я.

— Ну, не знаю, как мисс Мерлин объяснила вам свои отношения с сэром Маркусом... — сказал он.

— Отношения! — возмутился я. — Он просто был ее знакомым, они даже не виделись; и лишь один раз за несколько месяцев она заметила его со сцены.

— Вот как, — сказал Гаттон, — неужели это правда? — Он с недоверием посмотрел на меня. — Кажется, это идет вразрез с тем, что поведал мне театральный вахтер.

Я почувствовал, как кровь прихлынула к щекам.

— Так что вам сказал вахтер? — спросил я.

Гаттон не отрывал от меня удивленного взгляда. Мне показалось, что я наконец понял, к чему он ведет.

— Послушайте, инспектор, — сказал я, — давайте поговорим начистоту. Что бы там ни говорил вахтер или кто другой, вы не должны сомневаться в одном: мисс Мерлин не имеет ни малейшего отношения к этому ужасному преступлению. Само подозрение выглядит вопиющим. Я настолько твердо в этом уверен, что вы можете говорить со мной без обиняков, и даю вам слово чести, я буду с вами столь же откровенен. Правда будет раскрыта, но она ни в коем случае не бросит тень на мисс Мерлин. И я не меньше вас хочу докопаться до истины.

Гаттон вдруг протянул мне руку со словами:

— Хорошо. Мы друг друга поняли, но как сама мисс Мерлин объяснит это?

Он достал из кармана блокнот, перевернул несколько страниц и сказал:

— Здесь записаны примерные даты, когда сэр Маркус посылал свои визитки в гримерную мисс Мерлин. Он делал это не менее шести раз.

— Я знаю, — перебил я инспектора, — он преследовал ее, но она с ним не виделась.

— Минуточку. Вчера вечером, после того как сэр Маркус послал карточку в гримерную, — Гаттон внимательно посмотрел на меня, — Мари, горничная, спустилась вниз и несколько минут разговаривала с покойным баронетом. Они стояли неподалеку от будки вахтера, но вне пределов слышимости. Это было в десять. В одиннадцать, иными словами, после спектакля, сэр Маркус вернулся, и к нему опять вышла Мари. Они вместе направились на улицу, где сэр Маркус сел в ожидавшее его такси и уехал. Мисс Мерлин покинула театр через четверть часа.

Наши взгляды встретились, и какое-то время мы молчали.

— Вы полагаете, — наконец сказал я, — что мисс Мерлин назначила ему свидание, но, пытаясь сохранить приличия, отправилась вслед чуть позже?

— Ну а вы, — Гаттон приподнял бровь, — сами что думаете?

Меня ненадолго покинул дар речи. Затем я объяснил:

— Я ничего об этом не знал и, естественно, не мог предъявить мисс Мерлин никаких обвинений. Вероятно, за меня это сделали вы. И что она вам ответила?

— Я ее не видел, — признался Гаттон, — я пришел к ней через десять минут после того, как она вышла — вместе с вами.

— Вы видели Мари?

— К несчастью, Мари тоже не оказалось на месте, но я поговорил со старушкой-поденщицей, что каждый день приходит к ним убираться. От нее я и узнал о вашем визите.

— Возможно, Мари прояснила бы дело, — предположил я.

— Без сомнения! — решительно поддержал меня Гаттон. — Тем не менее, у нас на руках достаточно доказательств того, что сэр Маркус поехал из театра «Нью-авеню» в этот дом.

— Он мог направляться и не сюда, — вставил я, — он мог ехать куда-то еще, но так вышло, что он доехал только до этого места...

— В ящике! — воскликнул Гаттон. — Да, вы правы, его тело действительно могло находиться в ящике как раз тогда, когда вы с Болтоном заглянули в гараж ночью: с момента, когда сэр Маркус уехал из театра, успело пройти больше часа.

— Но кто вчера ночью мог позвонить в полицию? — вскричал я. — И с какой целью неизвестный сделал звонок?

— Вот это нам и предстоит выяснить, — спокойно ответил Гаттон, — без сомнения, это часть необычайно хитроумного плана, а не случайность или оплошность. Мои помощники тоже не сидели сложа руки — в деле вскрылось несколько удивительнейших моментов. Я сам еще в доме не был, однако у меня имеется рапорт от одного из полицейских, осмотревших его. Ключи я тоже захватил. Гараж проверю внимательнее чуть позднее.

Перед тем, как уйти, он спешно огляделся, мы вышли, он запер гараж и мы направились к воротам, около которых стоял на посту констебль, а оттуда проследовали по подъездной дорожке к главному входу. Крыльцо украшали колонны, и все оно буйно поросло плющом. Мне в ноздри ударил тяжелый, гнилостный запах опавших листьев, толстым ковром устилавших тропу. В тени высоких деревьев было относительно прохладно, но болотная вонь душила меня, и я предположил, что она отпугнула не одного заинтересованного арендатора.

Приблизившись к дому, я отметил, что с окон комнат справа и слева от крыльца сорваны объявления агента по недвижимости, лишь кое-где остались прилипшие к стеклу клочки. На крыльце тоже не оказалось ни одного плаката, а когда Гаттон открыл входную дверь, я вскрикнул от удивления.

Мы очутились в небольшой прихожей. Слева была лестница, три двери вели дальше. И хотя в Ред-Хаусе явно никто не жил, в прихожей мы обнаружили мебель! Паркетный пол застилали ковры, перед камином стояла тяжелая

бронзовая скамья, а у стен — несколько стульев и высокая пальма в китайской кадке.

— Ого! — воскликнул я. — Да тут мебель, а на лестнице ковры!

— Да, — сказал Гаттон, внимательно осматривая помещение, — а из рапорта мне известно, что наверху вас ожидает сюрприз.

— Что за сюрприз?

— Поднимемся — увидим.

Следом за Гаттоном я прошел на первую лестничную площадку. Здесь я пораженно замер: никаких попыток мебелировать дом больше не наблюдалось. Площадка оказалась пуста, как и лестница на второй этаж! Гаттон заметил мое изумление, улыбнулся и сказал:

— Да, все это странно, не находите?

Мы спустились обратно в обставленную прихожую.

— Теперь сюда, — продолжил мой спутник.

Без успеха испробовав несколько ключей из принесенной с собой связки, он наконец обнаружил нужный и отпер дверь слева.

За ней оказалась узкая прямоугольная комната, вероятно, предназначенная служить столовой. Она была пуста, то там, то здесь на полу валялись обрывки газет и прочий мусор. Мое удивление возрастало с каждой секундой. Вторая — центральная — дверь вела еще в одну комнату без мебели.

— А вот эту я приберегу напоследок, — сказал Гаттон, — она даже не заперта. — И он указал на третью дверь, ту, что справа, и я понял, что он хочет, чтобы я открыл ее сам. Я сделал шаг вперед, повернул ручку и вошел в изысканно обставленную квадратную комнатку.

На полу лежал тяжелый персидский ковер, на окнах висели яркие индийские портьеры. Акварели в изящных рамках украшали стены. Обстановку дополняла затейливая старомодная горка, а также низкий диван и два кресла. Посередине стоял стол, а на нем лампа с большим мозаичным абажуром. У стола мы увидели два стула с высокими спинками, сам же стол кто-то накрыл для ужина! В ведерке с дав-

но растаявшим льдом помещалась бутылка вина, на блюде — холодные закуски весьма привлекательного вида. Надо всем этим возвышалась ваза с букетом превосходных белых роз. Приборы сверкали серебром, салфетки и скатерть были кипенно-белыми.

Я стоял разинув рот и взирал на это великолепие, пока не заметил, куда смотрит Гаттон. Переведя взгляд, я увидел каминную полку, на которой чинно и мерно тикали часы.

А рядом с ними, в прекрасной резной рамке, стояла большая фотография Изобель!

Глава 6

ГОЛОС

— Вот и средоточие тайны, — сказал Гаттон.

Я не ответил, не оправившись от изумления, в которое меня повергла находка в пустой комнате с накрытым столом. Все вышло столь неожиданно и так жестоко подтвердило неприкрытые подозрения инспектора, что мне показалось, будто между нами выросла неосязаемая стена. Гаттон явно ощутил то же самое. Он попытался привести меня в чувство, взяв с собой осматривать гараж, однако еще довольно долго я не замечал ничего вокруг: сквозь туман сомнений я видел одну лишь Изобель, испытующе улыбающуюся мне с фотографии. Слова моего спутника звучали так, будто он находился где-то очень далеко. Однако в конце концов мне удалось преодолеть оцепенение. Я был по-прежнему уверен в том, что Изобель невиновна, несмотря на все сложные обстоятельства дела.

— Наличие фотографии, — сказал я, — позволяет нам продвинуться дальше. Неужели вы не видите, инспектор, что это хитроумная и коварная ловушка? Все, что я ранее считал цепью несчастливых совпадений, теперь видится

мне результатом изощренных козней, цель которых — навлечь подозрение на совершенно непричастных людей.

— Хм, — с сомнением произнес Гаттон, — не исключаю, что вы правы; так или иначе, ваше предположение позволяет взглянуть на дело под новым углом, и признаюсь, ничего подобного мне в голову не приходило. И у нас есть свидетель, способный пролить свет на случившееся.

— Вы говорите о Мари?

— Именно. Она, безусловно, солжет, но мы изыщем способы добраться до истины.

— Инспектор, а не следует ли сразу принять некоторые меры, чтобы предотвратить ее бегство? — взволнованно спросил я.

Гаттон мрачно усмехнулся и ответил:

— Чтобы сейчас исчезнуть из поля зрения Скотланд-Ярда, Мари придется стать невидимкой. За ней пристально следят. Но, — продолжал он, — что вы думаете об этих следах на двери?

Мы успели войти в гараж и прикрыть за собой дверь. Отметины, на которые указывал инспектор, находились высоко под потолком.

— Это может подтверждать слова Болтона, что вчера ночью дверь открывалась не так легко, как сегодня, — сказал он. — Либо я сильно ошибаюсь, либо там находилось что-то, исчезнувшее совсем недавно.

— Вероятно, это было какое-то приспособление, закрывающее дверь? — предположил я.

Следы и на самом деле напоминали те, что остаются от подобного устройства, к тому же мы заметили, что кто-то пытался скрыть отверстия, оставленные винтами.

— И зачем оно понадобилось? — беспомощно пробормотал Гаттон.

— Бог его знает, — сказал я. — Сам теряюсь в догадках по этому поводу.

— Предположим, на двери и в самом деле был такой механизм, — рассуждал Гаттон, — но тогда вы бы заметили его вчера ночью, если, конечно, один из вас не придерживал дверь, не давая ей опять закрыться.

— Но мы не придерживали дверь! — с волнением возразил я. — Помню, как мы стояли снаружи и заглядывали внутрь. Я был за спиной констебля, а он направлял свет фонаря внутрь.

— Хм, — пробормотал Гаттон. — Значит, механизм не закрывал дверь, а был нужен для чего-то другого. Наверное, стоит проверить второй вход?

Мы подошли к противоположной двери, и я осознал, с каким трепетом ожидаю результата осмотра и насколько уверен, что и там найдутся следы похожего устройства. В этом я не ошибся. Вновь обнаружились отметины, указывающие, что со стены что-то сняли. Мы стояли и смотрели на предательские отверстия от винтов, затем непонимающе переглянулись.

— Нам недостает лишь одного, — произнес Гаттон. — Мы не знаем, как эти приспособления и разрозненные на первый взгляд происшествия были связаны между собой. Мы уже согласились, что ничего случайного в деле нет, как нет в нем простых совпадений. Констеблю велели пройти через гараж, открыть и закрыть двери с определенной целью.

— Но кто дал эти указания?

— На этот вопрос у меня есть частичный ответ. По пути сюда я заглянул в агентство по недвижимости — вы же видите, что я пришел с ключами. Я также зашел в участок. Мне, к сожалению, не удалось повидать сержанта, дежурившего вчера, но я узнал, что звонила женщина.

Моя душа ушла в пятки. Мне привиделось, что пока мы стоим здесь в гараже, невидимая рука все плотнее и плотнее опутывает сетью Изобель; в голове моей царила сумятица, смысл происходящего упорно ускользал от меня, хотя я не переставал искать ответа, кто и зачем желает Изобель тюремного заключения или участи похуже.

— И что сказал агент? — достаточно спокойно спросил я. Гаттон покачал головой.

— У меня нет причин не доверять этому человеку, — ответил он, — так как к моменту нашей встречи он не мог ничего узнать про преступление. Тем не менее, он рассказал

нечто невероятное. Дело в том, что он тоже получал все указания по телефону.

— Неужели? — воскликнул я.

— Да, по телефону, — повторил Гаттон. — Десять дней назад ему позвонили и сказали, что готовы взять Ред-Хаус в аренду на двенадцать месяцев. Это был иностранец, который, не располагая должными рекомендациями, согласился заплатить за год вперед. Ред-Хаус — это, как говорится, нечто вроде обременительного имущества, потому агент и ухватился за этот вариант. Оговоренная сумма поступила на следующий день по почте, и агент без колебаний отправил ключи будущему арендатору, пожелавшему измерить комнаты для покупки ковров и прочего.

— Погодите, — перебил я, — кому он отдал ключи?

— За ними пришел посыльный, которого порекомендовал сам клиент.

— Хорошо. Что было потом?

— Агент рассказал только это.

— Неужели это все?

— По существу больше добавить нечего. Совершенно очевидно, что неизвестный арендатор снял дом с единственным намерением — совершить здесь преступление.

— Иными словами, в деле с самого начала и до сего момента фигурирует только местный рассыльный?

— Именно, — заверил меня Гаттон, — а арендная плата, сумма которой, конечно, обезоружила агента, была послана казначейскими билетами, а не чеком.

— Но неужели нигде не мелькали ни имя, ни какой-нибудь адрес?

— Имя было, — ответил Гаттон, — и адрес гостиницы, но их подлинность, после получения денег, никого не заинтересовала.

— А голос по телефону?

Опять на лице Гаттона появилось странное выражение.

— Звонила женщина, — произнес он.

— О господи! — пробормотал я. — Что же происходит?

Я не сомневался, что когда найдут таксиста и перевозчика, доставившего ящик из гаража в доки, а также того,

кто привез ящик в Ред-Хаус (не исключено, что это один и тот же человек) и допросят их, сеть лишь плотнее опутает Изобель, в чьей невинности я был уверен.

— Гаттон, я полагаю, что все дело представляет из себя продуманный заговор, истинная цель которого не убийство сэра Маркуса, а очернение мисс Мерлин!

Гаттон смотрел на меня, откровенно недоумевая.

— Я начинаю думать так же, — признался он. — Клянусь, это дело задумал и осуществил мужчина. Но в него вовлечена женщина, чей голос, по рассказам свидетелей, звучал всякий раз, когда давались таинственные указания. Сама запутанность схемы говорит о том, что сюда приложил руку гениальный преступник. По-моему, когда мы докопаемся до истины — если мы до нее докопаемся — то безусловно увидим, что все было спланировано человеком незаурядного, пусть и извращенного, ума.

— Гаттон, меня ставит в тупик, — сказал я, — сама связь между тем, что произошло в гараже, и тем, что случилось в обставленной мебелью комнате Ред-Хауса, хотя мы пока не знаем, что там произошло.

— Нам известно, — отозвался Гаттон, — что ужин был накрыт на двоих, и одним из гостей совершенно точно являлся покойный сэр Маркус. То, что он ожидал мисс Мерлин, можно предположить, исходя по крайней мере из наличия в комнате ее фотографии, — вы же видели, что там эта фотография была *единственной*.

— Тем не менее, — твердо сказал я, — не сомневаюсь, что никто другой так не поразится, узнав о портрете, как она сама.

— Я уже подчеркивал, что сейчас все больше склоняюсь к вашей точке зрения, — заверил меня Гаттон. — Но вы же не станете отрицать, что даже моя убежденность не может в данную минуту соперничать с уликами, которые говорят обратное. Что касается связи между находками в гараже и несостоявшимся ужином (а он, безусловно, не состоялся), то ей я и займусь.

— Вы не считаете, — спросил я, — что мы уделяем слишком пристальное внимание тому факту, что с дверей бы-

ли сняты некие механизмы? Их мог убрать последний жилец, а звонок в полицейский участок, вероятно, преследовал цель привлечь свидетеля — весьма надежного, — чтобы позже тот подтвердил наличие ящика в гараже в ночь убийства.

— Пока я не понимаю, чем будет полезно такое свидетельство, — задумчиво произнес Гаттон, — однако вы можете оказаться правы. Впрочем, я лучше предположу, что вы ошибаетесь и вчера Болтона вызвали сюда для того, чтобы открыть и закрыть двери. Предлагаю еще раз пройти в комнату с накрытым столом.

Мы покинули гараж, не обнаружив ничего нового, прошли по дорожке в тени высоких деревьев и опять вдохнули болотный запах гниющей листвы. В Ред-Хаусе мы первым делом направились в невероятный оазис среди пустыни голых комнат, и там мой спутник все досконально осмотрел, даже простучал стены и проверил петли на двери. Наконец мы проследовали через прихожую в южное крыло дома, наиболее близкое к гаражу.

Я не представляю, что инспектор ожидал найти в гулких пустых комнатах, но его внимание в первую очередь было приковано к обшивке стен и рейкам для картин. Что бы он там ни искал, он потерпел неудачу, и теперь мы стояли в заброшенном жилище и смотрели на спутанный кустарник за окном. Отсюда нам был виден гараж; я уныло глядел на него, гадая, что за злую тайну он хранит, и поражался насмешке судьбы, сделавшей меня свидетелем этой скорбной драмы.

— Конечно, Гаттон, до сих пор мы придерживались убеждения, что сэр Маркус встретил смерть именно в этом доме, — сказал я. — Но не стоит забывать, что его тело могли перенести сюда после убийства.

— Между его отъездом из театра «Нью-авеню» и приблизительным моментом смерти прошло очень мало времени, — ответил инспектор. — Вряд ли он успел бы захватить куда-то еще.

— Но, возможно, тела не было в ящике, когда мы с Болтоном пришли в гараж вчера.

— Я и не думаю, что оно там было, — сказал Гаттон. — Я полагаю, что в тот момент сэр Маркус находился в Ред-Хаусе.

Я с любопытством уставился на него.

— Вы думаете, что когда мы с констеблем открыли гараж, он был в доме?

— Да. По моему мнению, он находился в комнате с накрытым на двоих столом.

— Боже мой! — воскликнул я, ибо сама мысль, что человек, теперь уже мертвый, был в доме в ту минуту, когда мы с Болтоном стояли меньше чем в сорока ярдах от него, показалась мне чудовищной. Ведь в таком случае, если забыть, что мы не догадывались о его присутствии, в наших силах было предотвратить его смерть, воспрепятствовав ходу изощренного механизма убийства, запущенного в Ред-Хаусе.

— Кто-то побывал здесь вчера ночью после вашего с Болтоном ухода, — внезапно заявил Гаттон, когда мы повернулись к двери. — Все, что могло выдать убийцу, убрали. Если посмотреть на дело непредвзято, становится совершенно ясно, что того, у кого хватило ума спланировать такое преступление, вряд можно обвинить в глупейшем недосмотре: он не мог случайно забыть фотографию на каминной полке.

Я слышал, что инспектор говорит с настоящей убежденностью, и с моих плеч будто свалилась гора. Мне давно было понятно, что случайностью здесь и не пахло, но я боялся, что с точки зрения закона, с которой смотрел на дело мой спутник — а взгляд закона всегда особый — все могло представляться в ином свете.

— Умный и хитрый негодяй, спланировавший преступление, как вы и сказали, Гаттон, тут дал маху, — сказал я. — Убийство задумано необычайно изобретательно, но попытка свалить вину на другого отличается весьма посредственным исполнением. Это не обманет и ребенка.

— Вы правы, не обманет. Одно лишь то, что мы обнаружили портрет здесь, убедило меня в невинности мисс Мерлин больше, чем любые уверения в чистоте ее совести.

Он загадочно улыбнулся и добавил:

— Видите ли, если близкие друзья не подозревают о вашей склонности к преступной деятельности, это не значит, что вы не преступник. Поэтому я ничуть не удивляюсь, когда у осужденного вора или убийцы находятся рекомендации, способные сделать честь самому архиепископу. Но когда мне попадается искусственно созданная улика, я чувю ее за милю. Настоящие улики так о себе не кричат.

Мы вышли на крыльцо и направились по усыпанной листьями дорожке к главным воротам. Там, рядом с дежурным констеблем, стоял мужчина в штатском, несомненно ожидавший инспектора.

— Да? — без обиняков обратился Гаттон к незнакомцу.

— Она у нас, сэръ, — кратко отрапортовал тот.

— Это он о Мари? — спросил я.

Гаттон кивнул.

— Полагаю, мистер Аддисон, мне следует немедленно отправиться на Боу-стрит*, куда она уже доставлена для допроса. Вы едете со мной, или у вас другие дела?

Я нерешительно ответил:

— У меня нет особого желания смотреть в глаза этой женщине, но я буду премного обязан, если вы сообщите мне о результатах ее допроса.

— Я обязательно расскажу вам все, — сказал Гаттон, — а вы немало обяжете меня, если чуть позже снабдите нас сведениями о кошачьих статуэтках. Ведь вы упоминали, что кое-что о них знаете.

— Конечно. Вы по-прежнему уверены, что знак на ящике и изображение женщины-кошки имеют большое значение для расследования?

— Не сомневаюсь в этом, — ответил он. — Если фотография видится мне откровенной подделкой под улику, то кошка подлинна и выведет нас на верный след. Думаю, вам лучше вернуться домой прямо сейчас и освежить в памяти сведения, которые вы считаете важными, а когда я приеду к вам, мы быстро все обсудим.

* Боу-стрит — улица в Лондоне, где находился в свое время штаб городской полиции.

— Именно так я и поступлю, — сказал я, — хотя и полагаю, что почти сразу найду все необходимые материалы.

И мы разошлись: Гаттон отбыл с детективом, принесшим новость об аресте Мари, я же направился в противоположную сторону, к своему коттеджу; я шел домой в таком смятении чувств, не зная, каков будет конец и чем все обернется для Изобель, что не мог заставить себя мыслить логически, и не стоит упоминать, что у меня так и не сложилась мало-мальски правдоподобная версия, объясняющая эту цепочку удивительных и ужасающих событий.

Глава 7

КОШКА ИЗ БУБАСТИСА

«Это одна из бесчисленных кошачьих статуэток, неожиданно обнаруженных в развалинах Телль Басты* в 1878 году и за несколько лет распространившихся по всему миру», — писал я, раскрыв том «Египетского искусства» сэра Гастона Масперо**. — Она представляет собой изображение Баст, богини домашнего очага, особенно почитавшейся в восточной части дельты Нила. Изображение богини и ее имя часто встречаются на памятниках, хотя до сих пор о происхождении Баст и мифах о ней известно мало. Ее связывали узами крови или брака с Солнцем и называли то его сестрой, то женой, то дочерью. Иногда она исполняла роль целительницы и благодетельницы, защищающей от

* Телль Баста (араб. «Холм Баст») — местность на юго-восточной окраине современного египетского города Эз-Заказик, где находятся развалины древнего Бубастиса.

** Гастон Камиль Шарль Масперо (1846-1916) — знаменитый французский египтолог, основатель Французского института восточной археологии в Каире.

заразных болезней и злых духов, которых она отпугивала звуками систра*; временами она претерпевала зловещие изменения и играла своими жертвами, как кошка мышами, а затем убивала их ударом лапы. Она предпочитала жить в городе, носящем ее имя, — в Пер-Басте, или, как именовали его древнегреческие авторы, в Бубастисе. К ее храму приложили руку Хеопс и Хефрен**, когда возводили свои пирамиды; он был перестроен при фараонах 22-ой династии и расширен при фараонах 26-ой династии. Геродот, посетивший святилище в середине пятого века до нашей эры, назвал его одним из самых величественных зданий, которые ему довелось увидеть во время путешествия по Египту.

Празднества, посвященные Баст, привлекали паломников со всего Египта, подобно тому, как сегодня люди съезжаются в Танту на торжества в честь суфия Ахмада аль-Бадави***. Каждая деревня посылала большие лодки, куда садились мужчины вместе с женщинами с откровенным намерением развлечься во время плавания, что всегда им удавалось. Медленное продвижение по Нилу сопровождалось бесконечным пением скорее любовных песен, чем священных гимнов, под аккомпанемент флейт и трещоток для отбивания такта. Возле каждого города лодки приближались почти вплотную к берегу, музыканты начинали играть в два раза громче, но паломники не высаживались, а принимались осыпать потоками оскорблений и брани женщин, собравшихся у реки, те отвечали столь же дерзко, а когда сказать становилось нечего...»

* Сistr — ударный музыкальный инструмент, древнеегипетская храмовая погремушка.

** Хефрен, или Хафра — Суфис II, четвертый фараон Египта из IV династии.

*** Танта — город в Египте в 94 км от Каира. Ахмад ибн Али аль-Бадави (ум. в 1276) — основатель суфийского религиозного братства, последователи которого по его имени именуются бадавитами либо ахмадитами.

Здесь я прервался, подумав, что непристойное поведение древних египтян, описанное великим ученым, не имеет никакого отношения к делу об убийстве. Затем я продолжил писать, добавив нужные сведения о дарах, возлагаемых к ногам богини:

«Большинство паломников перед возвращением домой оставляли приношения у ног Баст. Обычно это была дощечка с красивой надписью и изображением дарителя, склонившегося перед богиней, или же статуэтка, которая могла быть как керамической, покрытой синей или зеленой глазурью, так и, если даритель был богат, металлической, из бронзы, серебра и иногда золота. Изображенная богиня могла стоять или сидеть на троне или на корточках; у нее было женское тело и кошачья голова; в руках она нередко держала сistr или эгиду*. В Египте Птолемеев** фигурки богини делались из бронзы, а также из крашеного или позолоченного дерева, но с бронзовой кошачьей головой; обнаружено множество статуй богини в человеческий рост, созданных с величайшим мастерством; глаза и знак на лбу статуй были эмалевыми».

Далее приводились научные данные о том, что через какое-то время оставленные дары переносились жрецами в кладовые при храмах либо в специально вырытые в земле хранилища, «напоминавшие античные *фависсы****». Статуэтки скапливались тысячами: большие и маленькие; сияющие новизной, будто только что сделанные, и побитые, потерявшие всякую ценность. Места захоронения были вскоре забыты, и тайники оставались сокрытыми от людских глаз, пока их случайно не обнаружили во время раскопок.

Закончив записывать, я приступил к внимательному осмотру зеленой эмалевой статуэтки, переданной мне Гат-

* Эгида — культовый предмет в изображении головы божества, например, небольшой щит.

** Египет Птолемеев (332 г. до н.э. — 30 г. до н.э.) — эллинистическое государство, образованное на территории Египта после его завоевания Александром Македонским.

*** Фависса — подземное культовое хранилище.

тоном для дальнейшего изучения. Определить период ее захоронения было нельзя, но, судя по контурам, общей форме и качеству обливки, я предположил, что она ближе всего к стилистике второй половины двадцать шестой, Саисской, династии*, но отнес ее к раннему эллинистическому периоду, то есть к четвертому веку до нашей эры. Это были времена наибольшего расцвета культа Баст и ее воплощений Пах и Мет, пик распространения кошачьих кладбищ. Фигурка была исполнена в чисто египетской манере, без следов греческого влияния.

На этой стадии работы меня застал звонок в дверь. В комнату заглянул Коутс:

— К вам инспектор Гаттон, сэр.

Вошел Гаттон; вид у него был едва ли не более озадаченный, чем при нашем расставании у Ред-Хауса; я также отметил, что он утомлен.

— Налейте себе выпить, инспектор, — предложил я и показал на приставной столик с бутылками и графинами.

— Благодарю, — ответил Гаттон. — С тех пор, как я вас оставил, у меня не было времени ни выпить, ни даже покурить: сейчас всплывает улика за уликой.

Он не раз бывал у меня в гостях и привык к моему богемному образу жизни, поэтому не постеснялся плеснуть себе виски с содовой. Поставив стакан на угол письменного стола, он сел в кресло и принялся не торопясь набивать трубку.

Уже вечерело, но солнце и не думало закатываться — пейзаж за окном тонул в золотистом сиянии. Со своего места я видел обсаженную деревьями дорогу, и впервые со вчерашней ночи, наполненной странными происшествиями, я внезапно поймал себя на мысли о том, не были ли связаны между собой едва различимый силуэт моего преследователя в аллее, горящие кошачьи глаза, взглянувшие на меня из-под темного кустарника, и трагедия, разыгравшаяся в Ред-Хаусе практически в то же самое время. Я решил позднее поделиться этими догадками с другом, но горел же-

* Саисская династия — ок. 685-525 гг. до н. э.

ланием сперва узнать, что именно рассказала ему Мари — хотя и понял по выражению лица инспектора, что показания горничной сильно обескуражили его и мало помогли разобраться в ситуации. Поэтому я спросил:

— Что вы узнали от Мари?

Гаттон мрачно усмехнулся, отпил из стакана и сказал:

— Все, конечно, было, как я и ожидал: Мари начала отрицать, что ей что-либо известно, потом поняла, что загнана в угол, и быстро изменила тактику, поведав совершенно невероятную историю. И как мы затем ни пытались заставить ее изменить показания, она настаивала на рассказанном. Если коротко, то все сводится к следующему.

Покойный сэр Маркус долгое время досаждал мисс Мерлин ухаживаниями, и Мари получила приказание сдерживать его по мере сил. Кстати, с радостью сообщаю вам, что, судя по показаниям горничной, вы оказались правы: мисс Мерлин ничего не знала о заговоре с целью убийства. Выяснилось, что несколько раз Мари даже не извещала хозяйку о приходе сэра Маркуса и не приносила его визитную карточку, а ему просто давала неопределенные ответы. Так продолжалось некоторое время, но однажды вечером, когда мисс Мерлин была на сцене, Мари позвонили по телефону и кое-что предложили.

Ей сказали следующее: если завтра вечером сэр Маркус придет, Мари следует уверить его, что после спектакля мисс Мерлин поужинает с ним, но ему необходимо соблюдать некие меры предосторожности. Мари, по ее словам, сначала отказалась, но ее убедили, что баронета хотят всего лишь разыграть, и она тут же согласилась. Могу добавить, что обещание дать ей за это десять фунтов, конечно, ускорило принятие решения; утром она получила деньги по почте и уже не могла уклониться от своей части сделки.

Инструкции были предельно ясны. Она должна была сказать сэру Маркусу, что мисс Мерлин встретится с ним после представления, а когда он придет, Мари следовало сообщить, что из соображений благопристойности хозяйка просит его отправиться на свидание в одиночку, она же присоединится к нему через четверть часа. Вместе с деньгами

Мари получила ключ, который должна была передать сэру Маркусу, сказав, что он должен войти в дом и ожидать в комнате по правую руку от прихожей. Предполагалось, что таксист, знающий адрес, будет находиться около служебного входа в театр.

Гаттон замолчал, медленно посасывая трубку, потом продолжал:

— План осуществлялся втайне от мисс Мерлин. Сэр Маркус явился в десять и узнал о предстоящем ужине; он вернулся в одиннадцать, и Мари сказала ему все, что от нее требовалось, то есть то, что хозяйка присоединится к нему через пятнадцать минут. Любопытство (а Мари искренне верила, что участвует в розыгрыше) заставило ее проводить баронета до выхода из театра и убедиться, что такси и вправду там. Так оно и было, и она услышала, как сэр Маркус спросил шофера, знает ли тот, куда им ехать.

Шофер ответил, что знает, и Мари клянется, что больше ей ничего не известно: сэр Маркус отбыл, а хозяйка примерно через четверть часа вернулась домой одна. Следующий пункт. С самого утра по всем стоянкам искали таксиста, и пару часов назад он появился в Скотланд-Ярде. Его рассказ был достаточно прост: в тот вечер он ожидал клиентов на стоянке, туда позвонили и заказали автомобиль для сэра Маркуса; надо было подъехать к служебному входу театра «Нью-авеню» и отвезти клиента... — Гаттон сделал паузу.

— Куда?

— В Ред-Хаус!

— Наконец это прояснилось! — взволнованно воскликнул я.

— Сомнений нет, — ответил Гаттон, — таксист привез его туда, и именно в Ред-Хаусе сэр Маркус встретил смерть. В самом деле, таксист был последним свидетелем, говорившим с убитым. Еще он уточнял дорогу к Ред-Хаусу у пешехода — бродяги, попавшегося ему у поворота на Колледж-роуд. Он даже описал его нам, но вряд ли свидетельство прохожего настолько важно, чтобы пуститься на его поиски. Доехав до Ред-Хауса, шофер с баронетом обнару-

жили, что дом пуст. Тем не менее, сэр Маркус, привыкший не церемониться с нижестоящими, заплатил и быстро отпустил такси, а водитель, не отрицающий, что пришлось поспорить из-за двойного тарифа — место-то глухое, — уехал в некотором недоумении, хотя и недостаточно сильном для подобной ситуации, но лондонские таксисты и не такое видали.

— Мы все ближе к разгадке тайны.

— Хм, не уверен, — сказал Гаттон. — Чем глубже мы копаем, тем дело темнее. Полицейский весь день рыскал по округе в поисках перевозчика, доставившего ящик в доки, но его не нашел. Полагаю, очень важно не только выяснить, как и когда увезли ящик, но и кем и в какое время он был привезен в гараж.

— Еще вопрос, хотя, кажется, ответ очевиден, — произнес я. — Такси было заказано мужчиной или женщиной?

— Как Мари, так и таксисту звонила женщина.

— Слава богу, одна неясность исчезла! — сказал я. — Ни в одном из случаев это не могла быть Изобель!

— Верно! — тут же согласился Гаттон. — Я рад не меньше вашего. В деле определенно есть еще одна дама, однако я по-прежнему не верю, что столь изощренная интрига — дело рук женщины.

— Даже *ревнивицы*? — спросил я.

— Любой, — ответил он. — Более того, кто поместил тело в ящик? Что за женщина способна справиться с такой задачей?

— Иными словами, — сказал я, — вы понятия не имеете, кем было совершено убийство и как именно убили сэра Маркуса?

Инспектор положил трубку в пепельницу и поднял с моего стола статуэтку Баст, зажав ее указательным и большим пальцами.

— Мы постоянно возвращаемся к зеленой кошке, — задумчиво произнес он. — А теперь, мистер Аддисон, придется мне побеспокоить вас просьбой рассказать про такие статуэтки.

— Да, — рассеянно сказал я. — Есть еще кое-что, о чем я умолчал, потому как совершенно откровенно сомневался, фантазия это или реальность; но каждый новый поворот в деле настолько поражает воображение, что мое свидетельство более не покажется чем-то из области невозможного. Итак, прежде чем мы пойдем дальше, обратившись к чисто археологической стороне вопроса (а я все еще испытываю немалые сомнения в практической пользе этих сведений), позвольте мне поведать вам о том, что я увидел после того, как расстался с Болтоном.

Гаттон молча выслушал мой рассказ о смутной тени, замеченной на дороге, и о кошачьих глазах, уставившихся на меня через окно.

Наивное удивление на его лице едва не заставило меня усмехнуться, а когда я завершил повествование, он сказал:

— Да уж, мистер Аддисон, услышь я эту историю до того, как столкнулся с тайной «Оритоги» — журналисты сговорились так называть наше дело, — и он достал из кармана вечерний выпуск газеты, — я бы подумал, что необычные исследования, которыми вы заняты, начали сказываться на вашем душевном здравии. Но голос по телефону, пустой дом с одной обставленной комнатой, зеленая кошка на крышке ящика и, наконец, статуэтка на вашем столе заставляют меня более не удивляться даже таким странностям, как ваше вчерашнее приключение.

Я не преминул заметить:

— Учтите, явной связи между делом об убийстве и загадочным призраком в моем саду нет.

— Как не было явной связи между телом сэра Маркуса в ящике в трюме «Оритоги» и гаражом при Ред-Хаусе на Колледж-роуд, пока мы вдруг ее не увидели, — возразил Гаттон. — Тем не менее я рад, что вы все мне рассказали; я возьму ваш рассказ на заметку, потому что это может оказаться новым звеном в цепи событий. А теперь, — он достал блокнот и карандаш, — расскажите мне об этих кошках.

Я с усталым вздохом прошел к книжному шкафу и взял с полки том Гастона Масперо, тот, что читал ранее, но поставил обратно, когда пришел инспектор.

— Здесь все кратко изложено, — сказал я.

Гаттон методично делал заметки, пока я зачитывал ему свои записи. Когда экскурс был закончен, он просмотрел страницу блокнота и пробормотал:

— Хм, как странно, действительно очень странно. «Временами она претерпевала зловещие изменения и играла своими жертвами, как кошка мышами, а затем убивала их ударом лапы».

Он поднял глаза и удивленно поглядел на меня.

— Она играла своими жертвами, как кошка мышами, — прошептал он, — а затем убивала их ударом...

Глава 8

МОЯ ГОСТЬЯ

Долгое время после ухода Гаттона я сидел и обдумывал наш разговор. Несмотря на поздний час, он, покидая мой дом, не помышлял об отдыхе, а отправился на дальнейшие поиски улик, указывающих на виновника смерти сэра Маркуса. В комнате после двухчасового совещания висела пелена табачного дыма, снаружи стало совсем темно, а я все не двигался с места, размышляя о жутком лабиринте, в который меня занесло судьбой. Вскоре вошел Коутс.

— А, Коутс, — сказал я, — зажги свет.

Он нажал на выключатель, и я увидел, как клубы дыма облаками поплыли от открытого окна к только что распахнутой двери.

— Вы сегодня вечером уходите, сэр? — спросил Коутс и застыл в ожидании ответа, как давно повелось между нами.

— Думаю, нет, — произнес я. — Для одного дня сделано достаточно, но буду благодарен, если ты позвонишь в театр «Нью-авеню» и поинтересуешься, не смогу ли я поговорить

с мисс Мерлин. Сейчас для этого самое время — спектакль должен как раз закончиться.

— Хорошо, сэр, — сказал Коутс и пошел к телефону, а я остался сидеть и бездумно курить, прислушиваясь к его голосу. Немного погодя Коутс объявил:

— Сегодня вечером мисс Мерлин отсутствовала, сказавшись больной.

— Так я и думал, — пробормотал я. — Не стоило ожидать, что после всего ужаса и тревожных волнений она найдет в себе силы выйти на сцену. Позвони ей домой, Коутс, — добавил я. — Мне надо с ней поговорить. Кажется, она в большой беде.

— Слушаюсь, сэр. Это имеет какое-либо отношение к утренней находке в доках, сэр? — позволил себе вопрос Коутс.

— Да, — ответил я. — Дело чертовски запутано.

— Так точно, сэр, — и Коутс направился к телефону.

Тремя минутами позже я разговаривал с Изобель.

— Невозможно описать, что со мной произошло с тех пор, как вы ушли, — сказала она. — Я в совершенной растерянности, и, конечно, о выступлении сегодня не могло быть и речи. Но дела не так уж и плохи. — Она замешкалась, затем продолжила: — К сожалению, я смогла только кратко известить их о своем отсутствии, и пусть это прозвучит эгоистично... но сами знаете, я и так ухожу со сцены... и очень скоро...

— Да, — понуро подтвердил я, — знаю. Побывала ли у вас полиция?

— Я видела инспектора Гаттона, — сообщила она. — Но он сказал, что собирается встретиться с вами; вам наверняка известно о нашей с ним беседе.

— Нет, — ответил я, — он не упомянул о визите к вам, но вы же не сомневаетесь, Изобель, что он не считает вас даже в малейшей степени причастной к этому ужасающему делу.

— Он был чрезвычайно любезен, — сказала она, — после разговора с ним я во многом изменила мнение о методах работы полицейских; но хотя он и был предельно тактичен со мной, я не могу простить ему подозрений в отношении Эрика, которые он и не пытался скрыть.

— Он подозревает Эрика! — воскликнул я.

— Ох, — вздохнула Изобель, — вероятно, он решил не посвящать вас в это, зная, что вы с Эриком... друзья, но со мной он не был столь осторожен. В сущности, полиция следит за Эриком!

— Но в это невозможно поверить! — сказал я. — Не хотите ли вы сказать, Изобель, что Каверли решил умолчать о том, что делал вчера ночью? Если это так, в данных обстоятельствах он во всем виноват сам. Общественное положение и иные привилегии ничего не значат, когда речь заходит о расследовании убийства. Он это прекрасно понимает.

Полагаю, я говорил с жаром и в голосе моем сквозила несдержанность. Поведение Эрика вызывало у меня негодование: оно могло только осложнить дело и навлечь беды на Изобель.

Но я почти сразу пожалел о своей запальчивости, потому что Изобель печально спросила:

— И вы *тоже* хотите посориться со мной?

— О чем вы? Кто с вами ссорился?

— Сегодня у поверенного Эрик яростно со мной спорил, а когда я молила его честно рассказать мне о том, что он делал вчера, он сделался... — Изобель колебалась, — ...буквально невыносим. Кажется, он не понимал, что я хочу ему только добра, не видел, на какие мысли наводит его молчание. Как думаете, Джек, что он может скрывать?

На время я потерял дар речи. *Что* мог скрывать Каверли? Я сразу отверг мысль о соучастии в преступлении — я бы ни за что не поверил в это. У меня было лишь одно предположение, и Изобель, по всей видимости, думала о том же — другая женщина. Тем не менее, я предпринял попытку успокоить Изобель:

— Можете не сомневаться, у него имеется достойная причина для молчания, которая ни в малейшей мере не дискредитирует его. Однако в ближайшее время ему придется пересмотреть свое отношение к делу. Безусловно, любой из нас, если вдруг от него потребуют алиби, может столкнуться с некоторыми трудностями, например, не всегда най-

дутся свидетели, но каждый сможет в нескольких словах описать, что он делал в тот или иной момент, даже если понадобится положиться на удачу в поиске подтверждения этих слов. Изобель, его молчание нелепо.

— Вы читали вечерние газеты? — с грустью спросила она.

— Некоторые, — ответил я.

— В них уже есть мое имя, а одна опубликовала и мою фотографию. То, как они набрасываются на любой намек на скандал, возмутительно.

— Все прояснится, — как можно тверже уверил я. — Мы с вами знаем, что Каверли не виновен, и вряд ли Гаттон видит в нем убийцу.

Мы поговорили еще немного, и я устало вернулся в свое кресло в комнате, все еще наполненной табачным дымом.

Я по-прежнему не придавал особого значения статуэтке, но необычность описания привлекала меня, и я невольно вспомнил, как Гаттон тихо повторил фразу Масперо: «временами она играла своими жертвами, как кошка мышами» и далее в том же духе. Тяжелая книга с великолепными иллюстрациями все еще лежала открытой на столе, и на нескольких картинках я видел кошек, похожих на ту, что мне оставил Гаттон для дальнейшего изучения; я перечитал отрывки о свойствах богини-кошки, помеченные мной для инспектора. Я едва понимал, о чем читаю, потому что в голове роились мысли о многочисленных сложностях дела. Так я просидел, должно быть, с час, пока меня не привел в чувство вошедший в комнату Коутс.

— Я еще понадобится вам сегодня вечером, сэр? — спросил он.

— Нет, — ответил я, — отправляйся-ка спать: не исключено, что завтра мы будем на ногах с раннего утра. Скорее всего, меня опять вызовет инспектор Гаттон.

— Слушаюсь. Спокойной ночи, сэр, — сказал Коутс и, по-солдатски развернувшись, вышел из комнаты.

Я продолжал читать, но не в поисках каких-либо сведений, а довольно бездумно, лишь бы чем-то себя занять. Я слышал, как мой добросовестный ординарец запирает двери и окна — таков был его ежевечерний обычай. Затем дверь

его комнаты затворилась, и больше из-за нее не раздавалось ни звука.

Смутно помню, что до меня откуда-то издалека доносился собачий вой, но из полусонного оцепенения я вынырнул из-за звонка в дверь. Я понял, что просидел за столом гораздо дольше, чем собирался. Было без четверти час.

Первой мелькнула мысль, что это Гаттон: должно быть, расследование приобрело неожиданный оборот и требуется моя помощь. Коутс всегда спал как убитый и, очевидно, не проснулся от звонка, поэтому я в чем был, то есть в пижаме, домашних туфлях и халате (именно так я ходил дома в жару), проследовал по недлинному коридору к входной двери и отпер ее.

На пороге стояла женщина.

На какое-то мгновение я имел глупость принять ее за Изобель, отчего сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Но иллюзия быстро рассеялась, стоило гостье заговорить.

Голос ее разительно отличался от голоса Изобель: низкий, обволакивающий, с чуть уловимой хрипотцой, в некотором смысле чарующий, но в то же время — я не мог не заметить этого — жутковатый, потусторонний.

— Прощу простить меня, — начала она. — Вы, естественно, не понимаете, что привело гостью к вашему порогу в столь поздний час, и мое объяснение вряд ли покажется вам обычным.

Произнося это, она с опаской оглянулась на дорогу, тонущую во тьме. Я сразу отметил, что она в вечернем платье под нарядным плащом; ее голову и плечи окутывала шаль из плотного шелка, скрывая лицо. И вот теперь, очень отчетливо, я услышал, как воют собаки.

Инстинкты — вещь любопытная, и когда я стоял перед незнакомкой, именно они подсказали, что следует разбудить Коутса! Я и впрямь испугался ее и только и думал о том, как захлопнуть перед ней дверь. Это было тем более необъяснимо, если учесть, что ее вид и поведение выдавали даму из светского общества, весьма элегантную: она стояла передо мной, и лунный свет, косо пробивающийся сквозь листья и полумесяцем лежащий на тропинку за спиной гостьи,

лишь подчеркивал ее высокий рост и изящество.

Конечно, я никогда не поддаюсь первому порыву, но в этот раз решил не я, потому что женщина вдруг тихо вскрикнула от испуга и покачнулась, будто собираясь упасть.

Волей-неволей я сделал шаг вперед, чтобы поддержать ее, и прежде чем я сумел осознать, что произошло, она оказалась в коридоре, тяжело прижавшись к моему плечу.

— Закройте дверь! — сказала она своим низким, хрипловатым голосом. — Скорее! Скорее! Я только что опять их видела!

У меня по спине пробежал неприятный холодок.

— Глаза! — прошептала она. — Меня преследовали два огромных глаза! Поэтому я и постучала в вашу дверь. Я испугалась.

Мне хватило упоминания об огромных глазах. Оставив незнакомку одну, я прыжком добрался до двери и поспешно захлопнул ее. Повернувшись, я увидел, как женщина медленно идет на свет, падающий из щели приоткрытой двери кабинета. Я обогнал ее и, распахнув дверь, пропустил гостью в комнату.

— Пожалуйста, присаживайтесь, — сказал я. — Вижу, что вы пережили сильное потрясение.

Из спальни Коутса по-прежнему не доносилось ни звука. Я жаждал услышать его голос, ибо, как ни пытался, я все равно не мог заставить себя смириться с присутствием незнакомки, а также понять, почему она очутилась в одиночестве в таком месте и в столь поздний час. Однако теперь нас связывала некоторая симпатия: я так боялся тех ужасных глаз, что мог бы простить кому угодно подобный страх; я более не сомневался, что у меня по соседству завелся таинственный призрак.

— Поверьте, я знаю, о чем вы, — сказал я своей посетительнице. — Это может показаться невероятным, но, по-видимому, поблизости бродит какая-то необыкновенно большая кошка.

Я стоял у приставного столика, намереваясь налить стакан воды, но женщина отрицательно махнула рукой, обтянутой белой перчаткой.

— Благодарю вас, — сказала она, — благодарю, мне уже лучше. Если, как вы говорите, меня и впрямь испугала всего лишь кошка, я вас оставлю.

Она рассмеялась грудным, но очень мелодичным смехом. В рассеянном свете настольной лампы я увидел, как под вуалью блеснули белые зубы, но никак не мог понять, почему женщина закутана. Даже это обилие ткани не скрывало ее необычайно больших и красивых глаз. Кажется, гостья окончательно пришла в себя, однако не сделала попытки открыть лицо.

— Вы уверены, что на дороге вас ничего не испугает? — спросил я.

— Ах, нет. Мы с друзьями остановились по соседству, — объяснила она, заметив мое любопытство, — а я допустила оплошность, решив выйти на улицу так поздно, чтобы отправить письмо.

Подобное объяснение могло бы удовлетворить меня; не исключая, что я, будучи захвачен вихрем еще более невероятных событий, и внимания не обратил бы на этот случай, но сама судьба-проказница приложила руку к происходящему, позволив мне узнать, кем была моя гостья. Когда я говорю, что мне предстояло узнать, кем она была, я, возможно, выражаюсь не совсем точно; правильней было бы сказать — мне предстояло убедиться, что она не являлась обычным человеком.

Судьба вмешалась как раз в тот миг, когда женщина собралась уходить. Горела только одна лампа, та, что стояла на столе; в эту минуту произошел скачок напряжения — и лампочка перегорела, погрузив комнату во тьму! Я вскочил с испуганным возгласом. Не стану отрицать, в темноте, наедине с незнакомкой, мне было не по себе, но худшее ожидало впереди. Я посмотрел в сторону кресла, где сидела она, и увидел, что оттуда на меня пристально глядят два горящих глаза!

Что-то в этом ужасном, сверкающем взоре подсказало мне, что моя странная гостья, полностью — за исключением пламенных глаз — скрытая мраком, видит каждое, даже самое незаметное мое движение.

Я не могу описать в подробностях, что я делал или что происходило вокруг меня в следующие несколько мгновений. Знаю лишь, что я хрипло вскрикнул и попятился от чудовищных глаз, а они, казалось, приближались ко мне. Крик разбудил Коутса. Я услышал, как он босиком соскочил с кровати. Миг спустя его дверь распахнулась и он ощупью выбрался в темный коридор.

— Где вы, сэр? — заплетающимся со сна языком громко позвал он.

— Коутс, я здесь! — ответил я, и тон мой был далек от нормального.

Опрокинув по пути стул, Коутс влетел в кабинет. Что-то темное, показалось мне, мелькнуло и тут же исчезло в едва различимом квадрате открытого окна (эта сторона дома обычно затенена).

— Коутс, принеси фонарь! — приказал я. — Лампочка перегорела.

— Спички на столе, сэр, — ответил Коутс.

Я вдруг осознал, что все это время спички лежали у меня под рукой. Я зажег одну и в неверном свете осмотрел комнату. Гостья скрылась — конечно, через окно, потому что входная дверь осталась закрытой.

— Она пропала, Коутс! — воскликнул я.

И на сей раз Коутс изумленно повторил за мной:

— Она?

Но я уже отвлекся и не слышал его.

Я не отрывал взгляда от того места, где на столе, у раскрытого тома Масперо, лежала статуэтка из Бубастиса... Сейчас ее там не было!

Глава 9

БАРХАТНАЯ ПОРТЬЕРА

— Это выбивает меня из колеи, мистер Аддисон, — сказал инспектор Гаттон.

Мы стояли в саду, недалеко от открытого окна кабинета. Между тропинкой и высокой живой изгородью из бирючины располагалась небольшая цветочная клумба. Так как она была разбита на теневой стороне, Коутс засадил ее душистым табаком. Почва здесь отличалась особенной рыхлостью.

На ней четко виднелись отпечатки туфельек на высоком каблуке.

— Это будто возвращает нас в дни Джека-прыгуна*, — продолжал мой друг, — а я тогда еще не родился! По-моему, его тайна осталась неразгаданной?

— Верно, — ответил я, увидев его вопрошающий взгляд, — достойного объяснения не нашли. Следовательно, это неудачное сравнение. Но, как вы и говорите, моя гостья перепрыгнула через почти шестифутовую изгородь!

— Полное безумие! — мрачно заметил Гаттон. — Это ничем нам не поможет, лишь утянет еще глубже в трясины.

Мы вернулись в кабинет.

— Вы читали сегодняшние газеты? — спросил инспектор. Я кивнул.

— Чуть ли не все. Эти негодяи осмеливаются трепать имя мисс Мерлин.

— И не забывают про новоявленного баронета, сэра Эрика, — многозначительно сказал Гаттон.

Я посмотрел ему прямо в глаза.

* Джек-прыгун, Джек-пружинки-на-пятках, Джек-попрыгунчик — персонаж английского фольклора викторианской эпохи, дьяволоподобное создание, способное совершать невероятные прыжки. Рассказы о нем распространялись в основном в 1850-1880-х гг.

— Вы действительно верите, что Эрик Каверли как-то замешан в дело о смерти своего родственника?

Гаттон неловко заерзал на стуле.

— Ну, — начал он, — если не брать в расчет детали, кому еще выгодна смерть сэра Маркуса Каверли?

Вопрос поставил меня в тупик — я и ранее опасался его, зная, что ответа не будет.

— Он наследует титул, — продолжил Гаттон, — а после смерти леди Бернем Каверли ему переходит Фрайарз-Парк. Есть какое-то условие, или акт о неотчуждаемой собственности, или распределение долей между наследниками, по которому поместье и капитал остаются в ее пожизненном владении.

— Насколько я понимаю, имение заложено?

— Это требует уточнения, мистер Аддисон. Поверенный сэра Эрика ничего не знает об этом, а юрист сэра Маркуса уходит от ответа. Но даже если речь об одном лишь титуле, то многие расставались с жизнью и за меньшее. Впрочем, не забывайте о... мисс Мерлин.

— В каком смысле? — строго спросил я.

— В смысле ее отношений с сэром Маркусом. Ревность заставляет мужчин (и женщин) совершать необъяснимые, отчаянные поступки. А сэр Эрик Каверли, новый баронет, весьма непредсказуем.

— Он своеволен и не лишен слабостей, — согласился я. — В остальном он обыкновенный, хорошо образованный английский джентльмен из старинной фамилии. Говорю вам, Гаттон, это нелепо. Одна армейская карьера подтверждает его здравомыслие.

— Да, — пробормотал Гаттон, — он был награжден за безупречную службу в Египте.

Это кажущееся невинным замечание обрушилось на меня, как удар кулака. Гаттон принялся неторопливо набивать трубку, даже не глядя в мою сторону, но скрытый смысл его слов был слишком очевиден.

— Гаттон, — сказал я, — на что это вы, черт побери, намекаете?

Он слегка пожал плечами.

— Пожалуй, самая таинственная часть расследования, — ответил он, — упирается в дела египетские, не так ли? Именно так. А кто из известных нам людей связан или был связан с Египтом?

— Неужели... женщина?

— Ага! — сказал Гаттон. — Вот теперь вы дошли до сути. Но, принимая во внимание, что все необычные черты вашей гостьи можно так или иначе объяснить, например, преднамеренным обманом, не может ли она оказаться кем-то, кого Эрик Каверли встретил в Египте?

Некоторое время я молча смотрел на него, а затем предположил:

— То есть она соперница мисс Мерлин?

— Именно. Уловка с фотографией походит на проделку женщины, охваченной безумной ревностью. Все спланировано с изощренной хитростью, но стоит делу дойти до ненавистной конкурентки, интрига становится переперченной.

— И вы полагаете, что Каверли молчит, потому что прикрывает кого-то?

— Ну, кого-то или самого себя. А что еще это может означать? Человек, подозреваемый в убийстве, не мешкает с представлением алиби, если, конечно, предварительно не был загнан в угол. Пока мне сложно понять, какую роль во всем этом играет ваша знакомая с необычными глазами, но, по-моему, я где-то слышал, что пусть и редко, но встречаются люди со светящимися зрачками.

— Встречаются, инспектор, — согласился я. — Надеюсь, что в скором времени я смогу найти сведения на этот счет. Как раз сейчас я пытаюсь достать книгу Сент-Илера по тератологии*.

— Что касается фантастической силы и ловкости, — продолжал Гаттон, — не следует забывать, что живая изгородь — это не каменная стена. Иными словами, вашей гостье было незачем прыгать почти на шесть футов в высоту. Да и,

* Этьен Жоффруа Сент-Илер (1772-1844) — французский зоолог и натурфилософ. Тератология — наука, изучающая уродства.

в конце концов, нынче эпоха спортсменов. Некоторые женщины-атлетки способны прыгать необыкновенно высоко. Конечно, следует найти и опросить свидетелей, но я заранее знаю, что от них услышу. Это остроумное решение, но оно не ново для меня.

Вся затея осуществлялась с помощью телефона — он мощный союзник современного преступника. Говоря вкратце, произошло следующее: наш неизвестный убийца выбрал Ред-Хаус из-за того, что тот стоит на отшибе и сдается всем желающим, и снял его без личной встречи с агентом. В первую очередь мы должны искать того, кто не ограничен в средствах. Он, этот мужчина или женщина — назовем его «Игрек» — заменил обычные рекомендации предложением внести арендную плату за год, заплатил наличными и таким образом заполучил ключи и право пользования особняком. Подобным же образом он ввез туда немногочисленные предметы мебелировки. Мы пока не нашли контору, где он купил эту мебель, но я не сомневаюсь, что заказ, как и прежде, был сделан по телефону, а оплата производилась наличными. Должно быть, потом он сделал дубликаты ключей — это осуществляется просто. Не сомневаюсь, впоследствии выяснится, что и мебельщиков, и поставщика продовольствия, доставившего ужин, впустил в Ред-Хаус местный рассыльный или же ключи попали к ним по почте.

Все строилось вокруг одного замысла, довольно просто, — заманить сэра Маркуса в комнату с накрытым столом. С помощью тех же загадочных телефонных звонков его пригласили тем вечером в театр «Нью-авеню» и, хотя мы вряд ли сможем это доказать, он полагал, должно быть, что звонили по просьбе мисс Мерлин. По хладнокровной обстоятельности, с которой Игрек организовал доставку ящика в гараж и тела убитого в доки для отправки в Вест-Индию, мы можем судить о характере человека, которого призваны найти.

Конечно, о содержимом ящика рано или поздно все равно узнали бы. Но из-за аварии в порту это случилось совсем быстро. Произойди это позже, Игрек успел бы замести в Ред-Хаусе все следы, что крайне замедлило бы расследо-

вание. Однако ему удалось убраться самую важную улику.

— Какую? — с неприкрытым интересом спросил я.

— Машину смерти, — ответил Гаттон. — Хитроумное устройство, вокруг которого были расположены дополнительные приспособления. Не надо ждать подтверждений от коронера или патологоанатома — и так понятно, что сэр Маркус умер от удушья.

— В той комнате с накрытым на двоих столом? — пробормотал я.

— А вы сомневаетесь?

— Нет, — сказал я. — Не сомневаюсь.

— Я запретил что-либо там трогать, — продолжал Гаттон, — и сейчас намерен отправиться в дом и сделать последнюю попытку раскрыть тайну смерти сэра Маркуса.

— Но одна деталь, — сказал я, — кажется, никак не укладывается в описанную вами схему. Силуэт Баст, изображенный на ящике — том, что сейчас у вас, в Скотланд-Ярде — и статуэтка богини, украденная с моего стола ночью.

Гаттон поднялся и вздохнул.

— Мистер Аддисон, — начал он, — я всегда считал, что именно эти исключения, не вписывающиеся в общую картину дела, эти из ряда вон выбивающиеся детали, являются самыми ценными уликами. Лично меня, как правило, ставят в тупик очевидно простые случаи, в которых глазу не за что зацепиться.

Я усмехнулся.

— В этом плане на тайну «Оритоги» жаловаться грешно, — сказал я. — Как заметил один мой коллега, дело безумно, словно «Алиса в стране чудес»!

Вскоре Гаттон отправился в Ред-Хаус, а я вызвался сопроводить его: мне было чрезвычайно интересно узнать, как именно было совершено убийство сэра Маркуса. Коутс довез нас с Гаттоном до Ред-Хауса и, поскольку я собирался позднее встретиться с Изабель, остался ждать у ворот.

Хотя час был еще очень ранний, у ворот особняка успела собраться довольно большая толпа зевак, привлеченных вниманием прессы к сенсационному преступлению и решивших лично взглянуть на место загадочной трагедии.

Лондон — город любопытствующих. Даже банальнейшее дорожное происшествие привлекает зрителей, а уж дом, в котором, вероятно, произошло убийство, не может не стать центром притяжения для празднующихся со всей округи.

Наше прибытие несколько всколыхнуло пеструю толпу зевак на тротуаре. Вопреки всем усилиям охраняющего здание констебля, мужчины, женщины и дети настойчиво осаждали главные ворота и вглядывались в пустой дом, точно ожидая, что в одном из окон вот-вот промелькнет лицо убийцы или призрак жертвы. Перед гаражом также собралось немало любопытных, но стоило нам с Гаттоном направиться по дорожке к дому, как они потянулись в сторону ворот.

— Интересно, — произнес я, — а нет ли среди зевак разыскиваемого нами Игрека? Говорят, убийц неудержимо тянет на место преступления.

— Почему бы и нет? — ответил Гаттон. — Как бы то ни было, в толпу затесались по меньшей мере два детектива из Скотланд-Ярда, так что Игреку не помешает держаться настороже.

Через несколько секунд я опять оказался в прихожей Ред-Хауса, но теперь я ощущал гнетущую атмосферу тайны, что царил здесь. Само безмолвие заброшенного дома будто излучало зло. Конечно, я не сомневался, что сам нагнал на себя страх жуткими мыслями об этом месте; но в то же время чувствовал, что если накануне, когда мы делали одно открытие за другим, я чаще всего испытывал удивление и любопытство, в это утро их сменило нечто более зловещее; я вдруг осознал, что напряженно прислушиваюсь, хотя не было слышно ни звука, и подспудно задаюсь вопросом, какой секрет таится в этом опустелом жилище.

По приказу Гаттона комнату с накрытым для чудовищного ужина столом не тронули, и мы вновь стояли и смотрели на безупречно чистые салфетки и скатерть и сверкающее серебро. Я слушал, как на камине тикают часы и уныло глядел на винную бутылку в ведерке, наполненном вместо льда мутноватой водой. На столе было блюдо с фрукта-

ми: персиками, абрикосами, нектаринами; через открытое кем-то окно в дом попали несколько крупных ос, и теперь они с сонным жужжанием летали над блюдом. И наконец, рядом с часами стояла фотография Изобель.

Я безрезультатно оглядывал комнату в поисках следов борьбы, но предмет интереса моего спутника был не столь очевиден. Он опять направил все свое внимание на стену, подоконники и косяк двери.

— А, — неожиданно сообразил я. — Я понял, что вы ищете! Некую связь между комнатой и гаражом?

Гаттон, на коленях исследовавший нижнюю часть дверного полотна, с мрачной усмешкой поднял взгляд.

— Может, и так, — ответил он.

По голосу инспектора я догадался, что его изыскания вновь обернулись провалом. Вскоре, отказавшись от дальнейших поисков, он поднялся на ноги и какое-то время пристально смотрел на нишу за одним из высоких стульев, придвинутых к столу. Мы уже заглядывали в нее, но ничего не обнаружили. Гаттон подошел ближе и отодвинул портьеру, закрывавшую углубление в стене.

Ниша имела около четырех футов в ширину и трех в глубину и не содержала никакой мебели или украшений.

— Вы не находите этот альков довольно любопытным? — спросил он.

Я долго вглядывался внутрь, но ничего особенного не увидел.

— Нет, — сказал я, — разве что идея повесить нишу портьерой не совсем обычна.

— И какой портьерой! — произнес Гаттон, щупая ткань.

Я тоже коснулся материала пальцами и понял, что это необычайно тяжелый бархат. Взглянув вверх, я заметил, что портьера держалась на карнизе. Он был закреплен так высоко, что завеса доходила до самого потолка.

— А кроме самой ткани, — продолжал Гаттон, хитро поглядывая на меня, — вы ничего не замечаете?

— Нет, — признался я.

— Ладно. Возможно, вы помните, что вчера при осмотре комнаты мне пришлось повесить портьеру на спинку сту-

ла, который я придвинул сюда специально, чтобы проверить альков.

— Да, так и было, помню, — подтвердил я.

— И вам это не кажется странным? Если вы соблаговолите взглянуть вверх, на крепления, вы заметите, что портьера не укреплена на кольцах. Иными словами, не предполагалось, что ее будут отдергивать. К тому же это цельное полотно, и если бы кому-то пришло в голову зайти в нишу, ему пришлось бы отодвинуть портьеру в сторону и отпустить — и она опять закрыла бы проход за его спиной.

Я внимательнее пригляделся к занавесу и согласился с выводами инспектора, но заметил и еще кое-что.

— Комната одно время освещалась газовым рожком! воскликнул я. — Здесь, под планкой для картин, клапан.

— В большинстве домов в этой местности есть и газ, и электричество, — задумчиво произнес Гаттон.

Но не успел он договорить, как я увидел, что выражение его лица изменилось и он мгновенно внес стул в нишу.

— Придержите портьеру, — скомандовал он.

Встав на стул, он принялся изучать небольшой газовый клапан, замеченный мной. Какое-то время я молча наблюдал за ним.

— Как думаете, что это? — спросил я.

Инспектор посмотрел через плечо.

— Кажется, я обнаружил улику! — ответил он.

Глава 10

РОКОВАЯ УЛИКА

Изобель вошла в комнату и направилась ко мне. Никогда доселе она не казалась мне столь прекрасной — в простом утреннем платье, с восхитительными рыжеватыми солнечными бликами в волосах. Но в ее взгляде по-прежнему жил

страх. Поднявшись ей навстречу, я не мог не заметить, что она старается перебороть охватившее ее нервное напряжение.

— Вы переживаете за Эрика? — спросил я после обмена довольно формальными приветствиями, которые, как мне показалось, помогли нам скрыть эмоции. Мне точно, и ей, как я узнал позднее, тоже.

— С каждым днем тучи над ним сгущаются все сильнее, — ответила она, опускаясь на диван рядом со мной.

Тень беды, окутавшая нас, в то мгновение и в самом деле была почти осязаема: на нас словно опустилась тьма египетская, и даже сияние утра не могло развеять ее.

— Когда вы в последний раз видели Каверли?

Изабель устало подняла голову.

— Вчера вечером, и он, по-моему, подозревал, что за ним следят... следит полиция.

Я отметил, что Изабель говорит про Эрика Каверли с некоторой отчужденностью, которую не смог объяснить. Наверное, это было естественно, но я вел себя как глупый слепец, incapable увидеть борьбу противоречивых чувств, терзающую ее изнутри.

— Он все еще отказывается говорить, что делал в ночь убийства? — спросил я.

— Да, он по необъяснимой причине упорно продолжает молчать, — сказала Изабель.

Глаза ее сделались еще печальнее.

— Но что я действительно не понимаю, так это недавно проявившуюся в нем неприязнь.

— Неприязнь? По отношению к кому?

— Ко мне.

— Но...

— Ох, Джек, я в полной растерянности и совершенно несчастна из-за этого. А как горько он жаловался на полицейскую слежку, установленную за ним! Он осознает, конечно, что коронер ложно истолковал его молчание, но вместо того, чтобы честно рассказать обо всем, он по-настоящему злится, даже оставаясь со мной наедине, и не объясняет причин. Честно говоря, он всем своим видом показывает,

что это я виновата в обрушившихся на него несчастьях.

— Должно быть, он сошел с ума, — произнес я. Полагаю, слова мои прозвучали возмущенно, потому что Изабель опустила глаза и покраснела.

— Только не думайте, что я виню его, — поспешно добавил я, — но он обязан заговорить — если не ради своего доброго имени, то ради вас. Вы увидите с ним сегодня?

Изабель кивнула.

— Он может прийти в любую минуту, — ответила она, а затем посмотрела в сторону, на дневные газеты, в беспорядке лежавшие на полу рядом с диваном. — Вы, конечно, читали, что пишут обо всем этом?

Я кивнул.

— А чего вы ожидали? — проговорил я. — Это одно из тех дел, когда практически все улики, пусть и косвенные, указывают на невинного как на преступника. Я серьезно беспокоюсь из-за Каверли, и не только потому, что он поставил вас обоих в самое сомнительное положение, но и потому, что он препятствует осуществлению правосудия. Своим необъяснимым молчанием, разумеется, не желая того, он дает убийце время улизнуть от закона.

Не успел я договорить, как услышал, что к дому подкаатило такси, и, выглянув в окно, увидел, как из него выходит Каверли, расплачивается и входит в подъезд. Он двигался непривычно суетливо, и с неожиданной болью в сердце я осознал, что он похож на беглеца. Вскоре он появился в комнате и, обнаружив меня, не стал скрывать враждебности.

Эрик Каверли не имел ни малейшего сходства с покойным баронетом, от которого унаследовал титул, ибо происходил из совершенно иной семейной ветви. Сэр Маркус был темноволос и смугл; Эрик Каверли, с другой стороны, принадлежал к той светловолосой породе англичан, что отличается свежим цветом лица, замечательным здоровьем, неброской привлекательностью и, как правило, веселым, незлобивым нравом. Между нами никогда не было особой симпатии, так как я посвящал слишком много времени абсолютно нелепым, по его мнению, занятиям. Хотя круго-

зор его был достаточно широк, он оставался типичным выходцем из своего класса, и вряд ли кто-нибудь, не кривя душой, причислил бы его к интеллектуалам.

— Доброе утро, Аддисон, — довольно натянуто сказал он, поздоровавшись с Изобель; кажется, мое присутствие в доме его рассердило. — Похоже, господа из вашего газетного племени сговорились вздернуть меня на виселице.

— Вы несете чушь, Каверли, — отрезал я. — Такое недопонимание возникает тогда, когда кто-то отказывается говорить, где был и что там делал.

— Но это возмутительно! — запальчиво воскликнул Каверли. — С чего бы *мне* знать, как умер Маркус?

— Я совершенно убежден, что вы вообще ничего не знаете, но мы с вами сто лет знакомы. А для «газетного племени», о котором вы говорите, вы всего лишь один из представителей многочисленного населения Британии. В такого рода делах, Каверли, все люди равны.

Пока я произносил эту несколько высокомерную речь, целью которой, скажу в свою защиту, было заставить Каверли выдать себя и пролить свет на тайну, он взирал на меня со все возрастающим раздражением. Я заметил под его глазами круги; он был взбудоражен и встревожен. Я понял, что последние двое суток он почти не спал и, вероятно, прикладывался к спиртному, зная, что наступающий день готовит новые испытания.

— Не считаю необходимым отчитываться о своих действиях перед всяким полицейским, возжелавшим меня допросить. Мне абсолютно ничего не известно о происшедшем. Я так и сказал, а я не привык к тому, что мои слова ставят под сомнение.

— Дорогой мой Каверли, — начал я, — вы наверняка прекрасно осознаете, что рано или поздно вас вынудят отказать от этой героической позы. Не хотите услышать совет? Вам придется поговорить со следователем, и вы, конечно, понимаете, что если не дадите простых ответов на простые вопросы, дело передадут в суд?

— Ох, Изобель, я уже говорил, что эти газетчики успели меня повесить! — вскричал Каверли и разразился горе-

стным смехом.

И, разозлив и поразив меня (а кто бы истолковал дальнейшее в его пользу?), он добавил:

— И пусть вешают! Захочу — заговорю, но не раньше!

По моим репликам, выходявшим за любые рамки воспитанности, можно понять, как я устал от этого молодого глуща. Но я надеялся спровоцировать его на заявление, которое очистило бы его имя от сгущающихся над ним теней — и отогнать эти тени от девушки, стоящей рядом с ним и глядящей на меня с упреком в карих глазах.

Я тут же понял, что не смогу оставаться в доме и не поссориться с ними.

— Кажется, мне пора, — сказал я, изобразив улыбку, впрочем, довольно мрачную. — До свидания, Изобель. Вы знаете, что я всегда и во всем к вашим услугам. До свидания, Каверли. Мне действительно жаль, что все так сложилось.

Он едва дотронулся до моей протянутой руки, потом резко отвернулся и отошел к окну. Стоило мне выйти на улицу, как я сразу убедился в правоте Каверли: за ним следили.

На крыльце перед входом в дом стоял человек и разговаривал с консьержем. Когда я вышел, он мгновенно отвернулся и стал старательно закуривать сигарету. Тем не менее, я успел узнать его: это он принес Гаттону новость о задержании Мари.

По-настоящему встревоженный, я продолжил путь в редакцию «Планеты». Я многое бы отдал, лишь бы избавить Изобель от этих печалей; моя душа пылала гневом и яростью при мысли о человеке, намеренно навлекшем на нее подозрения и несчастья. Каверли, отказывавшийся обелить себя, виделся мне чуть ли не негодяем.

Я внимательнейшим образом прочитал гору газетных вырезок по делу и пришел к выводу, что мало кто сомневался в виновности Каверли. Имя Изобель склонялось на все лады; я был готов взорваться от бешенства и вскоре сгреб все вырезки со стола и швырнул их в мусорную корзину. Я как раз приминал их ногой, когда меня позвали к телефону.

Инспектор Гаттон звонил из Скотланд-Ярда, и голос его был очень серьезен.

— Не могли бы вы прийти ко мне прямо сейчас? — спросил он. — Дело приняло новый оборот, весьма неприятный.

Больше он ничего не сказал. Я бросился к ожидавшему в автомобиле Коутсу и через десять минут сидел в голом, неудобном кабинете, довольно типичном для службы столичной полиции.

Без шляпы Гаттон еще больше походил на моряка: такие короткие, жесткие, курчавые волосы и по-бульдожьби широкий лоб обычно ассоциируются с военно-морским флотом. На стуле, в нише у одного из больших окон, лежал кожаный саквояж, насквозь промокший и покрытый пятнами — очевидно, его недавно вытащили из воды. Я вошел и тут же невольно устался на саквояж. Инспектор, заметив мой взгляд, кивнул.

— Да, только что принесли, — сказал он.

— Что это?

— Ну, — начал Гаттон, усевшись на угол стола и скрестив на груди руки, — это такая улика, что и совершенно невиновный человек тут же благодаря ей отправится на виселицу.

Он многозначительно посмотрел на меня, а я почувствовал, как быстрее забилося мое сердце.

— Мне позволено узнать подробности?

— Конечно. Я вызвал вас специально, чтобы все рассказать. Сэр Эрик Каверли отказался отвечать на вопросы — и нам, как вы знаете, пришлось установить наблюдение за ним. Иными словами, все происходит по инструкции, и даже сам комиссар полиции не смог бы ничего поделать. Итак, вчера вечером Каверли покинул свою квартиру и направился в дом мисс Мерлин. Он вышел через черный ход и пошел по узкому проулку, а не по улице. Он явно думал, что ему удалось проскользнуть незамеченным. И в руках у него было — вот это.

— О Боже! — воскликнул я. — Этот кретин будто сам засовывает голову в петлю.

— Однако, — продолжил Гаттон, — ускользнуть ему *не удалось*. Пока он шел по Сент-Джеймскому парку, его не выпускал из вида детектив. Каверли замешкался у пруда — и человек, следивший за ним, конечно, затаился. Вокруг никого не оказалось, и вскоре, полагая, что находится в полной безопасности, Каверли бросил свою ношу в воду! Затем он быстро двинулся прочь; детектив следовал за ним до самых дверей мисс Мерлин. Конечно, место, куда упал саквояж, запомнили, и сегодня, когда я прибыл в Скотланд-Ярд, его уже выловили — и доставили мне для изучения.

— Что в нем находится? — спросил я, переполненный дурными предчувствиями.

Инспектор Гаттон подошел к стулу и открыл саквояж. Сначала он достал несколько кусков сырого угля.

— Это, конечно, для веса, — сказал он.

Затем, вещь за вещью, он вынул из липкого нутра потрепанную одежду — лохмотья бродяги — и пару тяжелых ботинок. В саквояже были залатанные штаны, старое, вышедшее из моды пальто, грязная шапка и, наконец, дырявый красный шарф!

Гаттон испытующе поглядел на меня.

— Вот теперь упряму придется заговорить, — сказал он. — Новых доказательств, подтверждающих его невиновность, у нас нет, но вот это — неопровержимая улика!

— Это безумие! — вскричал я. — Неужели ничего нельзя сделать, Гаттон? Неужто нельзя повернуть расследование в ином направлении, найти что-то, на что ранее не обратили внимания, — и выяснить правду? Что бы вы там ни думали, я уверен, что Каверли не преступник.

Гаттон, нахмурившись, сложил мокрые вещи обратно в саквояж и ответил:

— Сегодня утром мне пришло в голову, что нужно коснуться еще одного вопроса, чтобы оградить невиновного и закончить расследование. Боюсь, в суде Каверли придется неслладко, но не исключено, что кое-что может быть сделано до того, как следствие представит окончательные выводы.

Гаттон окинул меня вопрошающим взглядом и произнес:

— Я знаю, что вы искренне заинтересованы в этом деле. Позвольте сделать вам предложение. Возможно, оно выйдет за рамки вашего допуска к делу, каким его представляет начальство, но я все же рискну. При одном условии: обо всем, что вы обнаружите, буду знать только я, но не «Планета». Это договоренность не разойдется с вашей журналистской этикой?

— Не разойдется, — охотно ответил я, — вы, конечно, сможете просматривать все, что я буду писать для «Планеты». Так что вы предлагаете мне сделать?

— Я желаю знать, — без обиняков сказал Гаттон, — при каких обстоятельствах скончался мистер Роджер Каверли.

— Роджер Каверли? — эхом повторил я.

— Сын сэра Бернема Каверли, — продолжил Гаттон, — и, следовательно, прямой наследник титула. Он умер где-то за рубежом лет пять-шесть назад, в результате чего покойный сэр Маркус и стал баронетом после смерти своего дяди, сэра Бернема. Вы помните, наверное, как его слуга, Моррис, упомянул, что отношения между леди Бернем Каверли и сэром Маркусом оставляли желать лучшего — конечно, из-за безвременной смерти ее собственного сына.

— Я вас внимательно слушаю, — с готовностью откликнулся я. — Вы предлагаете мне отправиться во Фрайарз-Парк и побеседовать с леди Бернем Каверли?

— Именно, — ответил Гаттон. — Конечно, это звучит неожиданно, но я знаю вас достаточно хорошо и готов рискнуть выволочкой. Правда, я могу поручить это детективу. У меня слишком много дел в городе, и самому за всем следить не получится, поэтому порекомендовал бы вам согласиться.

Я понимал, чем было вызвано предложение инспектора Гаттона, и был благодарен ему за проявленную человечность. Протянув ему руку, я сказал:

— Благодарю вас, Гаттон, вы можете смело доверить расследование мне. Я отправлюсь во Фрайарз-Парк сегодня же.

— Хорошо, — ответил Гаттон. — Разрешите дать вам совет. Не забудьте прихватить надежный револьвер!

Глава 11

ЦАРАПИНЫ

Когда я добрался до трактира «Эбби-Инн» в Аппер-Кросслиз, едва не самого древнего здания в этой старинной деревушке, было уже около семи вечера. Трактир застал дни, когда облаченные в белое братья из некогда процветавшего монастыря Круа-де-Лис трудились на полях аббатства и рыбачили в речушке, медленно несущей свои воды в соседней долине. Время оставило неизгладимые следы на его фасаде, а галерея над каретным двором угрожающе провисла и была готова того и гляди обрушиться просто от возраста.

Я с первого взгляда попал под чары окружающего пейзажа. Покатые холмы вздымались над долинами, густой лес на склонах перемежался с широкими возделанными полями и еще более просторными вересковыми пустошами — совершенно дикими и навевающими мысли о разбойничьих лагерях и давних стычках воинственных лендлордов. Здесь же испокон веков жили сюзерены: руины замка до сих пор виднелись на вершине соседнего холма.

Из окна снятой мною комнаты я мог любоваться поражающей своим разнообразием местностью — обжитой и дикой, со всех сторон обрамленной лесом, отступающим лишь в долине. Одна только башня какого-то старого особняка возвышалась над кронами деревьев, тогда как все остальное было сокрыто зеленью.

Отведав настоящий сельский ужин, в котором малое число блюд с лихвой возмещалось обильностью порций, я раскурил трубку и спустился в питейный зал, надеясь разузнать об этом крае из первых рук от какого-нибудь случайного посетителя, подходящего для этой цели.

За стойкой с трубкой в зубах восседал хозяин трактира, довольно неразговорчивый представитель своей братии, а в зале был единственный гость — смахивающий на цыгана

мужчина с безумными глазами, одетый в костюм егеря, в крагах и меховой шапке. В углу рядом с ним стояла охотничья винтовка. Увидев меня, хозяин кивнул, а незнакомец поздоровался. Я решил, что егеря будет легче разговорить, и сам завел беседу:

— И как тут охота? — спросил я.

Мой вопрос, кажется, немало повеселил его.

— Лучше не бывает, — последовал ответ, — дичи хоть отбавляй, к бабке не ходи, вот только никому, кроме юного Джима Кордера, она не нужна! — Он подмигнул трактирщику.

Хозяин глухо заворчал, и гость, как видно, признал в этом смех, потому что и сам расхохотался — дико и не очень приятно. Я пришел к выводу, что «юный Джим Кордер» — неистощимый источник местных шуток.

— Кажется, вы зайца с куропаткой не перепутаете, — произнес я, — так что поверю вам на слово.

Сказанное заставило хозяина вновь издать грудной рык, а мой новый знакомец, егерь, и вовсе зашелся в порыве диковатого хохота.

— Вот что я вам поведаю, сэр, — вскоре проговорил он, — эти птахи признают меня за отца родного, точно-точно. Я с ними поутру здоровкаюсь, а они давай мне кланяться, уж поверьте.

Смех утих, и я почувствовал, что пришла пора расспрашивать.

— Сдается мне, — начал я, — что нынче охотников здесь по пальцам сосчитать?

Оба мои собеседника помрачнели.

— Точно так, сэр, точно, — подтвердил егерь. — Он тут не ошибся, да, Мартин?

Мартин, трактирщик, что-то проворчал в ответ. Я догадался, что гость у него в немилости.

— Край наш, — продолжил егерь, широко махнув рукой куда-то в сторону, — гиблое место. Гиблое, точно, Мартин?

Мартин забурчал, а егерь украдкой бросил на него взгляд.

— Как сэр Бернем богу душу отдал, все пошло наперекосяк. Точно-точно, сэр. Все словно подменили. Зима аль

лето, всякий день затишье. В Парке безлюдье, не тот он ныне, что прежде, а, Мартин?

Мартин снизошел до разговора, вынул изо рта трубку и выразил согласие:

— Точно так, Хокинс.

Минуту или две все молчали. Хокинс с Мартином как будто погрузились в размышления об упадке Аппер-Кросслиз, и я никак не мог отделаться от ощущения, что в глубине души Хокинс рад этому.

— Леди Каверли, конечно, по-прежнему живет в Парке? — спросил я.

— Угу. — Хокинс кивнул. — Меня не выгнала, меня да женку мою, да, не выгнала, ибо она самая что ни на есть леди. Но все поменялось, покатилося кубарем. Точно, Мартин? — спросил он, хитро глянув на невозмутимого трактирщика.

— Точно так, — поддакнул тот.

— Лучшую часть дома заколотили, — сообщил Хокинс. — Лошадей нету, карет нету, никого нету, только мы с моею старухой.

— Но должны же быть еще слуги, — вставил я.

— Дык моя старуха! — торжественно возгласил Хокинс. — Я так и говорю!

— Иными словами, леди Каверли живет одна в поместье только, э-э, с миссис Хокинс?

На мой вопрос ответил трактирщик Мартин:

— Все наперекосяк, — заметил он и опять отправил в рот трубку, которую вынимал лишь ради меня.

— Да тебе и половины не ведомо, — заявил Хокинс. — Вот чем я, к примеру, занимаюсь? Вот ответь-ка, чем?

Произнеся это, он многозначительно посмотрел в глаза трактирщику и умолк. Даже то, что он принял мое предложение вновь наполнить его кружку, не привело к последующим откровениям. Мне вкратце сообщили, каков будет урожай зерна и фруктов, но недавний обмен взглядами между трактирщиком и Хокинсом казался молчаливой договоренностью о том, что разговор о Фрайарз-Парке и так зашел слишком далеко.

Дело было действительно темное, и, естественно, не могло не возбудить мое любопытство. Деревушка и без того, даже в сиянии летнего вечера, представлялась местом уединенным, но теперь это проявилось в полную силу. Сидя в тишине небольшого зала, я припомнил, что старинные дома справа и слева от «Эбби-Инн», по всем признакам, были заброшены, а малое количество посетителей в трактире наверняка объяснялось не качеством эля — как раз он был превосходным. Население Аппер-Кросслиз словно выкосило какой-то напастью. Все представлялось весьма интересным.

Размышляя о происходящем и время от времени вставляя словечко в чисто механический и очень отрывочный разговор, продолжающийся между хозяином и Хокинсом, я смотрел то на одного, то на другого и все больше убеждался, что они на ножах. Я сидел в сторонке, и вошедший в питейный зал мог заметить меня, только оказавшись у стойки; иначе я бы никогда не стал свидетелем одного необычного происшествия.

В натужной беседе возникла пауза, и я услышал звук шагов по мощеной дорожке, ведущей к трактиру. Хокинс с хозяином быстро переглянулись и, к моему удивлению, вопросительно уставились на меня. Но не успел я не то что вымолвить слово, но даже догадаться, что таится за этой подспудной тревогой, как вошел молодой человек, и его походка и одежда мгновенно заинтриговали меня.

Итак, он был облачен в карикатурно «модную» пиджачную пару, а на обильно сдобренных бриллиантином темных волосах красовалась лихо заломленная соломенная шляпа. При нем были перчатки и ротанговая тросточка, и держался он хватом. Крепко скроенный и мускулистый, он был не лишен того, что обычно зовется грубоватой привлекательностью, однако его главной отличительной чертой являлась хирургическая повязка вокруг шеи вместо воротничка, причем лицо представляло собой настоящую мозаику из липкого пластыря!

— Добрый вечер, Мартин... Добрый вечер, Хокинс, — свысока бросил он и, подойдя к стойке, распорядился:

— Как обычно, Мартин.

Трактирщик с полунасмешливой почтительностью принялся исполнять заказ; Хокинс смотрел в мою сторону, чувствуя себя не в своей тарелке, что удивило новоприбывшего и заставило заметить мое присутствие. Он резко развернулся ко мне, и я увидел, что его кожа — там, где лицо не закрывали кусочки пластыря, — заполыхала. Сверкнув карими глазами, он закричал, гневно махнув рукой трактирщику:

— Мартин! Мартин, будь ты проклят! Тут чужак! Какого черта ты меня не предупредил?

— Простите, мистер Эдвард, — проговорил трактирщик, ставя стакан виски перед взбудораженным посетителем. — Не успел.

— Врешь! — несколько неподобающе для такого пустякового недоразумения бушевал и ярился тот. — Нагло врешь! Хочешь, чтоб надо мной вся округа потешалась!

Подняв только что наполненный стакан, он швырнул его на присыпанный песком пол; стакан разлетелся вдребезги. Затем, схватив шляпу и прикрыв ею, как щитом, свое изувеченное лицо, он выскочил из зала.

— Катитесь вы все к чертям! — крикнул он нам с порога.

Я слышал, как он быстро зашагал прочь. Он свернул за угол, и шаги смолкли. Я поглядел на Хокинса. Егерь усталвился в кружку, медленно вращая ее, будто перемешивал содержимое. Мартин, выйдя из-за стойки, флегматично смел осколки стакана в совок. Я вдруг понял, что эти простые деревенские жители приняли нервную вспышку близко к сердцу и печалятся, как родители, чей отпрыск опозорил себя. Но я, разумеется, не был готов поддержать возникший заговор молчания: репортер во мне требовал объяснений.

— Станный юноша, — кинул я пробный камень. — Кажется, очень ранимый?

— Ранимый? — повторил Хокинс, сразу подняв взгляд. — Видал я, как он взял Тома Пайка одной рукой за шкуру, а другой за штаны да запихал в лошадиную поилку, а тот

всего только спросил, где он одежду шьет, точно-точно.

— Местный Карпантье*, полагаю?

— Ну, спуску никому не дает, — сказал Мартин и, глянув на меня, вернулся за стойку.

— Вижу, он тяжело переживает из-за своего нынешнего увечья. Ошибусь ли я, если предположу, что недавно он запутался в колючей проволоке?

К моему откровенному разочарованию, Мартин лишь порывчал что-то в ответ и мрачно покачал головой; Хокинс, как зеркало, повторил его неопределенное покачивание.

— Он сильно покалечился? — не сдавался я.

— Одна царапина глубокая, — ответил Хокинс и бросил извиняющийся взгляд на трактирщика. Неприятный инцидент, казалось, сблизил их. — Та, что на шее. Но он-то над своей внешностью трясется, да, Мартин?

— Точно, — согласился Мартин.

Я взял быка за рога. Я никогда не упустил шансов такого рода, и не столь важно, насколько значимым мог показаться тот или иной эпизод: я не раз убеждался, что именно случайные находки зачастую приводят к искомой сути, к настоящей новости.

— Так выпьем, джентльмены, — сказал я, — скоро ночь, но до десяти есть время пропустить стаканчик виски.

Мои усилия увенчались успехом, потому что, пока Мартин едва ли не с готовностью разливал напиток, у Хокинса развязался язык.

— То был молодой мистер Эдвард Хайнс, сэр, — поведал он торжественным шепотом. — Его отец самый богатый фермер в наших краях, а молодой мистер Эдвард знатный бабник, точно-точно. Уж поверьте, и того не скрывает. Как сюда наведается, тут же выложит, за кем ухлестывает. И горе той, кто ему поддается. Хорошо хоть моя дочурка в Лондоне, пока этот мистер Эдвард тут толчется, правда-правда.

Трактирщик поставил стаканы на стойку, и Хокинс умолк.

* Жорж Карпантье (по прозвищу Орхидейщик) (1894-1975) — французский боксер, чемпион мира в полутяжелом весе.

— Ваше здоровье! — сказал я. Потом добавил:
— Так что там наш покалеченный юный друг?
— Да уж, — продолжил Хокинс, — как-то это все смешно, да, Мартин?

Трактирщик зарычал.

— Мистер Эдвард зашел сюда недели три назад, весь из себя такой важный. Сказал, что у него свидание с лондонской дамой, вроде бы та из самого Западного Уингема с ним повидаться приехала. Правда, Мартин?

Мартин подтвердил.

— Он с ней и повидался, — заявил Хокинс, изображая наивного школьника. — И еще через четыре дня повидался. Она ему подарочек сделала — на долгую память. Он нам показал. А после он ее и в третий раз повидал, и...

Хокинс замолк и посмотрел на трактирщика, будто безмолвно просил помочь все мне разъяснить про то третье свидание с загадочной «лондонской дамой».

— Продолжай, расскажи ему, — произнес Мартин. — Он здесь остановился; вроде парень неплохой.

Я искренне обрадовался комплименту, сделанному в самой длинной реплике трактирщика, и отсалютовал ему стаканом.

— Ну ладно, — продолжил Хокинс, — мы не видали его пару вечеров, однако в ту среду...

— В тот четверг, — поправил Мартин.

— Верно говоришь, — согласился Хокинс, — то был четверг. Я как раз днем шел сюда и встретил старшего Хайнса, а он возвращался с Уингемского рынка. То четверг был. Так вот, в тот самый четверг молодой мистер Эдвард явился затемно. Тайком проскользнул. Нас вроде тут трое али четверо сидело, так ведь, Мартин? Точно, был то базарный день. Украдкой он проскользнул, а с лицом сами знаете что, только хуже. Словечка никому не вымолвил, но и мы молчок. Проглотил залпом двойную порцию виски и так же бочком назад. Вот история так история, да, сэр?

И он победоносно взглянул на меня. Честно говоря, я то чувствовал одно только разочарование. Рассказ о том, как сельский волокита поцапался с местной амазонкой, пока-

зался мне гораздо менее захватывающим, чем он виделся моим собеседникам.

— И больше вы ничего о случившемся не знаете? — спросил я.

— Нет, — ответил Мартин, — знаем. Расскажи ему, Хокинс.

— Угу, — вновь вступил в разговор Хокинс, — пускай слушает, раз уж тут живет. Итак, сэр, молодой мистер Эдвард помалкивал о том, что с ним стряслось. Может, и мы бы обо всем скоро позабыли, ежели б в этом трактире полгода назад он сам не попортил жизнь молодому Гарри Адамсу.

— Это почему? — вяло поинтересовался я: разговор начал меня утомлять. Но Хокинс только оживился, его глаза опять озорно заблестели, и он объяснил:

— Молодой Гарри Адамс одно время был по женской части единственным соперником мистера Эдварда, правда-правда. Парень пригожий, с войны возвратился, угу. Он нынче в Лондоне. Так вот, как-то вечером полгода назад приковылял этот Гарри Адамс сюда, а лицо и шея все в кровище. Упал он прямо на то место, где вы сейчас сидите, и вырубился, правда, Мартин? Нам пришлось послать юного Джима Кордера (в те дни он еще сюда заглядывал) бегом за доктором, что живет аж за Лиуэйз. Ну и ночка тогда выдалась!

— Точно, — согласился Мартин.

— Так же, как и мистер Эдвард, — продолжил рассказчик, — молодой Гарри Адамс не проронил ни слова о том, что с ним произошло. Но когда его увидал мистер Эдвард, всего пластырем заклеенного, захохотал так, что чуть кружки с крючков не посваливались, точно-точно. Ежели б он знал, что и его черед не за горами!

Я опять заинтересовался историей.

— А в случае, хм, мистера Адамса, — сказал я, — вы так и не узнали подробностей?

— Не узнали, — ответил Мартин. — Время вышло, джентльмены.

— Ага, — произнес Хокинс и поднялся. — Время вышло. Ну, доброй ночи, сэр. Доброй ночи, Мартин.

— Доброй ночи.

Хокинс направился к двери и уже был на пороге, когда я вспомнил, о чем хотел спросить раньше, но все откладывал, ожидая удобного момента.

— Вы говорили о подарке или сувенире, который лондонская дама оставила мистеру Хайнсу, — напомнил я. — По-моему, вы упомянули, что он вам его показывал. Меня чрезвычайно увлекла ваша история. Не могу ли поинтересоваться, что это было?

— Угу, конечно, — ответил Хокинс, замерший с винтовкой на плече в тени дверного проема — вид у него, как мне показалось, был весьма устрашающий. — Приносил он подарочек, точно-точно. Все его видали. Всем и каждому похвастался, правда-правда. Ежели б мне такое вручили, я б им точно похваляться так не стал.

— Так что это было?

— Ну, фигурка махонькая... *он* говорил, что золотая, но я-то смекнул, что из латуни. Страшенная, но он-то собирался ее к часам на цепочку приладить. Доброй ночи, сэр.

Он повернулся и почти ушел, но я окликнул его:

— Что за фигурка?

Из темноты донесся ответ:

— Вроде кошка, сэр.

Я слушал, как его странный смех с каждым шагом становится все тише.

Глава 12

МНЕ СНЯТСЯ ЗЕЛЕННЫЕ ГЛАЗА

В ту ночь я долго не мог заснуть. Около получаса я стоял у открытого окна, глядя вдаль, туда, где за омытым луной склоном, над кромкой леса бледным призраком высилась башня. Трактирщик сообщил мне, что из окна я смогу

увидеть один лишь Фрайарз-Парк, и пока я смотрел на торчащую над кронами постройку, в голове моей кружились тысячи странных мыслей.

Сейчас, когда жители разбрелись по своим раскиданным по деревне домам, необычное ощущение заброшенности, посетившее меня в минуту прибытия сюда, вернулось с удвоенной силой. Ни зверь, ни птица не нарушали тишину. С тех пор, как Мартин прошел мимо моей комнаты и, тяжело топая, поднялся к себе в спальню, не раздавалось ни звука, разве что приглушенно тикали напольные часы в коридоре за дверью. Их мерное постукивание, раздающееся среди гробового молчания, плавно вошло в мои раздумья, напомнив о часах на камине в той страшной комнате Ред-Хауса.

Передо мной развернулась обширная панорама, и в чистом деревенском воздухе я с легкостью мог рассмотреть башню Фрайарз-Парка, хотя в действительности поместье было по меньшей мере в двух милях отсюда. Я не мог видеть, где проходит граница между парком и лесом, однако с любопытством вглядывался в пейзаж, и воображение само дорисовывало подробности, скрытые от меня расстоянием.

Я подумал, что завтра придется искать какой-то способ попасть в этот дом среди деревьев. Если честно, то мне так не терпелось проникнуть в тайну в надежде найти нечто новое, способное снять вину с Каверли, что будь час не столь поздним для визита, я бы незамедлительно тем же вечером направился в поместье.

Тем не менее, мое бездействие все же принесло плоды. Я видел человека с глубокими царапинами, а Хокинс поведал мне кое-что особенное о нем. Теперь я стоял у окна и, если можно так выразиться, впитывал в себя уединенность края, и мысли мои в сотый раз вернулись к рассказу егеря о том, что стряслось с двумя сельскими возмутителями спокойствия. Не скрою, последние слова Хокинса, которым он сам не придал никакого значения, оживили во мне надежду, едва теплившуюся в душе, когда я только приехал сюда.

Не исключая, что памятный сувенир в виде «вроде бы кошки» в ходе расследования окажется не уликой, а лишь

обманкой, я предпочитал думать, что судьба или проницательный ум инспектора Гаттона послали меня в этот тихий уголок не напрасно, и строил большие планы на «лондонскую даму». Мне и вправду казалось, что существует не одно, а несколько направлений поиска, требующих внимания, то есть больше, чем я надеялся обнаружить за то краткое время, что у меня имелось. Но если не считать намерения наутро первым делом посетить Фрайарз-Парк, я смутно представлял, что следует предпринять дальше.

Решив, что утро вечера мудренее, я вскоре отправился спать. Помню, как задул свечу, оставленную горничной, и вдруг подумал, что луна нынче очень яркая; можно было без особых трудностей читать что-то напечатанное даже не слишком крупным шрифтом.

Я проспал по меньшей мере два часа, но сон мой был беспокоен из-за безумных и причудливых видений. Меня окружали жуткие существа, их становилось все больше, они казались все опаснее, но проснулся я не от этого: кульминацией кошмара, заставившей меня вдруг очнуться в холодном поту, стали два огромных зеленых глаза, неотрывно смотрящих заволашевающим, гипнотическим взглядом, злой власти которого я сопротивлялся, собрав в кулак всю силу воли.

Как в тумане, я едва различал тело обладательницы этих невообразимых глаз. Стройное и гибкое, оно напоминало тело то человека, то зверя. На какое-то мгновение оно обретало черты, присущие женщине, но потом ужасные глаза вновь смотрели откуда-то снизу, от самой земли, и я различал силуэт затаившегося хищника. Этот пугающий призрак, казалось, подкрадывался ко мне — ближе и ближе, а когда он приготовился к прыжку, я, как уже упоминал ранее, проснулся и сел на кровати.

Я тут же понял, что послужило причиной моих кошмаров: когда я спал, лунный свет падал мне прямо на лицо. Я заметил еще кое-что, но постарался убедить себя, что это всего лишь последствие неприятных видений: в открытом окне промелькнула гибкая фигура — плод моего воображения, как я тогда подумал, задержавшийся на мгновение

клочок отступающего сна.

Убедив себя в этом, я не стал подниматься и проверять свои заключения, тем более что на улице не раздавалось ни звука, позволявшего хотя бы на миг предположить, что ускользнувшая фигура была реальна. Однако повторно заснуть мне не удалось, и я почти час проворочался с боку на бок, прислушиваясь к тиканью часов в коридоре и беспрерывно вспоминая накрытый ужин в безлюдной комнате Ред-Хауса.

Так я и лежал, когда внезапно осознал, что, во-первых, воют собаки, а во-вторых, кто-то тихо разговаривает неподалеку. Вслушавшись, я вроде бы разобрал, что говорят двое — мужчина и женщина. Я тут же пришел к логичному выводу, что, возможно, в «Эбби-Инн» не сплю не только я, но чуть погодя понял, что голоса долетают до меня не из трактира, а с улицы.

Наконец, любопытство одержало верх над решением не вставать. Я не знал точного времени, но полагал, что рассвет близок и, естественно, задался вопросом, кто мог беседовать под моим окном в такой час. Я тихо выскользнул из постели и крадучись пересек комнату, стараясь держаться в тени. Проявив некоторую находчивость, я смог оглядеть дорогу перед дверями трактира.

Поначалу мне не удавалось определить, откуда слышится этот негромкий разговор, но, всмотревшись в темноту под высоким деревом прямо напротив окна, я различил два силуэта. Где-то поблизости надрывно завывал пес.

Долгое время я видел лишь силуэты говорящих и слышал невнятную речь, только однажды разобрав какие-то обрывки фразы. Ночь выдалась ясная; луна светила ярко, как в тропиках, заставляя предметы отбрасывать темные и четко очерченные тени, что придавало пейзажу особую глубину, а мне почему-то напомнило картину Вирца*.

Как я понял, собеседники негромко спорили о чем-то. Я едва различал женский голос, но что-то в нем пробудило

* Антуан-Жозеф Вирц (1806-1865) — бельгийский живописец и скульптор-романтик. Речь идет о его картине «Молодая колдунья» (1857).

во мне смутные воспоминания. Он определенно принадлежал девушке, тогда как мужчина говорил с иностранным акцентом и был давно не юн. Не знаю почему, но подспудно я продолжал думать о Вирце, наделив едва различимых в темноте собеседников личностями. Мужчина стал Асмодеем, хозяином ведьмовского шабаша, а девушку я представил «молодой колдуньей», будто сошедшей с полотна странно-го бельгийского гения.

Все в черно-серебристой ночи походило на ту картину. Было нечестивое свидание, а вдали мне рисовались «леса, что населены порождениями мрака; и ветви, на коих восседают крылатые создания, восставшие из преисподней; и тьма аки завеса, расшитая мерцающими глазами...».

Эти фразы из одного магического трактата всплыли в памяти и заставили меня содрогнуться. Я все пристальнее вглядывался в полог тени, твердя себе, что стал жертвой обмана чувств. Пусть читатель решает сам, видел я это только в своем воображении или на самом деле, а то, что я намерен поведать сейчас, безусловно, поможет ему разобраться.

На какой-то миг мне померещилось, что «мерцающие глаза» действительно появились на «завесе» тьмы! В тени под высоким деревом сверкнул зеленый взгляд — и больше я ничего не видел.

Я еще немного понаблюдал за этим местом, но не заметил ни единого признака того, что во тьме под окном кто-то есть. Разговор тоже стих, и вскоре я понял, что собеседники удалились по аллейке, примеченной мной еще вечером и уводящей к луговой тропе.

Я ощутил, как в груди неистово забилось сердце. Этот, казалось бы, пустяковый случай и предшествующий ему ночной кошмар произвели на меня настолько сильное и неприятное впечатление, что, возвращаясь в постель (и несмотря на теплую ночь), я закрыл ставни и задернул шторы.

То ли оттого, что лунный свет перестал проникать в комнату, то ли по другой, неизвестной мне причине, я быстро погрузился в здоровый сон и не просыпался до тех пор, пока в восемь утра горничная не постучалась в дверь. Жуткие

кошмары, так встревожившие меня ранее, больше не возвращались.

Расправившись с завтраком, я уселся на скамью на крыльце и закурил трубку. Мистер Мартин, испытывавший очевидную нехватку клиентов, стал почти дружелюбным. Он дал мне понять, что нежелательные посетители нанесли весомый урон его предприятию. Ворча и подмигивая, он попытался просветить меня насчет этих неугодных гостей. Но по завершении его объяснения я знал немногим больше, чем в начале.

— В наших краях все наперекосяк, — закончил он и исчез внутри трактира.

Даже при свете солнца деревня, по непонятной для меня причине, продолжала нести на себе печать некоей бесприютности и уединенности. Многие дома казались ветхими — и не один пустовал. Улица вела прямо к заброшенной мельнице, очень печальной и мрачной; на фоне голубого неба ее недвижные крылья чернели распятой летучей мышью.

Недалеке от деревни простирались прекрасные луга, но они, как мне сказали, принадлежали фермеру Хайнсу, а он числился жителем соседнего прихода. Было очевидно, что тучи нависли над одной лишь деревней Аппер-Кросслиз, и я спросил себя, не из тех ли она мест, редких в наше время, что процветают под защитой хозяев «большого дома» и увядают одновременно с их упадком. В старой Англии это считалось обычным делом, и я почувствовал желание объяснить все себе именно таким образом.

Закончив краткий осмотр местности, я вернулся в «Эбби-Инн» за тростью и фотоаппаратом и затем направил стопы во Фрайарз-Парк.

По некоторым погодным признакам, замеченным мной, я не сомневался, что не за горами гроза, подобная той, что недавно принесла прохладу посреди невероятной жары. И вот деревня осталась позади, а я шагал по пыльному большаку, овеваемый встречным ветерком. На горизонте, над далекими холмами, повисла черная туча.

Глава 13

ДОКТОР ДАМАР ГРИФ

От трактира до Фрайарз-Парка по прямой было менее двух миль, но дорога с указателем «на Хейнингем» петляла по долине, и когда я наконец добрался до чего-то похожего на ворота со сторожкой, грозовая туча успела нависнуть над ближайшим холмом, и ее кромка, сквозь которую прорывались лучи палящего солнца, сияла, будто туманная пелена Авалона в сумерках. В густом хвойном бору, опоясывающем холмы, зловеще шумел ветер, предвещая грядущее ненастье, а в лощине умолкли все птицы.

Я не стал внимательно осматривать увитую плющом сторожку, с первого взгляда решив, что она пуста. Распахнув железную калитку, я потянул за кольцо, торчащее из стены. Наградой мне был немелодичный звон колокола из-под крыши постройки; резкий, надтреснутый звук, казалось, пролетел по округе, ударяясь о ели, и угрюмо смолк где-то высоко в тенях на холме.

Стон колокола переполняло то же одиночество, что витало в самом воздухе этого заброшенного края; было в этом звуке нечто пугающее, точно колокол нашептывал: «Уходи! Остерегайся тревожить обитателей этих мест!».

Дом, башню которого, как было сказано, я заметил из окна моей комнаты в трактире, совсем не просматривался от ворот. Признаюсь, я потерял его из вида, как только отправился в путь, и с тех пор он даже ни разу не мелькнул передо мной.

Десятью минутами ранее я спросил дорогу к поместью у попавшегося навстречу крестьянина, и он, не пытаясь скрыть любопытство, ответил мне. Его подсказки отличались простоватой сумбурностью, предполагающей, что тот, кто спрашивает, обязан как свои пять пальцев знать местные ориентиры. Однако я не сомневался, что пришел в нужное место. По названию поместья я догадался, что когда-то

Фрайарз-Парк* по меньшей мере частично принадлежал монастырю, и, конечно, старый надтреснутый колокол напоминал о тех днях: были в его голосе и тишь древней обители, и вздох самоотречения.

Хотя я ни словом не намекнул трактирщику или одной из его немногочисленных служанок о цели моего похода, я понадеялся, что Хокинс окажется в сторожке, поэтому пробудил призрачный колокол повторно. Но никто не отозвался; казалось, Фрайарз-Парк покинули все — люди, птицы, звери.

Я слышал далекое мычание скота, пасущегося на лугах, и таинственное перешептывание елей в бору, а грозовая завеса над холмами все темнела и ширилась, теперь укрывая и долину.

В гнетущей тишине, воцарившейся в округе, я начал подниматься по усыпанной шишками тропе. Все свидетельствовало о том, что за поместьем давно не ухаживают, а буйно поросшая сорняками дорога говорила, что сюда мало кто заходит и тем более заезжает. Отойдя на некоторое расстояние, я остановился под крутым косогором, башенной стеной нависшим над моей головой, и принялся всматриваться вперед, в сгущающийся сумрак. Мне стало очень зябко: лучи солнца совсем не проникали в этот поросший елями туннель. Неужели я ошибся и избрал тропу, ведущую не к дому, а наоборот, прочь от него, во тьму чащи? Или же заброшенная сторожка относилась к другому, целиком обезлюдевшему поместью?

От этой мысли мне стало не по себе, и в сознании тут же проснулась детская боязнь темного леса. Я вспомнил про завесу тьмы, «расшитую мерцающими глазами», — и торопливо, с деланной храбростью ринулся вперед. Сделав десяток шагов, я очутился у одного из бесчисленных поворотов петляющей дорожки и отсюда увидел, что в самом ее конце, как на выходе из горной пещеры, забрезжил желтый свет.

* Название Фрайарз-Парк происходит от слова friar (монах).

Ободренный этим, я пошел быстрее и наконец увидел дом. Теперь я убедился, что действительно выбрал неверный путь, потому что тропа, которую я предпочел, заканчивалась у подножия небольшой лестницы с мшистыми ступенями. Я поднялся по ней на террасу. Вход в дом оказался где-то далеко слева, между ним и террасой пролегал запущенный газон. Эта часть здания строилась по уродливым канонам георгианской архитектуры, тогда как соседний флигель был по-тюдоровски живописен. Не считая одного освещенного окна справа от крыльца, в доме не было огня, хотя надвигающаяся гроза успела принести в долину преждевременные сумерки.

Я ожидал от Фрайарз-Парка чего угодно, но этот диковинный особняк, скрытый в подковообразной лощине между холмами и давным-давно позабытый всеми, совершенно не выглядел жилым. Я мог бы коснуться царящей здесь тишины, настолько осязаемой она казалась. От каменных плит поросшей мхом террасы веяло влажной стынью; холод полз от пустоши внизу и из бора на холме.

Я пересек террасу и газон и теперь стоял и смотрел через открытую стеклянную дверь, расположенную возле главного входа, в комнату, откуда лился свет. Вокруг стало необыкновенно тихо и темно. На заваленном бумагами столе горела лампа.

Комната была обставлена, как библиотека. Вдоль стен, занимая все пространство, стояли переполненные книжные шкафы. Едва ли не все тома в них дышали старостью, многие были в непривычных, вероятно, иностранных переплетках. То там, то здесь на полках виднелись химические приборы и застекленные коробки с образцами; и повсюду мой взгляд наткнулся на египетские реликвии, впечатляющая коллекция которых была в совершеннейшем беспорядке разбросана по комнате.

За столом, погрузившись в чтение огромной книги в кожаном переплете, сидел человек. Он был необычайно изможден и, как я догадался, отличался очень высоким ростом. Его чисто выбритое лицо вызывало в памяти Сокара,

древнеегипетского бога с соколиной головой*; длинные седеющие волосы он зачесывал назад, открывая костистый лоб. Кожа его была блеклой и желтоватой; продолговатые, тонкие, смуглые кисти рук подсказали мне, что он евразиец, человек смешанной крови. Под ногой у меня хрустнул камешек, выдав мое присутствие. Мужчина быстро поднял голову.

Я вздрогнул. Широко распахнутые черные глаза смотрели на меня пристальным, соколиным взором, усугубляя поразительное сходство с Сокаром. Я заговорил, все острее сознавая свою ошибку:

— Простите, что столь грубо прервал ваше уединение, но я полагал, что нахожусь во Фрайарз-Парке, куда, боюсь, вторгся, не имея на то права.

Человек за столом не сводил внимательных глаз с моего лица.

— Вы никуда не вторглись, — ответил он резким высоким голосом с явственным, пусть и неопределимым, иностранным акцентом. — Мы рады всем гостям — званым и незваным. Но вы определенно заблудились: это Белл-Хаус.

— И далеко ли я от Фрайарз-Парка?

— Не очень. Могу ли поинтересоваться, известно леди Каверли о вашем предполагаемом визите или нет?

— Нет, — удивленно сказал я.

— Тогда, к сожалению, ваше путешествие напрасно. Она больна и никого не принимает.

Его манера говорить, несколько высокомерная и властная, задела меня, и евразиец, очевидно, заметил это, потому что добавил:

— Я врач леди Каверли. Не исключаю, что мог бы помочь вам. В любом случае, опасаясь, что в данное время вам придется удовлетвориться моим скромным гостеприимством — если, конечно, вы не предпочитаете прогулку под ливнем.

* Сокар — древнеегипетский покровитель мертвых и бог плодородия. У автора «богом с соколиной головой» ошибочно назван Анупис.

Пока он говорил, лощину озарила ослепительная вспышка молнии, и его последние слова утонули во все более оглушительных раскатах грома, неистовствовавшего над холмами.

Дождь обрушился внезапным потоком, как в тропиках, и я сделал шаг в комнату. Ее обитатель поднялся мне навстречу во весь свой огромный рост.

— Я доктор Дамар Гриф, — сказал он и вежливо поклонился.

Я тоже представился, и он с царственной любезностью предложил мне стул с высокой спинкой, а сам вернулся за стол.

— Что-то мне подсказывает, вы не из этих мест, — продолжал он.

Сейчас, несмотря на его отточенную учтивость, я видел, что доктор Дамар Гриф из тех людей, которые никогда не будут мне симпатичны. Говорил он как джентльмен, но лицо было маской — маской Сокара; сидя здесь, в странном неопрятном жилище, среди реликвий прошлого и свидетельств неясных изысканий, предназначенных, возможно, для познания будущего, под звук громовых раскатов над Белл-Хаусом — я решил скрыть от него истинную цель моего визита. Я весьма сожалел, что назвал ему свое имя, хотя обман стал бы преступлением против охотно оказанного гостеприимства.

Даже теперь я с трудом могу объяснить смешанные чувства, охватившие меня во время первой встречи с этим необычным человеком.

— Я прибыл сюда отдохнуть и подлечиться, — сказал я, — и мне говорили, что Фрайарз-Парк представляет значительный интерес с исторической точки зрения. Я хотел получить разрешение осмотреть его и, если возможно, сделать несколько фотографий.

Доктор Дамар Гриф с серьезным видом кивнул.

— Это бывший монастырь, мистер Аддисон, — сообщил он. — И, как вы отметили, он очень интересен для историков. Но плачевно слабое здоровье миссис Каверли не позволяет ей принимать посетителей.

Он произнес это гораздо тише, заговорив не таким высоким и резким тоном, как раньше. Что-то в его интонации показалось мне знакомым. Одного взгляда на соколиные черты было достаточно: я не сомневался, что мы с доктором никогда не встречались, но был определенно уверен, что уже слышал его голос, пусть и не мог припомнить, где и при каких обстоятельствах это произошло.

— Кажется, мистер Бернем несколько лет как умер? — спросил я, прощупывая почву.

— Да, вы правы.

Более не прибегая к властному тону, отличавшему его речь ранее, доктор Дамар Гриф холодно, но вежливо пресекает мою попытку поговорить о семье Каверли; я сделал еще несколько безуспешных поползновений вернуться к этой теме и, заметив его решимость не касаться ее, прекратил расспросы.

Гроза уходила на запад. Ослепительные вспышки молний еще несколько раз озаряли странную библиотеку, отражаясь в ярких красках крышки египетского саркофага или выхватывая из полумрака банки с жуткими анатомическими образцами, но гром над домом больше не гремел. Раскаты доносились откуда-то издалека, с отрогов холмов. Случайный хозяин сидел за беспорядочно заваленным столом и наблюдал за мной своими птичьими глазами; напряженность между нами росла.

— Кажется, дождь прекратился? — произнес я.

— Скоро опять польет, — ответил он, посмотрев на террасу. — Я бы посоветовал вам не торопиться. Того и гляди, вновь разверзнутся хляби небесные.

— Спасибо, но я рискну, — сказал я. — Я и так отнял у вас много времени, доктор Гриф. Было любезно с вашей стороны позволить мне укрыться от дождя.

Заметив, что я и вправду собрался уходить, он встал — высокий, худой и загадочно отталкивающий — и проводил меня до передней двери. Мы уже стояли на крыльце, когда он сказал:

— Если вам случится вновь оказаться в этих краях, мистер Аддисон, буду рад приветствовать вас здесь. У меня ред-

ко бывают гости.

Сам не пойму, была ли то интуиция или здравый смысл, но я быстро осознал, что происходит: стоило мне свернуть за изгиб дороги под древесной сенью и увидеть впереди пустую сторожку, как я более не сомневался, что доктор Дамар Гриф не вернулся к прерванному чтению, а быстро проскользнул по тропе между елей, опередив меня! Не знаю, зачем он так поступил, но о том, что он намеревается сделать и каким образом осуществит это, я просто догадался, как только оставил его на крыльце.

Сейчас, ускоряя шаг, я размышлял, собирается ли он помешать мне или только проследит, сверну ли я на дорогу. Вскоре я понял, что он лишь наблюдал. В воображении вставал неприятный образ тощей, длинной фигуры, которая затаилась в обступившем меня полумраке; однако я притворился, что ничего не подозреваю, и ни разу не оглянулся.

Я вышел на главную дорогу и резко свернул налево, возвращаясь тем же маршрутом, что привел меня в жилище врача-евразийца. Если он думал, что я, невзирая на его уверения в тщетности подобной попытки, все же направлюсь в Фрайарз-Парк, его постигло разочарование. У меня возникло новое и весьма необычное объяснение тайны «Ори-тоги» — жуткое, но, если учитывать внезапно всплывшие обстоятельства, правдоподобное. Более того, я понял, что совершил стратегический промах, вот так, в открытую, пытаясь увидеться с леди Каверли. Правда, составляя свой план, я еще не подозревал о существовании доктора Дамара Грифа.

Я вздохнул с облегчением, оказавшись на дороге. Мне было неуютно при мысли, что седовласый евразиец подглядывает за мной из-за деревьев. Но теперь у меня имелось несколько вариантов дальнейших действий, хотя сначала надо было побольше обо всем разузнать. Я узрел тайну внутри тайны: от меня не ускользнуло, что в коллекции доктора Дамара Грифа было несколько кошек из Бубастиса.

Глава 14

ЧЕРНЫЙ ДОКТОР

Когда я вернулся в «Эбби-Инн», меня ожидала корреспонденция, аккуратно пересланная из дома Коутсом. Почтовое сообщение с Аппер-Кросслиз было ненадежным и нерегулярным, но, проглядев присланные газетные вырезки и спешно пообедав, я все-таки принялся за колонку для «Планеты», в которой постарался не отвлекать внимание общественности от центральных действующих лиц трагедии и в то же время намекнуть, что расследование не стоит на месте.

Я много раз прерывался и смотрел через открытое окно вдаль, туда, где среди деревьев высилась башня Фрайарз-Парка. Странные, страшные мысли всплывали в голове — мысли, которые следовало тщательно скрывать от читателей «Планеты». Наконец я дописал статью и решил навестить в соседний городок, что находился в нескольких милях от деревни, и оттуда послать письмо, а также зашифрованную телеграмму для инспектора Гаттона. Я с удовольствием прогулялся, а долгий путь помог разогнать дурные предчувствия; после того, как все было отправлено, я под видом безобидного лондонского туриста пустился на поиски недостающих сведений.

Трактирщик из «Эбби-Инн» был молчалив от природы, и расспрашивать его представлялось затруднительным. Более того, родительская забота, с какой он отнесся к незадачливому Эдварду Хайнсу, явственно свидетельствовала, что он ни за что не бросит тень на славное имя Аппер-Кросслиз. Но на дороге, прямо у въезда в провинциальный городок, я заметил трактир, привлекавший, как мне показалось, немало местного люда. Памятуя о том, что деревенская пивнушка обычно служит клубом сплетников со всей округи, я направился в «Трешерз».

Заведение только что открылось, но стоило мне переступить порог, как подвернулся нужный собеседник.

— Надеюсь, утречком вас ливнем не промочило, сэръ? — произнес старик, одиноко сидевший в кресле в углу зала. — Хотя земля от дождя только краше. — Он окинул меня взглядом и изрек: — Пешочком у нас хаживать одно удовольствие. К нам из самого Лондона приезжают, особенно по воскресеньям.

— Не сомневаюсь, — ободряюще сказал я и подошел к стойке.

— Вот взять Мэнтон, — продолжал дед. — В ясную погоду оттуда море видать, а в войну, ежели ночью тишь стояла, то в Аппер-Краубери было слышно, как во Франции пушки грохочут. А в четырех милях отсюда старинный Фрайарз-Парк, правда, в него дальше ворот не пускают. Да и не очень то туда и хотелось, — задумчиво добавил он.

— Как так? Насколько я понял, Фрайарз-Парк представляет огромный интерес.

— Ух, да! — пробормотал мой новый знакомец. — Ух, да! Может, вы и сами не прочь туда наведаться?

— Не отказался бы.

— Ух, да! Ну, там как бы немножко опасно.

— Опасно? — переспросил я. — О чем это вы?

Он хитро посмотрел на меня слезящимися от старости глазами и сказал:

— Как вам капканы на человека? Это не опасно? Как вам дробовики? От дробовиков может не поздоровиться, понимаете? Ух, да!

— Но хотите ли вы сказать, — воскликнул я, — что в поместье можно угодить в капкан? Это незаконно. И зачем кому-то стрелять в гостей?

— Может, так кому-то приказано делать, — он перешел на крик. — Эх, это вам не причина? Потому что им так приказали.

— Кому «им»?

— Хокинсу-Цыгану, что при сэре Бернеме в сторожах ходил. Чего это он нынче цельными днями в Парке пропадает? Капканы ставит да ловушки — вот чем он занимается.

ся. Мой сын Джим все про это ведаёт, точно. Мой сын Джим один капкан нашёл — и оставил в нём знатный клочок штанов!

Если эти утверждения были верны, то мой собеседник из «Эбби-Инн» представал в дурном свете. Я подумал, уж не был ли «Джим» тем самым «юным Джимом Кордером», излюбленным предметом насмешек Хокинса (в дальнейшем я убедился, что оказался прав). А ещё промелькнула мысль, не про егеря ли шла речь, когда Мартин таинственно намекал на неких нежелательных клиентов, погубивших его дело. Сверх того, сейчас я по-иному воспринял лукавые смешки Хокинса, которыми был встречён мой вопрос о местной «охоте».

Я не на шутку заинтересовался ситуацией и спросил:

— Вы, конечно, пытались что-то с этим сделать?

— Ух, да. Мой сын Джим пробовал. Цельными днями лежал в засаде на Хокинса-Цыгана, но тот уж больно хитер.

— Но по закону вы могли потребовать возмещения ущерба.

— Может, и так, — последовал ответ, — но они бы спросили, а что мой сын Джим делал в Парке. Ух, да, так бы и спросили.

С этой стороны я на проблему ещё не смотрел и посчитал довод резонным.

— Но к чему все это? — спросил я. — Леди Каверли не хочет, чтобы кто-то появлялся в поместье?

— То не леди Каверли, — сообщил мне по секрету старик, — то чёрный доктор.

— Какой ещё чёрный доктор? — удивился я.

— Они его доктором Грифом кличут.

— А, — понял я, — а вы зовете его чёрным доктором. Он негр?

— Он чёрный, — был ответ. — Сам чёрный, а волос белый. Ух, да, чёрных он кровей.

— А какое отношение он имеет капканам в Парке?

— Приказал их ставить, точно, он их ставить приказал.

— Но зачем? Ведь поместье принадлежит не ему, а леди Каверли.

— Принадлежит ей! Да она себе-то не хозяйка!

Я почувствовал растущее волнение. Подумал, что сейчас мне расскажут то, что больше всего меня интересует — и спросил:

— Сколько лет леди Бернем Каверли?

— Леди Бернем? Дайте-ка подумать: когда сэр Бернем привез ее в Парк, было ей, по-моему, не больше двадцати пяти. Было времечко, да, было. С деньков моей молодости все в нашем краю перевернулось. А случилось это как раз перед тем, как сэр Бернем поехал служить в Египет, за одиннадцать лет до его возвращения обратно.

— Леди Бернем ездила с ним в Египет? — заинтригованно спросил я.

— Ух, да, конечно, ездила. Бедный мистер Роджер в Египте родился. За восемь лет до того, как они в октябре в Парк вернулись, и за шесть лет до смерти горемыки в сентябре.

— Иными словами, сейчас леди Каверли за сорок, — задумчиво произнес я.

Должен признаться, что одна из моих версий, довольно безумная, разбилась вдребезги. Если кратко, я предполагал (и сообщение о том, что леди Каверли несколько лет прожила в Египте, подтверждало мою мысль), что женщина, замешанная в нашем деле, и есть хозяйка Фрайарз-Парка! Ее враждебное отношение к покойному баронету могло послужить мотивом преступления. Но теперь мне представлялось невозможным принять эту одинокую, всеми покинутую даму за неестественно проворную гостью, посетившую мой лондонский коттедж, то есть за обладательницу тех жутких зеленых глаз. Я решил прощупать почву в другом направлении, вспомнив, что истинной целью моего приезда в Аппер-Кросслиз было разузнать подробности преждевременной смерти Роджера Каверли.

— Мистер Роджер Каверли скончался в Англии? — спросил я.

— Нет, сэр, за границей, но хоронить его сюда привезли, да.

— Вы знаете, как он умер?

— Ух, да. Слышал, что от какой-то иноземной горячки — скоренько в могилу сошел, молоденький еще был. Это беднягу сэра Бернема и сгубило, да.

— Сэр Бернем умер сразу после этого?

— Двумя годками позднее, и край наш с той поры уж не тот.

— А какое отношение ко всему этому имеет доктор Грифф?

— Ух, хорош вопросец. Семь лет назад он поселился в большом доме рядом с Парком; впрочем, сам дом к поместью относится. И с тех пор там обосновался — живут вдвоем с черным прислужником.

— С черным слугой! — воскликнул я.

— Ух, да, этот-то правда черный — не серединка на половинку, как его хозяин, а черный как уголь и страшный — ух, страшен как черт. Наведывается вечерами в «Эбби-Инн» — он сам да Хокинс-Цыган, первейшие злодеи в Аппер-Кросслиз. От них весь честной народ сбежал, а у Мартина-то лучшее пиво в наших краях. На месте Мартина, — воинственно продолжал старик, — я бы им двоим все высказал, все выложил; угу, вот уж я им, — очень свирепо добавил он.

— Ух, — пораженно произнес я, неожиданно узнав разгадку такого множества мелких тайн. — То есть доктора Гриффа тут недолюбливают?

— Недолюбливают? — эхом отозвался собеседник.

Он осушил свою кружку и стукнул ей об стол.

— Свалился он на наши головы, сэр, чтоб его. И не отвяжешься.

— Но как он может быть виновен в обрушившихся на вас бедах?

Старик так выразительно поглядел на дно пустой кружки, что я мгновенно понял намек. Пришлось заказать еще пива, дабы фонтан его красноречия не иссяк.

— Как? — громким дребезжащим голосом изрек он. И засмеялся таким же дрожащим от возраста смехом. — Этот доктор тут что бельмо на глазу. Вот был сэр Бернем жив — еще до поездки в Египет, — все было иначе; говорю вам, а сам ни капли не сомневаюсь — ух, да, так и есть: не заявись

он сюда, сэра Бернем с сыном по земле б до сих пор ходили. Так-то.

Я сделал глоток из своей вновь наполненной кружки и сказал:

— Не понимаю, каким образом появление доктора Грифа могло вызвать смерть сэра Бернема или чью-то еще.

— Не понимаете, точно? — хитро спросил старик. — Ну, есть вещи никому не понятные, а есть понятные кое-кому. Вот увидали б вы собственными глазами этого черного доктора, поняли б, что ничего непонятного тут нет.

Я решил поднажать и вызвать его на большую откровенность:

— Вы полагаете, у доктора Грифа было влияние на покойного сэра Бернема?

— Ничего я не полагаю.

— В таком случае, на леди Бернем?

— Ух, да, похоже на то.

— Не подумайте, — осторожно начал я, — что я сомневаюсь в правдивости ваших слов, но зачем черному доктору, как вы его называете, преследовать эту семью?

— Есть вещи, — ответил мой пожилой друг, — которые нам не понять, но кое-что все мы понимаем. Ух, да, так и есть; и все мы в этих краях знаем, что в Аппер-Кросслиз, после того как черный доктор поселился там, многое переменилось. Сначала ушел мистер Роджер, потом не стало сэра Бернема. И нынче в газете читаю, что еще один из семейства на том свете.

И он скрестил перед собой два узловатых дрожащих пальца.

— Слыхали когда о дурном глазе? — спросил он и лукаво уставился на меня, потом надолго прильнул к кружке. — Но, может, для вас *и это* шуточки.

— Я ни в коем случае не намерен смеяться над вашими словами, — заверил я его, — а что касается дурного глаза, то, конечно, я о таком слышал, хотя признаюсь — и рад этому, — что ни разу с подобным не сталкивался.

— Я верю, сэра, — ответил старик, — что этаким добрый малый, как вы, мог похожего в жизни не встретить. Ух,

правда верю, что могли, а значит, раз уж пришлось к слову, верю, что и от черного доктора судьба вас обережет. Ведь если у кого и дурной глаз, так это у него, да и матушка Шейл, что живет в домике на пустоши супротив мельницы, сразу сказала мне его остерегаться, а он тогда всего три дня как приехал. «Мистер Кордер, — говорит она, — у черного доктора глаз дурной!» И воистину правду молвила. Он отравы и проклятье этих краев, был и есть.

Старик задохнулся и замолчал, позволив себе небольшой перерыв.

— Но какое отношение дурной глаз имеет к капканам на человека и стрельбе по людям, возможно, случайно забредшим в поместье? — спросил я.

— Ух, точно! Но я ж говорил, что ежели глаз дурной, то и в сердце злорадия, а душа у этого человека черна, как его лицо. Еще чернее, — поразмыслив, добавил он.

— Но все-таки у вас нет доказательств, что именно доктор Грифф приказал ставить ловушки и заставил Хокинса стрелять?

— Ни у кого нет, — честно признался мой знакомец. — Не то мы бы давно его по закону привлекли.

— Леди Бернем часто показывается на людях? — спросил я.

— Никогда! — был дан ответ. — Уже год или больше за ворота Парка не выходит.

Он опасливо огляделся и сказал, понизив дрожащий голос почти до шепота:

— Сдается мне, что живой ей за ворота не выйти.

— Ох, — выдохнул я. — Кажется, в здешнем краю не соскучишься. Но несмотря на ваши добрые пожелания, должен признаться, что я бы на черного доктора посмотрел. У него тут практика?

— Практика? А что, похоже?

— Значит, у него собственный капитал?

— Дом его принадлежит Парку, но не знаю, платит он за него али нет. А на что он живет, чего не ведаю, того не ведаю.

Я еще чуть-чуть порасспрашивал моего знакомого из «Трешерз», но и без того успел узнать достаточно. По пути в «Эбби-Инн» я снова и снова вспоминал необычайный рассказ старика о докторе Дамаре Грифе.

Здесь он был парией, но я не знал, жалеть мне его или нет. Ужасно жить с такой репутацией в невежественной глубинке, а именно это и произошло с врачом-евразийцем. Упоминание дурного глаза заставило меня задуматься о прошлом этого странного места, где простые люди, отрезанные от остального мира, до сих пор придерживались суеверий предков. В те далекие времена, когда монахи из соседнего аббатства безраздельно властвовали над краем, история жизни человека, обвиненного в сглазе, как сегодня винули доктора Дамара Грифа, возможно, окончилась бы на костре по решению матери-церкви. Все выглядело очень странно, и даже если позабыть о важности суеверий в глазах невежественных сельских жителей, было в этой истории нечто относящееся к цели моей миссии, а не одни лишь домыслы о древней магии, еще обретающиеся в умах обитателей Аппер-Кросслиз.

Я вспомнил омытый луной пейзаж в окне, навеявший мне мысли о загадочной картине Вирца. Тогда я ничего не знал о колдовской пелене, что, по здешним поверьям, лежала на округе, хотя и сравнил ночь с «завесой, расшитой мерцающими глазами». Очевидно, это впечатление было некоей квинтэссенцией местных настроений. Говоря вкратце, жители этих мест создали атмосферу запустения и чего-то более зловещего, а я лишь почувствовал ее, как только прибыл в деревеньку.

Вот об этом я и размышлял на обратном пути в «Эбби-Инн». Я добыл немало новых и ценных сведений и решил изложить их в пространном отчете Гаттону. Я еще не знал, что следует предпринять дальше, и даже не догадывался, какой смелый ход придумаю вскоре.

Тем не менее, в тот вечер я не преминул дважды спуститься в питейный зал, но ни «Цыган» Хокинс, ни черный слуга так там и не появились. Наконец я решил лечь спать, закрыл окна и задернул шторы. Я не желал повторения

снов, превративших мою первую ночь в «Эбби-Инн» в сущий кошмар.

Глава 15

Я ПРИНИМАЮ ПОСЕТИТЕЛЕЙ

На следующее утро, за завтраком, я начал составлять план, которому суждено было привести меня к необыкновенному открытию. Я завтракал у себя в комнате и, закончив, только собрался раскурить трубку, как в дверь постучал мистер Мартин, хозяин трактира.

— Войдите, — крикнул я.

Он вошел и сообщил:

— К вам некая дама, сэр.

В его манере осуждение любопытно сочеталось с уважением. Что касается меня, то и без слов ясно, что я сразу, как всегда, подумал об Изобель. Однако стоило догадке (порожденной мечтаниями, а не логикой) промелькнуть в голове, как я тут же осознал всю ее нелепость.

— Дама? — переспросил я. — Но я никого здесь не знаю. Вы уверены, что она говорила именно обо мне?

— Уверен, сэ, — ответил трактирщик, в силу обстоятельств откровенно растерявший обычное самообладание: по его поведению я сразу смекнул, что на его памяти в «Эбби-Инн» такого не случалось. — Так и сказала — мистер Аддисон. Она ожидает в кофейной, сэ.

Недоумеая, я направился в комнатку по соседству с питейным залом, получившую от мистера Мартина гордое звание «кофейной». На скамейке у входа в трактир я заметил потрепанного вида человека, которого принял бы за местного торговца, если бы не было ясно, что он тут впервые и с Мартином не знаком. Он читал газету, а рядом на скамейке стояла чашка кофе.

В воздухе висела утренняя дымка, как правило, предвещающая жару. Войдя в «кофейную», я обнаружил там странный полумрак, как бывает летом в сумерки. Красноватые лучи солнца, пробивающиеся сквозь легкий туман, делали этот мягкий свет еще теплее; в комнате было лишь одно окошко, и мгла царила здесь даже в полдень.

С диванчика, обитого бортовкой* и стоявшего под окном, навстречу мне поднялась посетительница, а я застыл, держась за дверную ручку. Безусловно, передо мной была совершенно незнакомая дама!

Высокая и очень стройная, одетая с большим изяществом, она выглядела иностранкой, прибывшей, должен сразу отметить, из экзотических земель. На ней была шляпка, по-моему, парижская и дорогая; узорчатая вуаль, спускавшаяся с полей, полностью скрывала лицо, но не прятала — случайно или намеренно — сверкающих миндалевидных глаз гостыи. На какое-то мгновение меня посетила чудовищная мысль, однако самое страшное воспоминание о тех, иных, ведьмовских глазах, сосредоточивших в себе столько тайн, было неразрывно связано с их сияющим зеленым цветом. Глаза этой леди, пусть и необыкновенно большие и блестящие, были совершенно другими — продолговатыми, узкими и чудесного янтарного оттенка.

Она заговорила хорошо поставленным негромким голосом, но я все равно вздрогнул; даже не сомневаюсь, что я пристально и очень грубо уставился на нее. Голос звучал немного хриловато, она явственно контролировала свою речь, отчего я опять не мог не вспомнить ночь в моем кабинете, закончившуюся исчезновением статуэтки Баст.

По-моему, уже упоминалось, что я из тех, кто не принимает поспешных решений; и вот, убежденный, что воспоминание о светящихся глазах грозит стать наваждением и я примусь выискивать этот горящий взгляд у каждой встречной незнакомки, я заставил себя поверить, что меня обманула случайная схожесть голосов посетивших меня дам.

* Бортовка — грубая ткань с добавлением конского волоса.

— Мистер Аддисон, — произнесла гостья, — боюсь, мой визит покажется вам несколько неуместным, но... — она на миг прервалась и продолжила: — сейчас я живу во Фрайарз-Парке, и леди Каверли узнала от доктора Грифа о вашем желании осмотреть особняк.

— Право же, — пробормотал я, — не стоило вам так беспокоиться, я бы...

— Мне это совсем не сложно, — заявила она. — Я все равно шла в эту сторону, и леди Каверли попросила меня завернуть к вам и передать, что хотя она не в состоянии принимать гостей, вы можете прийти и осмотреть старые помещения дома.

— Буду премного обязан, — сказал я и умолк, почувствовав некоторую неловкость. В ту минуту мне и в самом деле хотелось забыть о неприятных подозрениях насчет леди, специально свернувшей со своего пути, чтобы передать мне приглашение, но я все еще не мог связать эту элегантную женщину из поместья с тем, как старый сплетник в «Трешерз» описывал Фрайарз-Парк.

Я мысленно решил как бы невзначай расспросить о ней Мартина и желательно Хокинса, как только это станет возможным. Я хотел задать все вопросы трактирщику сразу после того, как гостья уйдет, но она, кажется, не спешила.

— Вы впервые в этих местах? — продолжала она тем же мягким, нежным голосом, настойчиво пробуждающим воспоминания о событиях в моем коттедже.

Она опять села на диван, не оставляя мне выбора: теперь я мог занять только тот единственный стул, которым могла похвастать кофейная. Нельзя было не заметить, что, хотя леди и называла меня мистером Аддисоном, сама она предпочла не представляться. Более того, все это время посетительница держалась спиной к окну.

— Впервые, — ответил я, — но успел убедиться, что здесь много любопытного.

— Фрайарз-Парк чрезвычайно понравится вам, — заверила она. — Раньше в этом месте располагался один из самых старых и крупных монастырей юга Англии. И неко-

торые части дома, к примеру, часовня или западная башня, кажется, видимая отсюда, сохранились от первоначальной застройки.

Она откровенно старалась увлечь меня; понимая, что если она и вправду та, за кого себя выдает, то есть подруга леди Каверли, мое равнодушие выглядело бы неучтиво, и я в свою очередь попытался выказать разумную заинтересованность в старом монастырском здании.

Я не жалею, что так поступил. Полагаю, мне еще не доводилось сталкиваться с сухими историческими фактами, столь привлекательно представленными. Осведомленность об этом древнем монашеском уголке Англии, продемонстрированная моей незнакомкой, воистину поражала. Оказалось, что род Каверли играл видную роль в истории страны еще в туманные англо-саксонские дни. И сцены, возникшие в моем воображении при первом взгляде на удивительно дикий пейзаж между деревней и далеким поместьем, обрели краски и правду настоящей жизни. Эта женщина, казалось, знала едва ли не все важные подробности о каждом Каверли со времен Кнуда* и о деяниях всех настоятелей, когда-либо главенствовавших в Круа-де-Лис.

Я слушал с нарастающим изумлением, замороженный широтой кругозора этой необыкновенной женщины, а также ее хриловатым мелодичным голосом; наконец она осознала, что прошло уже немало времени, и внезапно встала, смеясь, а ее смех вновь разбудил мою память.

— Какая я глупая, мистер Аддисон! — сказала она. — Вы, конечно, подумали, что я весьма эксцентричная особа: сижу здесь и играю в местного экскурсовода.

Пока она говорила, на улице послышался шум. Сначала раздались тяжелые шаги — это к двери трактира подошел человек, а затем голоса:

— Мартин!

— Обождите минутку, пожалуйста.

Это был доктор Дамар Гриф!

* Кнуд II Великий, Кнуд Могучий (994/995-1035) — король Дании, Англии и Норвегии из династии Кнутлингов.

Если звук его голоса лишь заставил меня вздрогнуть, воздействие его на мою гостью было совсем невероятным. Она быстро шагнула ко мне и схватила за предплечье удивительно тонкой рукой, обтянутой перчаткой. Только теперь, увидев ее так близко, я понял, что она даже выше, чем я предполагал, то есть почти одного со мной роста. Ее стремительные и ловкие движения были исполнены неопишеской, в чем-то сверхъестественной грации, сравнимой — и эта мысль внезапно показалась мне отвратительной — с кошачьей.

— О, мистер Аддисон, — произнесла она, придвинувшись так близко, что я чувствовал ее дыхание на своей щеке, — я боюсь этого человека, как иные боятся змей. Прошу вас об одолжении. Вижу, что в этой комнате две двери, а у меня имеются особые причины его избегать. Не знаю, куда ведет вторая дверь, но, конечно же, сумею найти выход.

Она сильнее сжала мою руку.

— Смею ли я вас просить, — умоляюще добавила она, — если это возможно, скрыть от него, что я сюда приходила?

— Но Мартину известно, что вы были здесь, — возразил я, весьма взволнованный столь неожиданным поворотом дел, — да и тот человек, что сидел снаружи на лавке, должен был вас заметить.

— Он не видел, — быстро заверила она, — а Мартин не знает, кто я.

У меня чуть было не вырвалось, что я тоже не знаю, но она опередила меня, взмолившись:

— Пожалуйста, вам это несложно, но очень важно для меня.

И тотчас, не дожидаясь ответа, она повернулась и скрылась за низкой дверцей, которая, как выяснилось, вела в кладовую трактира, откуда можно было попасть в огород.

Я слышал, как трактирщик Мартин разговаривает с евразийцем в коридоре, недалеко от кофейной, но не успел я открыть дверь, как раздался настойчивый стук, дверь распахнулась и в комнату вошел доктор Дамар Грифф.

Несмотря на утренний час, сильно припекало, однако он был в теплом черном пальто, а на голове красовалась

широкополая фетровая шляпа, и ее чернота поразительно контрастировала с его седыми волосами. Помнится, высокий рост женщины удивил меня, но доктор был так долговяз, что был вынужден пригнуться, проходя внутрь.

— А! — воскликнул он и прищурился, вглядываясь в полутьму. — Если не ошибаюсь, мистер Аддисон?

— К вашим услугам, доктор Грифф, — ответил я.

— Я правильно понял, что здесь была моя племянница?

— Ваша племянница! — с неподдельным удивлением повторил я.

— Именно.

В его голосе вновь слышалось высокомерие, давеча задевшее меня; и даже если бы у меня не было причин для дерзости, кроме личной неприязни, я бы ответил ему отнюдь не миролюбиво.

— Я не знал, — продолжал доктор высоким и резким голосом, — что вы знакомы. Будьте добры объясниться.

Он продолжал обшаривать комнату подозрительным взглядом.

— Сообщаю вам, что мы с ней не знакомы! — сказал я. — Но если бы и были, не понимаю, как это вас касается.

— Вы грубиян, сэр! — взорвался он и наклонил ко мне перекошенное свирепой злобой хищное лицо.

— Жаль, что вам так кажется, — уже равнодушно произнес я: поведение евразийца теперь виделось мне не просто досадным, но сумасшедшим. — Я бы ни за что не стал намеренно провоцировать больного человека, а ваш тон и манера общения однозначно указывают, что у вас жар.

Он на секунду застыл, склонившись в мою сторону и словно готовясь броситься на меня, затем воскликнул:

— Ох, да! Вы правы, мистер Аддисон. Я столько прожил в одиночестве, что мои манеры, боюсь, стали резковаты. Не придавайте этому значения. Итак, она ушла?

— Если вы о даме, навестившей меня полчаса назад, то да, ушла.

Он распрямился и встал передо мной — великан в маленькой комнате, огромный, костлявый.

— Ага! И это была не моя племянница?

— Не имею удовольствия быть знакомым с вашей родственницей, доктор Гриф.

— Ладно. Как скажете. Доброго вам дня, мистер Аддисон.

Он повернулся, наклонил голову и вышел из кофейной. Когда я вслед за ним появился в коридоре, он уже покидал трактир. Мартин смущенно стоял у входа в питейный зал, и я присоединился к нему, желая поговорить; я отметил, что потрепанного незнакомца со скамейки как не бывало.

— Мартин! — начал я. — Я-то полагал, что у вас здесь посетитель.

— Когда вы спустились сюда, так и было. Но он ушел с Кассимом и Хокинсом. Они собирались показать ему дорогу к Мэнтону.

— С Кассимом?

— Ага.

Мартин что-то проворчал и удалился за стойку.

— Интересные люди обитают в ваших краях.

— Даже чересчур интересные.

— Например, Кассим... это не английское имя.

Мартин издал грохочущий звук — единственный вариант смеха в его исполнении.

— Английское! — сказал он. — Да Кассим черен, что ваша шляпа!

Положим, шляпа у меня была серая, однако я не стал заострять на этом внимание.

— Что! — воскликнул я. — Он негр?

— Черный мавр. Это все, что я знаю и хочу знать. К тому же немой!

— Немой! Хокинс дружит с немым?

— Бог его знает. Нынче все наперекосяк.

— Не живет ли с доктором Грифом некая леди?

— Может, живет, а может, и нет. Хотя слухи ходят.

В целом, это было все, что мне удалось вытянуть из трактирщика. Я раскурил трубку и уселся на скамейку у дверей, пытаюсь привести все собранные сведения в какое-то подобие порядка.

Я полагал, что можно не брать в расчет недобрую славу доктора Дамара Грифа среди местных, но мне самому довелось понаблюдать за этим человеком, и я пришел к выводу, что многое в нем не понимал и понять не мог. Во-первых, то, что кто-то добровольно поселился в таком уединенном месте, как Белл-Хаус, было само по себе примечательно. Зачем своенравному евразийцу уединяться здесь с одним только черным слугой? Я подумал, что и сам живу на отшибе, но сравнение показалось мне неуместным.

Во-вторых, что это за «племянница», столь тщательно оберегаемая доктором Грифом? И если это не кто иной, как моя недавняя прекрасная гостья, почему она искала встречи со мной? При всей моей природной скромности, которую в таких делах я иногда нахожу чрезмерной, я не мог не заметить, что ей было приятно мое общество. Но как может эта теория объяснить ее визит, если до этого мы с нею ни разу не встречались? И вновь, вспомнив ее хрипловатый голос, я задался вопросом: *действительно ли мы никогда не встречались?*

Что если видение зеленых глаз, глядящих в мое окно из-под сени деревьев у дороги в ту первую ночь, пришло не из царства снов, но было явью, не фантазмом? Если так, то жуткая гостья, навестившая меня в лондонском коттедже, последовала за мной в Аппер-Кросслиз!

Быть может, она прибыла сюда раньше меня? Не исключено, что Гаттон посвятил меня не во все имеющиеся у него версии; вероятно, как я и подозревал, средоточие тайны «Оритоги» именно здесь, а не в Лондоне.

Результатом моих размышлений стало решение не отступать от изначального плана и первым делом посетить мистера Эдварда Хайнса. Я спросил у Мартина, как пройти на ферму Лиуэйз, взял трость и отправился в путь.

Глава 16

ЗОЛОТАЯ КОШКА

Утро выдалось ясное; хотя солнце пока не палило в полную силу, дымка развеялась, и стало понятно, что примерно через час опять станет жарко, как в тропиках. В начале пути, пока я пересекал окрестности Аппер-Кросслиз, дорога оставалась пустынная, и меня навязчиво преследовало воспоминание о зеленых глазах, отчего не раз хотелось оглянуться и посмотреть, не идет ли за мной кто-нибудь, как случилось той памятной ночью. Тем не менее, мне удалось перебороть себя. Я чувствовал, что в воображении лишь нагнетаю ужасы, каких хватало и в действительности, что грозило потерей способности отличать реальное от призрачного.

Я шел уже полчаса, когда увидел, что лес начал подступать к самой обочине; деревья отбрасывали на дорогу широкую тень. Я знал, что ферма находится сразу за деревьями и, ускорив шаг, миновал их, очутившись близ множества строений, которые, в отличие от хозяйств вокруг Аппер-Кросслиз, ничуть не выглядели заброшенными. Ярдах в двадцати за ними располагался фермерский дом.

Во дворе кто-то был, и я быстро прошел туда. На вымощенной камнем площадке стояли многочисленные молочные бидоны. Там же с метлой в руках трудилась женщина.

— Я пришел к мистеру Эдварду Хайнсу, — обратился я к ней. — Не подскажете, где его найти?

Она уставилась на меня и казалась едва ли не остолбеневшей.

— Дружок его, что ли? — спросила она.

— Не скажу, что он мой друг, — ответил я, — но у меня есть к нему одно дело.

Она не сводила с меня странного взгляда и молчала так долго, что я почти отчаялся услышать ответ, но наконец произнесла:

— Если мистер Эдвард вас не ждет, я бы на вашем месте к нему не ходила. Он нынче не в полном здравии — и иногда чудит.

— Я знаю, — ответил я. — И в чем-то его понимаю, но он захочет со мной встретиться, когда услышит, зачем я пришел. Он там?

Я указал на открытую дверь, к которой вела аккуратная гравийная дорожка, обсаженная ухоженными клумбами. Как я догадался, это был главный вход в дом.

— Ну, сэр, — с сомнением произнесла женщина, — вам там скажут, если к мистеру Эдварду нельзя, но я бы вообще не ходила.

— Не беспокойтесь! — воскликнул я и направился к двери.

Вскоре мне стала видна уютно обставленная комната. Внутри хлопотала по хозяйству седовласая старушка. Я задержался на пороге.

— Моя фамилия Аддисон, — представился я. — Не могли ли я поговорить с мистером Эдвардом Хайнсом?

Женщина (она показалась мне матерью разыскиваемого юнца) прервала работу и встревоженно посмотрела на меня. Было ясно, что и дома к мистеру Эдварду относятся так же, как и везде, и мне подумалось, что в детстве, наверное, его плохо воспитывали.

— Ну, — после красноречивой паузы начала она, — он, конечно, у себя наверху, но гостей он точно не жалует.

— Но *меня* он примет очень охотно, — убеждал я ее. — Я принес важное известие.

Она по-прежнему с тревогой взирала на меня, и я добавил:

— Мне известно о его увечьях. Вам не следует бояться неприятностей.

— Если б знать наверняка. — Она все еще колебалась, критически оглядывая меня. — Вы с ним знакомы, сэр?

— О да, — ответил я, — мы уже встречались. Уверяю вас, миссис Хайнс, все будет в порядке, просто позвольте мне подняться к нему и поговорить.

Если ранее у меня имелись какие-то сомнения, то вскоре я узнал определенно, что передо мной была мать печально известного мистера Эдварда, поскольку не успела она произнести и слова, как откуда-то со второго этажа послышался уже знакомый мне высокий ворчливый голос :

— Если это ко мне, мама, то скажите, пусть убираются прочь! Сами знаете, я никого не хочу видеть.

— Вот так-то, сэр, — сказала миссис Хайнс, не в силах скрыть смущение, — говорила же я, он вас не примет.

— Пожалуйста, разрешите мне подняться, — настаивал я, — он изменит свое решение, стоит лишь ему услышать, с чем я пришел.

— Мама! — вновь раздался раздраженный голос. — Да я ему шею сверну, если он сюда поднимется!

Судя по всему, взбудораженный молодой человек скрывался в комнате, расположенной прямо над дверью, у которой стоял я.

— Не волнуйтесь, мадам, — произнес я, вошел в комнату и успокаивающе положил руку на плечо старушки.

Не дожидаясь дальнейших возражений, я проследовал к лестнице, ведущей на второй этаж, и уверенно поднялся по ней. Взявшего след газетчика отпугнуть непросто, и через несколько секунд я очутился в чрезвычайно неопрятной спальне, стены которой были увешаны спортивными плакатами, репродукциями Кирхнера* и многочисленными фотографиями девушек.

Расцарапанный юнец, чье лицо все еще покрывал слой пластыря, встретил меня со сжатыми кулаками.

— Выметайтесь вон! — Таково было его приветствие. — Или я сам вас вышвырну.

— Уважаемый сэр, — сказал я, — если вам не хочется выступить в весьма дурном свете в качестве свидетеля на суде по делу об убийстве, присядьте и выслушайте меня.

* Вероятно, имеется в виду австрийско-американский художник и иллюстратор Р. Кирхнер (1876-1917), известный изображениями соблазнительных девушек в стиле модерн.

Эдвард Хайнс замешкался, сжимая и разжимая кулаки и сверкая преисполненным бессмысленной ярости взором.

— Что такое? — потребовал он объяснений. — О чем вы говорите?

— О тайне «Оритоги», — ответил я.

— О тайне «Оритоги»?

Он изменился в лице и опустился в кресло, откуда, по-видимому, вскочил, заслышав мой голос внизу. Я заметил утреннюю газету, валявшуюся на ковре, и броский заголовок подсказал мне, что он как раз знакомился с последними новостями о расследовании. К этому моменту я более не сомневался, с кем имею дело. Пододвинув ближайший стул, я сел лицом к хозяину комнаты и вытащил портсигар.

— Прекрасно понимаю, насколько щекотливы для вас сложившиеся обстоятельства, — проговорил я, пытаясь его успокоить, — но я ни в коем случае не явился к вам сыпать соль на рану. Утощайтесь сигарой. Мне надо с вами поболтать.

Парень все еще глядел на меня исподлобья, но я постепенно прибирал его к рукам. Он неуклюже взял сигару, закурил ее и выбросил спичку, не предложив мне огонька. Я сделал вид, что не заметил его неучтивость, и быстро приступил к делу.

— Я не являюсь сотрудником отдела криминальных расследований, — продолжал я, — однако в некотором смысле представляю Скотланд-Ярд и вынужден просить вас отнестись к вопросу с должной серьезностью. Вы владеете неким золотым амулетом...

Он мгновенно вскочил на ноги, а кожа между кусочками пластыря побагровела. Мне еще не доводилось сталкиваться с таким вспыльчивым человеком.

— Проклятье! — вскричал он. — Вам-то что за дело?

— Сядьте! — приказал я. — Я вас уже предупредил и повторять не собираюсь. Либо вы любезно отвечаете на мои вопросы здесь и сейчас, либо ответите на них позже в суде — решайте сами. Больше я вам возможности выбирать не предложу. Итак, повторю: вы являетесь обладателем некоего золотого амулета в форме кошки.

Пока я произносил это, он задыхался от гнева, что-то бубнил и метал в меня свирепые взгляды, но я холодно смотрел на него, и он наконец уселся и протянул руку к стоящему у кресла комоду. Выдвинув один ящик, он вытащил золотую статуэтку Баст и протянул мне.

— Вы об этой вещице? — грубо выпалил он.

— Да, — ответил я, — позвольте мне рассмотреть ее поближе.

Кажется, эта идея пришла к нему не по душе, однако я взял у него статуэтку и поднес ее к глазам. Без сомнения, это было изделие древнеегипетских мастеров, и, вероятно, прибыло оно сюда из дарохранилища в Бубастисе. Я поднял взгляд на молодого человека.

— Мне не хотелось бы вмешиваться в вашу личную жизнь, — сказал я, — но не будете ли вы столь добры поведать, каким образом к вам попал этот амулет?

Расчетливая холодность моей манеры возымела эффект, и Эдвард Хайнс, пусть и неохотно, зато сразу ответил:

— Я получил его от женщины.

— Как ее звали?

— Не знаю.

— Вы не знаете, как звали даму, подарившую вам столь ценную вещь?

Его глаза вдруг блеснули тщеславием.

— А она очень дорогая? — спросил он.

— Возможно, за нее дадут фунтов пятьдесят, — спокойно ответил я.

— Правда?! — в его голосе послышалась искренность. — Ну, вещица и впрямь незаурядная, но уверяю вас, имя женщины мне неизвестно.

— Конечно, — ответил я с коварством, достойным Макиавелли, — я и не рассчитывал, что вы помните имена всех девушек, влюбленных в вас, однако этот подарок необычен даже для ослепленной страстью женщины.

— Незаурядная вещица, да? — повторил преисполненный самодовольства Эдвард Хайнс. — Не понимаю я женщин: с чего это они мне постоянно что-то дарят. Гляньте на рамку для фотографий. Я ее получил от девицы, с кото-

рой виделся-то три раза, — но это чистое серебро, — добавил он.

Я посмотрел на означенный сувенир и обнаружил в нем фотографию мистера Хайнса (без пластыря).

— И портрет у вас преотличный, — заметил я.

— Неплохой, — пренебрежительно бросил он, — сделан у одного известного фотографа в Лондоне. Девица оплатила.

— Но даже это, — поднажал я, — даже это не сравнится по стоимости с драгоценностью, которую я держу в руке.

— Не сравнится, — откликнулся юнец, пришедший к этому времени в хорошее настроение от моего неприкрытого восхищения его донжуанскими способностями. — Правда такова: я и сейчас не знаю, как ее зовут. Но что вы имели в виду, — продолжил он, — когда сказали, что я как-то связан с тайной «Оритоги»?

— Дело в том, что полиция разыскивает женщину, полностью подходящую под описание вашей подружки, — объяснил я.

— Серьезно?! — вскричал он. — Высокая, с хорошей фигурой, красиво одетая?

— Думаю, все обстоит именно так, — сказал я. — Не заметили ли вы каких-то особых примет внешности или поведения, по которым могли бы ее узнать?

— У нее было несколько особых примет, по которым я ее узнаю, — заявил он с ноткой обиды в голосе.

— И каких?

Мистер Хайнс наклонился и доверительно хлопнул меня по колену.

— Понимаете, мы познакомились случайно, — поделился он, — как-то вечером перед закатом на Лондонском тракте. Она спросила, как пройти к Фрайарз-Парку, но я сразу заметил, что понравился ей. Конечно, вопрос был только предлогом, чтобы завязать разговор. Я предложил проводить ее; она согласилась, короче говоря, все как обычно; ей захотелось опять увидеться со мной.

— Ну, — самовлюбленно продолжил он, — в следующий четверг мы встретились и крепко подружились, сами по-

нимаете, только вот очень уж она спешила попасть домой до сумерек. Все это время я так и не знал, ни кто она, ни где живет, но, конечно, смекнул, что она за птица. Она была из благородных, приехала из Лондона, остановилась в одном из поместий, и ей надо было обязательно присутствовать на ужине. Вечером, когда мы расставались, она подарила мне эту золотую вещицу и назначила свидание.

Он умолк, стряхнул пепел с сигары и, кажется, обдумывал, что сказать дальше. Наконец он произнес:

— В третий раз я все подстроил так, что она не смогла пораньше от меня ускользнуть, ну, понимаете, а вот потом... даже не знаю, как рассказать-то. Я не из тех, кто легко впадает в панику, но (позволю себе заметить, дело было в лесу) она напугала меня так, как я в жизни не пугался.

Он наклонился и опять похлопал меня по колену.

— Дорогой мой... мистер Аддисон, так ведь вас зовут? — глаза ее в темноте светились, как у кошки.

И он возрился на меня с прежним вызовом, будто опасаясь насмешки и готовясь отразить ее, но я серьезно кивнул, глядя на него так, словно до глубины души поражен его историей. Тем временем он повторил:

— Да, как у кошки! Признаюсь, я запаниковал. Не знаю, как она там восприняла мой вопль, может, подумала, что я хочу напасть или что там еще, но я тут же почувствовал ее на своем горле.

Он сглотнул, осторожно коснулся повязки на шее и пощупал пластырь на лице.

— На вашем горле? — переспросил я. — То есть она пыталась вас задушить?

— Задушить? — презрительно воскликнул он. — Да она вцепилась мне в горло зубами!

— Но как же царапины на лице? — начал было я и замолк, боясь ранить его чрезмерно чувствительную натуру.

— Черт! — вскричал он. — Проклятая баба! Понимаете, она всегда была в перчатках, но в тот вечер, наверное, их сняла, потому что *вот это*, — он показал на обклеенную пластырем физиономию, — она сотворила своими ногтями!

Он замолчал и тупо уставился на меня. Вскоре вновь заговорил с неожиданно вернувшейся ноткой самодовольства:

— Но мы квиты. — Он бросил статуэтку обратно в ящик. — Если вещица и вправду стоит пятьдесят фунтов, эта сумма с легкостью перекроет счет от врача!

Последовала короткая пауза.

— Вы, конечно, узнаете ту женщину? — спросил я.

— Я не совсем уверен, — ответил он. — На ней всегда было что-то вроде вуали, но не сомневайтесь, — в голосе зазвучала высокомерная снисходительность, — она красotka, иначе бы я на нее не клюнул.

— Это точно? — осмелился спросить я.

— Уж наверняка. Такие неземные глазищи — черт побери, даже слишком неземные!

— Хорошо, — сказал я, — премного вам благодарен за предоставленные сведения и смею заверить, что они действительно помогут производимому сейчас следствию.

— Да ладно вам, — легкомысленно произнес Хайнс. — Если могу чем еще помочь, просто обращайтесь, но... лучше бы вам меня в это не впутывать. Понимаете, о чем я?

— Можете не сомневаться, — ответил я, — сделаю все, что в моих силах, чтобы подробности происшествия не просочились на публику.

Я покидал ферму Лиузэйз, довольный результатом первого акта спланированной мной кампании. Вернувшись в свою комнату в «Эбби-Инн», я провел большую часть дня за написанием подробного отчета о беседе с Эдвардом Хайнсом. Завершив его, я пошел в город — только отправив письмо оттуда, а не из Аппер-Кросслиз, я мог быть уверен, что его отошлют в Скотланд-Ярд утренней почтой.

Я не спешил, наслаждаясь прогулкой, ибо следующий шаг мог осуществить только с наступлением темноты.

Глава 17

НЕМОЙ НУБИЕЦ

Я возвращался из торгового городка под тропическим сиянием небес. Пейзаж утопал в сверкающем лунном свете, а под деревьями, густо обступившими обочины, лежали такие бархатные тени, какие в Англии редко увидишь, и контуры их были столь четки, что я и припомнить не мог, сталкивался ли вообще с подобным. Однако вскоре я перестал замечать красу ночи, погружившись в размышления, касающиеся нашего необыкновенного расследования.

Всякое новое свидетельство ничуть не проясняло дело, но все больше и больше запутывало его. За одной тайной скрывалась другая, все становилось похожим на лабиринт, и я временами с отчаянием думал, что мне не попасть в его центр. Что за женщина ускользающей тенью мелькала при каждом повороте следствия? Была ли она той самой дамой, что посетила мой коттедж и похитила зеленую эмалевую статуэтку; и не с ней ли я беседовал в кофейной «Эбби-Инн», так и не разобравшись, кем она является?

Несомненно, она отличалась необыкновенным умом и умело пользовалась своими чарами; вот почему ей удалось до некоторой степени, пусть и на время, скрывать свою личность. То она виделась отвратительным звероподобным созданием, то вместо него внезапно возникала очаровательная светская леди небывалой эрудиции, великолепная собеседница. Что таилось за такой разносторонностью? Если допустить, что она была замешана в убийстве сэра Маркуса Каверли, то о цели ее визита в мой коттедж и гадать не стоило: она пришла забрать инкриминирующую улику, и в этом ей словно помогла десница судьбы.

Но зачем она посетила меня в «Эбби-Инн» и что очерпнула из нашей беседы? Возможно, думал я, шагая по пустынной сельской дороге, ей помешало неожиданное появление доктора Дамара Грифа. Но опять же, откуда он

там взялся именно в то утро, если не подозревал, что она в трактире; и что вообще связывало этих двух исключительных людей?

Из странного рассказа не блещущего умом Эдварда Хайнса я понял, что для таинственной дамы их приключение было лишь забавой, которую пришлось прервать (пусть и несколько жестоко) из-за неотесанной пылкости деревенского ловеласа. Но ее визит в трактир никак не вписывался в схему, если, конечно, она не вознамерилась избрать меня преемником мистера Эдварда Хайнса.

Сейчас мне очень не хватало присутствия инспектора Гаттона, ибо его искушенный интеллект мог помочь мне проникнуть в глубины тайны. Я терялся в догадках, не представляя, кем могла быть эта женщина, и совершенно не понимая, какую выгоду она могла извлечь из гибели покойного баронета — если предположить, что она в самом деле связана с преступлением. Я также не понимал, какую роль во всем этом играл доктор Дамар Гриф.

Я все шел и шел, бездумно ускоряя шаг, как всегда делаю, когда размышляю; вероятно, физические усилия принесли свои плоды, ибо ум мой прояснился, часть сомнений развеялась и я наконец пришел к убеждению, что смутная тень, преследовавшая меня в ночь убийства, обладательница горящих глаз, смотревших на меня из сада, дама, укравшая амулет с моего стола, и леди, покалечившая Эдварда Хайнса, были одной и той же женщиной, то есть моей гостьей в «Эбби-Инн», и именно ее голос я слышал под окном в ночь приезда в Аппер-Кросслиз!

Итак, между Ред-Хаусом и Фрайарз-Парком, или по крайней мере его окрестностями, существовала определенная связь; все мои догадки выстроились в систему, и сейчас мне надо было выяснить, с кем разговаривала эта загадочная леди, скрываясь в тени у трактира, когда я проснулся среди ночи. Я мысленно воссоздал высокий, хрипловатый голос ее собеседника, явственно вспомнив, как, попав под чары, словно околдовавшие сей край, я представил этого человека Асмодеем, хозяином ведьмовских шабашей, и лишний раз убедился, что в чем-то моя мысль была верна. Я понял,

что ночным собеседником дамы был доктор Дамар Гриф!

Размышляя таким манером, я прошел примерно полпути до трактира и совершенно неожиданно опять с тревогой ощутил, что за мной следят. Подобно тому, как в ночь возвращения из Ред-Хауса к себе домой я был убежден, что кто-то следует за мной, так и теперь я не сомневался в этом. Однако тогда мне было скорее любопытно, чем страшно, а сейчас мой преследователь, казалось, навевал ужас, и интуиция шепнула, что от него исходит серьезная угроза.

Я тут же сформулировал для себя необходимые действия и без промедления взялся за исполнение плана. Когда я впервые почувствовал, что мое неприятное подозрение имеет под собой почву, я шел по открытому участку залитой лунным светом дороги, но заметил, что впереди есть участок длиной ярдов в двадцать, полностью скрытый древесной сенью. В этом месте лес спускался с косогора вниз, вплотную приближаясь к большаку. Я заметил эту особенность, когда шел в город, и сейчас решил воспользоваться ею себе во благо.

Вскоре я оказался на этом темном участке; звук моих шагов разрывал тишину ночи. Пришлось идти довольно долго, прежде чем обнаружилось удобное место. Это было некое подобие ниши или кармана, куда рабочие, недавно ремонтировавшие дорогу, складывали камень; туда-то я и нырнул, стараясь держаться прежнего темпа ходьбы. Сделав это, я повернулся, но продолжал отбивать ногами ритм, а сам смотрел на освещенную луной дорогу.

Цель этой уловки была достаточно прозрачна: преследователь, слыша звук моих шагов, должен был посчитать, что я продолжаю идти вперед в темноте; тем временем я смогу разглядеть, кто крадется за мной — ведь в том, что за мной следят, я уже не сомневался.

Видимо, несмотря на всю осторожность, он все же не мог двигаться совершенно бесшумно; я подсознательно слышал какой-то тихий звук и очнулся от раздумий, почувствовав присутствие чужака. И тогда, не прекращая равномерно притопывать и напряженно всматриваясь в темноту, я его увидел.

Укрываясь в тени кустов на правой обочине, ко мне тихо приближался человек!

По его поведению легко было понять, что он старался оставаться незамеченным. Засомневайся я в намерениях преследователя и не доведись мне вовремя обнаружить его появление, исход был бы плачевным.

На одном участке обочины в живой изгороди имелась прогалина, пропускавшая лунный свет, и вот там-то я четко увидел промелькнувший силуэт своего противника.

За мной шел немой нубиец!

Мне хватило единственного взгляда — и я убедился в ужасной истине. Он был обнажен по пояс, конечно, для того, чтобы одежда не стесняла движений, и стан его напоминал торс Милона*, высеченный из черного дерева. Жесткое, звериное лицо, выпяченные губы с белеющими между ними зубами — все говорило об участии, уготованной мне. Я знавал таких людей: попадешь к ним в руки, пощады не жди. Очевидно, он был из тех немых, кого по сей день иногда приставляют к гаремам в восточных дворцах; и даже если бы я ровно ничего не знал о том, что входит в обязанности таких слугителей, предмет в его левой руке стал бы подсказкой.

Нубиец сжимал удавку!

Я мрачно ухмыльнулся. Если касаться личности моего потенциального убийцы, то сомневаться не приходилось: это черный слуга доктора Дамара Грифа. Сейчас, когда он миновал освещенный участок и принялся молчаливо скользить сквозь мрак, я стал притоптывать не так громко, стараясь окончательно запутать его. Я не был знаком со странными нубийскими наречиями, но решил, что он должен знать арабский. Я издал зловеющий крик и завыл на арабском:

— Кассим! Кассим! Сатана явился за тобой!

Мне в жизни не доводилось видеть такого откровенного приступа паники, какой я лицезрел в тот момент. Нубиец был метрах в восьми от меня, но я услышал, как застучали его зубы!

* Милон Кротонский — легендарный древнегреческий атлет.

— Кассим! — опять взревел я. — Беги! Спасайся! Здесь Сатана!

Ответом на крик было жуткое безъязыкое мычание. Нубиец заметался — и я увидел, как его блестящая спина за сверкала в лунном свете, когда он удирал прочь по дороге.

— Быстрее! Быстрее! Кассим! — надрывался я. — Он за тобой! Ах! Он впереди!

Кассим замешкался, повернулся и застыл, озираясь по сторонам в безумии ужаса. Наконец он кинулся вправо, оглашая округу диким воплем (по-моему, его задел крылом какой-то ночной мотылек). Продолжая мычать, он метнулся на обочину к кустам, не думая о том, что в них полно колючек, которые жестоко расцарапают его голое тело, прыжком продрался через них и побежал по вспаханному полю!

Самое страшное оружие против такого врага — это суеверия. Тем не менее, сжимая рукой лежащий в кармане пистолет, я прошел оставшуюся половину пути быстрым шагом; мне не стыдно признаться, что я искренне обрадовался, увидев освещенные окна трактира «Эбби-Инн», и почувствовал истинное облегчение, когда оставил большак позади и оказался на улице Аппер-Кросслиз.

Я не знал, как быть дальше. Мой противник допустил промах, ибо теперь у меня имелось определенное свидетельство враждебности доктора Дамара Грифа и его намерения убить меня посредством своего нубийского слуги.

Мой план ночных вылазок, и без того достаточно рискованный, грозил навлечь на меня смертельную опасность. Я бы многое отдал за помощь Гаттона, но, если уж мне поручили действовать в одиночку — в одиночку я и буду действовать. Да, я тяжел на подъем, но уверяю вас, что всегда доведу дело до конца. И сейчас я стоял на пороге настоящей войны, а врага следует встречать во всеоружии.

Глава 18

ТАЙНА ФРАЙАРЗ-ПАРКА

Заглянув в питейный зал, я увидел, что там пусто. За стойкой сидел Мартин и, казалось, целиком погрузился в чтение развернутой перед ним газеты. Поднявшись в свою комнату, я натянул краги, бесполезные и даже вредные при повседневной носке, но идеальные для похода сквозь колючие заросли ежевики, взял увесистую трость и проверил боевую готовность пистолета. Наконец, сунув в карман электрический фонарик, я отправился в путь.

Когда я спустился, Мартин закрывал бар. Он непонимающе посмотрел на меня.

— Хочу прогуляться при луне, — объяснил я. — Сможет ли кто-нибудь меня впустить либо вы предпочитаете дать мне ключ от черного хода?

— Мы никогда не запираем, — последовал лаконичный ответ, — приходите, когда захотите.

Городской житель, наверное, поразился бы такой беспечности, но я, зная деревенские нравы, отнесся к этому довольно спокойно и, попрощавшись с трактирщиком, вышел.

Промах доктора Дамара Грифа сделал для расследования больше, чем все мои самостоятельные усилия. Было ясно, что евразиец видит во мне угрозу своей безопасности. Показав это, он тем самым выдал, что в чем-то виноват. Я был уверен, что он всеми способами старается преградить мне доступ в Фрайарз-Парк.

Откровенная попытка избавиться от меня физически — а именно так я представлял себе его приказ нубийцу — потерпела крах, и доктор несомненно понимал, что его карты раскрыты. Очевидно, он был готов на все, и победить я мог, только действуя очень быстро.

Стояла ясная ночь, ни единое облачко не пятнало темно-синюю гладь небес, но посреди этой красоты я более чем когда-либо ощущал одиночество и заброшенность, столь

характерные для этой местности. На дороге не было ни души, и я нигде не заметил каких-либо признаков жизни; лишь когда я свернул на тропку, ведущую в лощину с пустой сторожкой, принадлежащей Белл-Хаусу, в древесной кроне над моей головой заухала сова.

Я очень боялся, что кто-то заметит мои передвижения, и потому остановился, размышляя, был ли звук, раздавшийся с низко свисавшего сука прямо надо мной, настоящим совиным криком или его имитацией — уханью легко подражать и его часто избирают условным сигналом. Я достал из кармана фонарик и направил луч в густую листву дуба, откуда, прозрачно шурша темными крыльями, вылетела сова.

Я уверенно проследовал дальше по спускающейся под уклон тропе; шаги мои, казалось, грохотали в царящем вокруг безмолвии. Я добрался до поворота и посмотрел налево, но на дороге, пестревшей черными и серебряными пятнами, никого не было. Она вела к воротам Белл-Хауса и шла в этом направлении немного под уклон, справа же от меня начинался довольно резкий подъем. Именно в этом месте я в прошлый раз ошибся и свернул не в ту сторону.

Итак, я повернул направо и принялся искать ворота, до которых, по моему убеждению, оставалось около двухсот ярдов. Дорога плавно изгибалась влево и вскоре, как и ожидалось, я очутился недалеко от увитой плющом сторожки, чуть видневшейся за воротами, которые перекрывали путь.

Я не сомневался, что передо мной вход во Фрайарз-Парк, но не собирался проникать туда обычным образом, через ворота. Вместо этого я двинулся вдоль высокой и, по всей видимости, древней стены, окружающей поместье. Пришлось пройти не менее трехсот ярдов; здесь стена, некогда оберегавшая монастырский огород, переходила в высокую живую изгородь, а в ней я быстро обнаружил достаточно широкую дыру, куда и протиснулся.

Попав внутрь, я очутился в своего рода парке, поросшем величественными вековыми деревьями, в основном вязами. Было невозможно определить, где заканчивался парк и начинался лес, но слева тянулась высокая стена; в лунном све-

те, который в этой точке не застила листва, отчетливо проступали очертания ворот.

Туда я и направился, старательно высматривая капканы, о которых был наслышан, и столь же внимательно проверяя, не скрывается ли кто в засаде. Я беспрепятственно добрался до ворот — и обнаружил, что они закрыты и заперты на большой висячий замок.

У стены пролегал защитный ров, и я пошел вдоль него в сторону большака в надежде, что где-нибудь попадется удобное место, где можно будет перелезть через стену. Я продвигался медленно, так как оказался среди множества кустов, внушавших особое опасение: они могли послужить удачным прикрытием для капканов. Так я едва не дошел до живой изгороди у дороги, прежде чем обнаружил то, что искал.

Достаточно близко ко рву росла ель, годная для моей цели. Ее нижние ветви свисали довольно низко, а выше я увидел сук, проходивший над стеной. Набросив на запястье ремennую петлю трости, я взобрался на дерево и вскоре очутился верхом на стене.

Подо мной простирался заброшенный сад, а справа я видел пустошь, некогда бывшую просторным огородом. Прямо внизу находилась сторожка, но дом оставался вне поля зрения; вероятно, он располагался где-то за густой рощей, куда уходила подъездная дорога: по пятнам лунного света я мог проследить, как она лентой извивается между стволами.

Стена подо мной заросла плющом, старые стебли которого были толщиной с канат, и я спустился вниз по этой природной лестнице. Приземлившись посреди миниатюрных джунглей, когда-то являвшихся цветочной клумбой, я направился к сторожке, поманившей меня светом одного из окон, пробивавшимся сквозь густую листву.

Я не знал, следует ли опасаться капканов внутри огороженного стеной пространства, однако решил не терять бдительности, пока не проберусь через поросль сорняков, сменивших овощи и пряные травы, для которых этот участок, несомненно, в свое время был землей обетованной. Я с ве-

ликой осторожностью приблизился к домику и заглянул в освещенное окно, оставаясь скрытым от обитателей комнаты природной завесой из спутанных ветвей кустарника.

В комнате царил настоящий разгром. Как и в любом жилище сельского труженика, обстановка выглядела очень бедной; очевидно, я видел перед собой гостиную сторожа. Все говорило о грядущем переезде; шкафы и комоды стояли открытыми, а мой знакомец Хокинс упаковывал разнообразные пожитки в большой ящик, стоявший в центре комнаты. На голом деревянном столе у масляной лампы — это ее свет падал из окна сторожки — склонилась над кипой бумаг, погрузившись в какие-то подсчеты, похожая на цыганку женщина, как я понял, жена егеря.

У нее были лоснящиеся черные волосы и очень смуглая, неприятного оттенка, кожа; большие серьги в ушах придавали ей еще большее сходство с цыганкой. Супруги из-за чего-то ссорились: женщина то и дело отвлекалась от своего занятия и метала в мужчину, расположившегося на коленях у ящика, ядовитые взгляды. Через приоткрытое окно до меня долетали обрывки фраз, и хотя было сложно следить за спором, я понял, что жена упрекает мужа в опрометчивости, из-за которой они теперь вынуждены готовиться к отъезду. Хокинс огрызался с дикой яростью, выдававшей темную сторону его натуры, что скрывалась, как я уже догадался, за его довольно-таки злорадным смехом.

Удостоверившись, что супруги с головой ушли в перебранку, я выбрался на подъездную дорогу и зашагал к особняку. Я приблизительно представлял, как далеко от сторожки находится особняк, и почти не ошибся. Дорога изгибалась широким полукругом, и вскоре впереди показался Фрайарз-Парк, величественный в лунном свете: магия ночи вернула ему средневековое очарование.

Это было приземистое здание, лишенное единого стиля; о его монастырском прошлом можно было догадаться по некоторой суровости очертаний и крытой аркаде слева, заканчивающейся часовней со старинной башней, которую я видел из окна трактира. Эта часть дома являлась чудесным образчиком англосаксонской архитектуры и близко

напоминала церковь в Эрлз Бартон*. Свет в окнах не горел, и от входа в дом меня отделял широкий участок; когда я пристальней оглядел особняк, он показался мне похожим скорее на руины, чем на жилое строение.

Подозревая, что из многочисленных окон за мной может кто-нибудь наблюдать, я отступил в кустарник под деревьями на обочине и двинулся в обход дома.

Хотя я и старался по возможности не выдавать свое присутствие, исполнение плана далось мне нелегко: несколько раз я оказывался на освещенных луной окаемках заросших газонов. Однако, таясь и прячась, я наконец достиг своей цели и вернулся на прежнее место, никого, как мне показалось, не потревожив. Здесь я задержался, обдумывая увиденное.

Главным было то, что лишь одно крыло Фрайарз-Парка, наиболее отдаленное от башни, выглядело обитаемым либо хоть сколько-нибудь пригодным для жилья. Иными словами, большая часть здания представляла собой не более чем царственные развалины. Были там и окна без стекол, и обрушившиеся арки, а от часовни, выглядевшей издалека столь живописно, остался один каркас. У стен восточного флигеля, примыкающего к башне, буйно разрослись кусты; я заглянул снаружи в окно часовни и увидел пустой проем противоположного окна; крыша отсутствовала, пол устилала сорняки. Я не мог не задаться вопросом, пришел ли особняк в упадок еще при сэре Бернеме — ведь подобное небрежение никак не соответствовало тому, что я узнал о нем из рассказов местных жителей.

Таким образом, меня могли интересовать лишь те семь или восемь пригодных для жилья помещений, что я насчитал в Фрайарз-Парке; правда, два из них были довольно большими, к примеру то, что по моим догадкам некогда служило монастырской трапезной. Я также обнаружил, что в дом было легче всего проникнуть через остекленные двери, выходившие на маленькую лужайку ярдах в двадцати от дороги. Но приблизиться к ним означало бы выдать

* Имеется в виду знаменитая церковь Всех Святых (конец X в.) в деревне Эрлс Бартон (Нортгемптоншир).

себя: та часть особняка купалась в лунном сиянии.

Я стоял, напряженно прислушиваясь и гадая, хватит ли мне смелости на такую вылазку. До меня не доносилось ни звука; ночь была недвижна, на деревьях вокруг не колыхался ни единый лист. И я решился — смело двинувшись вперед, я подошел к крайней с восточной стороны двери.

К ней вели три каменные ступени, и она была зашторена изнутри. Я вспомнил, что двери в трактире «никогда не запирались» и в надежде на такую же доверчивость в Фрайарз-Парке повернул ручку, медный блеск которой я успел заметить ранее, прячась в кустах.

Ручка мягко поддалась. Легонько толкнув дверь, я шагнул на гладкий дубовый паркет и замер, прислушиваясь, но и здесь царила тишина. Оставив в двери щелку, я нажал на кнопку фонарика и осмотрелся.

Это была длинная, просторная комната с высоким потолком, по всей видимости, гостиная — пустая, без единого предмета мебели. Я достал из кармана две пары толстых шерстяных носков и натянул их поверх ботинок, чтобы приглушить шаги. Дверь, ведущая из этой заброшенной, голой комнаты, была не заперта, и я тихо вышел в широкий коридор, невольно вспоминая полный кошмаров Ред-Хаус.

Я проверил три другие комнаты, и хотя в двух из них стояли массивные шкафы и комоды, прикрытые от пыли простынями, все выглядело необитаемым. Первый этаж пустовал целиком, на широкой лестнице не было ковров, а значит, и верхние этажи пустовали.

Я стал осторожно подниматься по ступеням, но они так ужасно скрипели, что я с облегчением перевел дух, оказавшись наверху. И здесь, однако, бояться было нечего: меня снова встретили пустые комнаты. Единственным важным открытием была почти полностью меблированная спальня с неопрятно смятым на кровати бельем. Но с балдахина на одеяло спускалась густая паутина, а вся комната была покрыта густым слоем пыли.

Я вернулся в пустую гостиную, доказав себе то, что давно подозревал.

Фрайарз-Парк был необитаем!

Глава 19

ЧЕЛОВЕК НА БАШНЕ

Я выбрался из особняка незамеченным, как и проник в него, и теперь быстро шагал сквозь кусты туда, где мне следовало свернуть на запад, к заросшему сорняками огороду. Невзирая на опасность угодить в капкан, я сделал круг, обходя сторожку, и очутился у стены не там, где перелезал через нее, а гораздо ближе к лужайкам у дома.

Не знаю, что заставило меня обернуться и бросить прощальный взгляд на Фрайарз-Парк. Как бы то ни было, прежде чем пересечь запущенный огород, я остановился и взглянул назад, на старинную англосаксонскую башню, вознесшуюся в серебряном свете луны над древесными кронами, что скрывали сам особняк от моего взора.

Вся она, вплоть до бойниц в верхней части и зубчатого гребня, была омыта лунным сиянием. Я взглянул на нее, и сердце чуть не выпрыгнуло из груди; затаив дыхание, я пригнулся, не доверяя темноте, укрывающей меня.

Ибо я со всей ясностью увидел мелькнувшую в одной из бойниц наверху человеческую фигуру!

Лицо человека белело в ярком свете луны, и я сразу понял, что мне не привиделось. Однако он сохранял неподвижность, будто застыл, уставясь в одну точку, отчего я вдруг засомневался, не обмануло ли меня первое впечатление; но вскоре человек слегка пошевелился.

С такого расстояния мне не удалось различить, кто это, но произведенное движение подсказало, чем он занимался: отражая луну, засияли линзы бинокля — незнакомец рассматривал что-то, видимое лишь с большой высоты.

Я не отрывал от него взгляда и вновь заметил, как на башне сверкнуло стекло: незнакомец продолжал наблюдать за удаленным объектом, приковавшим его внимание. Вспомнив, что как раз в том месте, где мне предстояло добраться до спасительной ветки, на стену падала полоса лунного све-

та, я отбросил все предосторожности и ринулся сквозь спутанные сорняки к ели, служившей мне ориентиром.

Я торопливо полез вверх по лозе, свисающей подобно природной лестнице, и без промедления перебрался на другую сторону сухого рва. Я не стал еще раз оглядываться: отсюда башню уже не было видно. Вдобавок, мне совсем не хотелось продлевать опасную разведку.

Сложно сказать, почему я при таком поспешном бегстве не угодил в капкан: то ли мне сопутствовала удача, то ли ловушек вокруг особняка просто не было, — однако теперь, на более открытом участке, пышно поросшем низким кустарником и травами, я вновь обрел бдительность и обратно старался идти по возможности тем же путем, что ранее привел меня к дружественной ели.

Покинув наконец земли Фрайарз-Парка и снова оказавшись на дороге, я отдышался и с удивлением обнаружил, что насквозь промок от пота.

Была некая ощутимая странность в том, что я сумел осмотреть множество комнат заброшенного особняка и ухитрился дважды обойти обитаемую сторожку, в то время как на башне беспрерывно оглядывал округу таинственный наблюдатель! Я задался вопросом, что он высматривал. Если он заметил, как я выходил из особняка, то почему по-прежнему вглядывался вдаль, не сосредоточившись на поместье? Но если он меня не видел и не слышал, мне оставалось поздравить себя с удавшейся тайной вылазкой.

Допустим, второе предположение верно; в этом случае появление человека на башне и его цели представлялись гораздо более загадочными. Кем был он? Что делал в такой час в пустынном Фрайарз-Парке?

Я помнил, что егерь был занят упаковкой вещей в сторожке, и сразу отверг мысль о том, что человек на башне мог оказаться Хокинсом. Сам я видел этого человека только издали и не мог разглядеть его лицо; поэтому мои собственные наблюдения мало чем могли помочь в разгадке тайны.

Вскоре я уже возвращался в «Эбби-Инн», не переставая раздумывать о новом обстоятельстве, затруднявшем расследование. Гаттон был как никогда прав, заметив, что каждая

выявленная улика в этом и без того темном деле лишь еще больше запутывала его. Продолжая выстраивать цепочку рассуждений, я незаметно добрался до косогора у Аппер-Кросслиз; теперь мои мысли были в основном заняты исчезновением леди Бернем Каверли.

Я вспомнил, как доктор Дамар Гриф с отменной учтивостью уверял меня в плохом самочувствии хозяйки Фрайарз-Парка, не позволявшем ей принимать гостей, и вновь задумался о коварстве этого отвратительного евразийца. Запустение в комнатах особняка явственно свидетельствовало, что ни леди Каверли, ни кто-либо иной уже много месяцев, а то и лет, там не жил. Но что все это означало? Для чего смахивавший на цыгана егерь бдительно охранял поместье и подходы к дому?

Объяснение могло быть только одно: все это было только уловкой, с помощью которой доктор Дамар Гриф пытался предотвратить нежелательные визиты в особняк и тем самым скрыть странную тайну его опустошенности.

Самый дух царящего в этих краях запустения, неприятно поразившего меня по приезде в Кросслиз, обретался не где-нибудь в округе, но именно в этой бывшей монашеской обители. Я решил для вящей уверенности порасспрашивать местных торговцев, пока что мне не встречавшихся: ведь тот факт, что в Фрайарз-Парке никто не жил, был каким-то образом скрыт и от них, людей, чьи обычные деловые обязанности включали визиты в поместье, прием заказов на товары и продукты и так далее. Но и без подобных расспросов я догадывался, как все было обставлено: вероятно, доктор Дамар Гриф или Хокинсы — несомненно, его приспешники — преграждали торговцам доступ к пропавшей, как выяснилось, хозяйке поместья.

Однако смысл всего этого оставался загадкой как для моего воображения, так и для дедуктивного мышления. Если леди Каверли по некоей причине уехала из поместья, с какой целью доктор продолжает вводить всю округу в заблуждение, уверяя, что она по-прежнему там живет?

Дело представлялось мне безнадежно запутанным, и чем больше я о нем думал, тем больше терял уверенность. Но в

то же время я не стоял на месте, обнаружив искомую связь — звено, соединявшее одну тайну с другой, то есть с загадкой Ред-Хауса. Этим очевидным звеном, без сомнения, были светящиеся глаза. Тем не менее, я не понимал, как смерть сэра Маркуса могла соотноситься с исчезновением леди Бернем Каверли. Далее, какую роль в этих кознях играет доктор Дамар Грифф? И наконец (это представлялось самой ужасающей загадкой), кем или чем была женщина с кошачьими глазами?

На этом этапе рассуждений я обнаружил, что стою перед трактиром, сейчас погруженным во тьму, и, кажется, слышу за спиной звук шагов; меня охватила паника, согласитесь, вполне простительная при подобных обстоятельствах. Очнувшись от размышлений и заслышав — или вообразив — шаги преследователя на безлюдной, усеянной лунными пятнами дороге, я бросился к черному ходу в «Эбби-Инн», беззвучно молясь о том, чтобы дверь, как заверял Мартин, оказалась незапертой.

Я тут же убедился, что трактирщик не обманывал; дверь распахнулась от первого же легкого толчка, после чего я вдруг осознал, что только и мечтаю побыстрее запереться изнутри. Однако на двери не было ни засова, ни замка, и я поспешил наверх, решив принять меры предосторожности, к которым до сих пор не прибегал, а именно — запереть на ночь дверь своей комнаты.

Войдя в комнату, я нашарил в кармане спичечный коробок и чиркнул спичкой, намереваясь зажечь свечу, обычно стоявшую на шкафчике у кровати. Но сегодня ее почему-то убрали отсюда, переставив на столик у окна. Пока я искал свечу, спичка погасла, а когда я собрался зажечь новую, звук шагов, ранее услышанный мной, приблизился и стал громче; я уже не сомневался, что кто-то бежит по дороге к «Эбби-Инн».

Мне захотелось непременно узнать, кто это, и я, скрываясь в темноте комнаты, подошел к окну и выглянул на улицу. Ярдах в двадцати от трактира, на дороге, я увидел бегущего человека. Судя по тяжелому дыханию, он совсем выбился из сил. Мое удивление только возросло, когда он

подбежал ближе и повернулся в мою сторону: я узнал в нем похожего на бродягу человека, сидевшего утром на скамье перед трактиром.

Не понимая, что может означать его появление, хотя и осознавая, что оно бесспорно связано со мной, я высунулся из окна. Шатаясь, словно от головокружения, незнакомец добрал до столба с вывеской и прислонился к нему. Он чуть не падал от изнеможения и заговорил со мной хриплым шепотом.

— Не зажигайте свечу! — сказал он.

Эти слова, учитывая время и место, показались мне настолько нелепыми, что поначалу я чуть не рассмеялся, но искренняя серьезность незнакомца, его плачевный вид и настойчивость не могли не произвести на меня должного впечатления.

— Почему? — ошеломленно спросил я, все еще высываясь из окна.

— Неважно, — задыхаясь, ответил он. — Нельзя! Я могу к вам подняться?

В усталом шепоте человека внизу мне послышалось нечто неуловимо знакомое. Но я оказался столь недогадлив, что так и не понял, в чем дело.

— Конечно, — сказал я. — Я спущусь к вам со свечой и покажу дорогу, раз у вас ко мне разговор.

— Никакого света! — хрипло выкрикнул он. — Если вам дорога жизнь, не зажигайте спичку!

К этому времени удивление мое достигло предела, и я уже не знал, стоило ли мне спускаться к этому очевидно безумному человеку. Не лучше ли будет остаться в комнате?

— Не сомневайтесь, мистер Аддисон! — крикнул он, немного отдышавшись. — Делайте, что говорю!

— О Боже! — воскликнул я и повернулся, кинувшись сначала к двери, а затем вниз. Наконец я узнал голос ночного бродяги. Распахнув дверь, я протянул руку, и человек в потрепанной одежде протянул мне свою.

— *Гаттон!* — взволнованно воскликнул я. — Гаттон! Что, черт побери, это значит? Почему вы так вырядились?

Я заметил вас утром, а вы и не намекнули, что знаете меня!

— Я и не собирался! — выдохнул инспектор, который скорее взбирался, чем шел вверх по лестнице. — Но нынче ночью я выполнил одно из самых трудных дел в моей жизни, хоть и успел чуть не в последний момент!

Мы стояли на пороге моей комнаты.

— Не входите! — коротко приказал Гаттон. — Дайте подумать, как нам быть.

— Ничего не понимаю!

— Сейчас поймете! — мрачно ответил он. — Вы давно бы поняли, если бы успели зажечь свечу.

Я лишился дара речи. Мы молча стояли в коридоре. Затем Гаттон произнес:

— Придется рискнуть, так как нужно проверить мою догадку.

— Рискнуть?

— О, без риска никак не обойдется, — заявил он. — Надо действовать очень быстро. Вы со мной?

— Ну, ночка была полна сюрпризов, — сказал я, выдавив смешок. — Пожалуй, я переживу еще один.

— Отлично, — ответил инспектор. Было что-то странное в том, что я слышал знакомый голос, но в лунном свете, льющемся из окна в коридоре, смутно различал перед собой силуэт незнакомца.

— Что надо делать?

— Испытать судьбу, рискнув жизнью! — ответил он. — Но мы постараемся свести опасность к минимуму.

И добавил, заметив, что на языке у меня вертится множество вопросов:

— Объяснения подождут. Где я могу найти свечу?

— Свеча на столике слева от окна. Я принесу...

Он грубо схватил меня за руку.

— Предоставьте это *мне*! Ждите здесь, — кратко распорядился он.

Я чиркнул спичкой о коробок, желая осветить ему дорогу.

— Я, кажется, вас предупреждал! — крикнул инспектор и выбил спичку у меня из руки. — Никакого света!

С этими словами он распахнул дверь и пересек комнату. Я смотрел на его приземистую фигуру на фоне озаренного лунной открытого окна. Гаттон упомянул о грозившей нам опасности, и я, затаив дыхание, ждал его возвращения — могло произойти все что угодно. Инспектор быстро вернулся с подсвечником.

— Вот, — сказал он, плотно затворив за собой дверь, — зажигайте свечу.

Его голос и повелительная манера словно загнипотизировали меня, и я без колебаний выполнил приказ. Когда огонек разгорелся, с удивлением отметил, насколько проста и в то же время эффективна была маскировка моего друга.

Но он не дал мне времени что либо сказать, заговорив сам:

— Слушайте. Сейчас я поставлю свечу в вашу комнату, а потом мы с вами побежим со всех ног.

— Побежим? — поразился я.

— Именно. Побежим спасаться! Лучше наверх. Там есть пустая комната, окно которой выходит в ту же сторону, что и ваше?

— Комната надо мной свободна, — ответил я. — Вероятно, дверь не заперта.

— Тогда рискнем, — сказал Гаттон. — Можем приступить, ведите.

— Фонариком пользоваться разрешается? — спросил я.

— На лестнице, но как только мы войдем в комнату наверху, сразу выключайте его.

Он толчком распахнул дверь моей спальни, вбежал и тотчас выскочил, захлопнув дверь, словно его гнали черти!

Потом мы оба опрометью кинулись по лестнице в комнату наверху. Признаюсь, я даже засомневался, в своем ли уме мой приятель. Но мне не пришлось долго ждать, чтобы убедиться в справедливости его опасений.

Едва я дотронулся до дверной ручки, не успев еще открыть дверь, как здание «Эбби-Инн» содрогнулось, пол ходунном заходил у меня под ногами, а в комнате внизу раз-

дался оглушительный взрыв! Эхо или нечто, прозвучавшее как эхо, резкое и отрывистое, донеслось с отдаленных холмов.

Глава 20

РАССКАЗ ГАТТОНА

— Сейчас туда лучше не ходить, — устало проговорил Гаттон, — это может быть опасно. И нам не стоит забывать о вероятности пожара, — добавил он.

Повсюду слышались сонные голоса и громкие возгласы — жуткий шум взрыва, естественно, перебудил всех в трактире. Я и сам был в таком замешательстве, что никак не мог уразуметь, что произошло. Лишь в одном я не сомневался: Гаттон спас мне жизнь. В соседней комнате раздался шорох, зазвучали шаги и вскоре показался ошеломленный Мартин в ночной рубашке.

— Мистер Аддисон, — произнес он и уставился на нас, глядя то на меня, то на моего товарища.

— Пусть никто не выходит из комнат, — решительно заявил Гаттон, — пока я не разрешу.

— Э-э... — начал было Мартин.

— Я офицер полиции, — сказал Гаттон, — и вы будете подчиняться моим приказам. Кто-нибудь живет на одном этаже с мистером Аддисоном?

— Нет, сэр, — ответил полусонный Мартин, успевший тем не менее понять, что незнакомый бродяга облечен властью.

Над нами послышались шаги, и Гаттон повторил:

— Прикажете всем оставаться в комнатах!

Мартин послушно выкрикнул приказание.

— Что у вас есть на случай пожара? — продолжал инспектор.

С лестничной площадки наверху на нас глазели несколько растрепанных голов, но все молчали. Наконец Мартин собрался с мыслями и ответил:

— В стойлах ведра... есть колодец. Уилкинс ночует над конюшней...

— Можете позвать его, не спускаясь вниз?

— Попытаюсь, — последовал ответ.

Мартин прошел к окну на площадке между этажами и широко распахнул его.

— Уилкинс! Уилкинс! — взревел он, высунувшись из окна.

— Чего, хозяин?! — тихо раздалось откуда-то снизу.

— Скажите, чтобы оставался при ведрах. И ни шагу со двора без моего распоряжения, — приказал Гаттон.

Мартин передал команды инспектора так громко, что их, должно быть, слышали и в Лиуэйз, и застыл у окна, недоуменно почесывая затылок.

Среди изумленной компании, собравшейся в ту ночь под крышей «Эбби-Инн», я был, пожалуй, потрясен сильнее всех.

— Ради Бога, объясните, что все это означает! — обратился я к Гаттону.

— Это означает, — ответил инспектор, и под гримом я узнал его обычную мрачную усмешку, — что между вами и вечностью была одна только спичка! Но и теперь не время расслабляться, хотя я бы не торопился заходить в вашу комнату. Нам есть что обсудить, так что давайте найдем место, где мы сможем поговорить без помех.

Мы прошли в большой пустой зал в задней части трактира. Дверь была открыта, и я слышал, как прислуга и работники заведения возбужденно галдели в комнате Мартина дальше по коридору. За всю историю своего существования «Эбби-Инн» ни разу не сталкивался с чем-либо подобным.

— Полагаю, мы сэкономим время, если вы первым подробно поведаете о том, что тут произошло, — сказал Гаттон.

— Хорошо, — согласился я, — но прежде ответьте, когда вы прибыли сюда?

— Через полтора часа после получения вашей шифрограммы! Приехал на автомобиле. Он сейчас в Мэнтоне.

— Для чего этот маскарад?

— Скоро объясню. А пока послушаю вас.

Сгорая от нетерпения, я быстро рассказал о своих приключениях со времени приезда в Аппер-Кросслиз. Инспектор внимательно слушал меня. Закончив свое повествование, я воскликнул:

— Ваш черед, Гаттон! Бога ради, скажите, что все это значит!

— Расскажу все, что знаю, — неторопливо отвечал он. — Во-первых, у меня имелись две причины предложить вам поездку в Фрайарз-Парк. У меня сложилось впечатление, что «женщина-кошка» интересуется *вами*. Но я не понимал, было ли это вызвано тем, что она считала вас опасным, или какой-то иной причиной. Я решил выяснить, не связана ли она случайно с Фрайарз-Парком. Поэтому я послал вас сюда, чтобы (а) расспросить местных и (б) как говорится, «приманить кошку»!

— Весьма любезно с вашей стороны! — пробормотал я.

— Я предупредил, что задание опасное! — мрачно отрезал Гаттон. — Но рад отметить, что замысел сработал великолепно. Ваше расследование оказалось весьма удачным, и вдобавок вы сумели завлечь нашу кошку. А теперь мне хотелось бы показать, насколько существенны были ваши открытия. Дело в том, что имелось и второе, более весомое обстоятельство, побудившее меня обратить внимание на Фрайарз-Парк. За несколько часов до вашего визита в Скотланд-Ярд — помните, в то утро, когда я показал вам саквояж, который бросил в воду Эрик Каверли — я связался с поверенными, исполнявшими волю покойного сэра Бернема.

— Да?! — вырвалось у меня. — И что они сказали?

— Разумеется, я попытался выяснить, кому достались земельные владения. Это помогло бы решить загадку того, что мог заполучить Эрик Каверли, убрав родственника с пути. Однако я узнал, что с финансовой точки зрения ему перепали одни долги. Фрайарз-Парк полностью заложен.

Более того, леди Бернем Каверли по завещанию мужа пожизненно владела имением.

Но старший поверенный, юрист старой школы, все еще хранящий прекрасные воспоминания о портвейне сэра Бернема, поделился со мной множеством немаловажных деталей.

Инспектор помедлил и странно посмотрел на меня, и я вновь поразился знакомому лицу в незнакомом обликии.

— Если верить мистеру Хардэйкру, поверенному, — возобновил он рассказ, — лет семь или восемь назад, сразу после возвращения баронета из *Egypta*, случилось нечто, что навсегда изменило характер его клиента, сэра Бернема. Обратите внимание, мистер Аддисон, после возвращения из *Egypta*. Сэр Бернем избавился от многочисленных ценных бумаг и собрал большую сумму наличными, но для мистера Хардэйкра так и осталось тайной, как он ею распорядился. Короче говоря, за три года, а то и меньше, сэр Бернем из человека богатого превратился в бедняка.

Он также отправил мистера Роджера Каверли, тогда совсем юного, за границу, поручив его заботам гувернера. Мистер Хардэйкр так и не узнал, зачем он это сделал, ведь здоровье у мальчика было отменным! Затем он принялся увольнять слуг. Большую часть Фрайарз-Парка закрыли и оставили на произвол стихий. Наконец, к удивлению и сожалению мистера Хардэйкра, сэр Бернем заложил имение. Условия, прописанные в закладной, которую я удостоился чести просмотреть, показались мне крайне любопытными.

Итак, кредитор согласился, в случае смерти сэра Бернема, позволить его вдове до конца ее жизни владеть помещением, даже если это приведет к просрочке платежей или иным осложнениям!

— Но это... — вырвалось у меня.

— Это, как однажды выразился ваш друг, безумней «Алисы в Стране чудес»! Я тоже так думаю. Но продолжим. Готовя это необыкновенное соглашение, мистер Хардэйкр, конечно, побывал во Фрайарз-Парке и стал свидетелем нескольких исключительных и весьма показательных проис-

шествий. Например, в вечер его приезда в поместье, когда он одевался к ужину, в комнату ворвался сэр Бернем и стал умолять поверенного запереться там и не выходить, пока хозяин ему не позволит! Он особо подчеркнул, что до тех пор в комнату нельзя никого впускать, *даже если постучат в дверь!*

— Бог ты мой! — воскликнул я. — И к нему постучали?

— Нет, но через полчаса опять пришел сэр Бернем и выпустил его. Мистер Хардэйкр был до глубины души поражен его бледностью и нездоровым видом; он сказал, что сэр Бернем будто лет на пять постарел! И еще одно: тем же вечером, совершенно случайно, мистер Хардэйкр набрел на хозяина дома в часовне, которая тогда еще могла похвастаться крышей, и увидел, что тот, стоя на коленях, погрузился в молитву. Поверенный утверждает, что во Фрайарз-Парке воцарилась атмосфера неописуемого ужаса, и хотя, по его собственному признанию, доказательств у него никаких нет, он полагает, что это было связано с личностью кредитора. Кажется, в те дни тот как раз поселился по соседству — именно тогда поверенный впервые столкнулся с этим человеком.

Гаттон опять умолк и вытащил трубку и кiset.

— Кто это был? — спросил я.

— Некий доктор Дамар Грифф!

— Господи! — вскричал я. — Так к чему все это нас приводит, Гаттон?

— Это постепенно приводит нас к правде, мистер Аддисон, и эта правда, когда мы наконец ее узнаем, окажется гораздо ужаснее, чем мы смеем подозревать. Оставляя в стороне прочие свидетельства мистера Хардэйкра, я перехожу к смерти мистера Роджера Каверли. Он умер в Швейцарии при настолько темных обстоятельствах, что нам уже, боюсь, не узнать всех подробностей. Я, однако, не сомневаюсь в одном: дело тут нечистое.

— Иными словами, Роджера Каверли... убили?

— Я твердо в этом уверен, — ответил Гаттон, раскуривая трубку. — Полагаю, он был первой жертвой.

— *Первой жертвой?*

— Мистер Аддисон, я согласен с поверенным покойного сэра Бернема: пауком в самом сердце тенет является доктор Дамар Гриф. Горе из-за безвременной смерти сына стало ударом, от которого сэр Бернем так и не оправился, и Фрайарз-Парк перешел к последней своей хозяйке, леди Бернем, а та целиком и полностью находилась под влиянием приезжего врача.

— Но, Гаттон, — воскликнул я, — где же сама леди Бернем?

— Думаю, она умерла! — мрачно ответил он. — Как ни странно, у этой дамы не осталось живых родственников, а отношений с сэром Маркусом и семьей мужа она не подерживала, так что скрыть ее смерть было несложно.

— Гаттон, неужели вы намекаете, что и с ней дело нечисто?

— Ни в коем случае! Ясно как день, что целью всего этого запутанного заговора было *скрыть* факт ее смерти! Злоумышленникам она была нужна живой, а не мертвой, мистер Аддисон. Они намеревались и далее разыгрывать сей траурный фарс, пока...

— Что?

— Пока сэра Эрика не повесят за убийство кузена!

— Гаттон! О чем вы?

— Он последний из рода Каверли! — коротко ответил инспектор. — Только так не останется опасности, что имение выкупят.

— Опасности?

— Безусловно. Фрайарз-Парк — или Белл-Хаус — связаны с некой тайной, для сохранения которой собственность должна оставаться во владении доктора Дамара Грифа, как это и было на деле после смерти сэра Бернема! Здесь многое не подлежит сомнению, и хотя Эрик Каверли упрямо молчит, один из моих людей, изучая архив сэра Маркуса, обнаружил вчера бумагу, которая, наряду с рассказом мистера Хардэйкра и вашей телеграммой, заставила меня помчаться в Кросслиз.

— Что это было?

— Приглашение от доктора Дамара Грифа, присланное сэру Маркусу почти сразу после смерти сэра Бернема и сохранившее просьбу посетить Фрайарз-Парк! По словам врача, несмотря на то, что здоровье леди Каверли не позволяло ей принимать гостей, ей очень хотелось увидеться с сэром Маркусом и устранить все существующие между ними недоразумения. Но наиболее любопытно то, что доктор предложил сэру Маркусу остановиться *здесь!*

— В «Эбби-Инн»?

— Именно. Вы занимали «лучшую комнату» в трактире, и сэр Маркус, прими он приглашение евразийца, тоже поселился бы в ней. Словом, все улики и так вели во Фрайарз-Парк, но то, что вы в своем послании упомянули некоего доктора Дамара Грифа как лицо подозрительное и попросили меня разузнать о его прошлом, стало последней каплей. Честно говоря, я понял, что вы допустили промах, однако я обернул его в свою пользу и решил взглянуть на эти места лично и при этом не дать доктору Дамару Грифу ни малейшего повода заподозрить, что я хоть как-то связан с делом.

В полиции графства я навел справки об этом крае и наиболее «примечательных» его обитателях, а вылазку, осуществленную вами сегодня ночью, я проделал еще вчера!

— Как? Вы побывали в Фрайарз-Парке?

— Побывал. Но внутрь проник не через дверь. Мне и в голову не пришло, что она не заперта! У меня при себе имелся набор отмычек (и на всякий случай ордер), а в дом я пробрался через кухню! Подобно вам, я обнаружил, что в доме, несомненно, давно никто не живет. Это меня немало озадачило. Но я успел сделать больше, чем вы. Я забрался на верхушку башни!

— На саму башню?!

— Да. Через минуту я расскажу вам, что там увидел. Для начала вкратце скажу, что вылазка помогла мне разоблачить ложь о больной леди Каверли, но больше ничего полезного для следствия, казалось, я не обнаружил. Я долго размышлял, не стоит ли арестовать доктора Дамара Грифа, но в конце концов решил тайно за ним проследить. И мне

повезло встретиться с ним утром в «Эбби-Инн»! К тому же я видел и вашу загадочную гостью! Более того, я говорил с этим типом, Хокинсом, который пришел в трактир вместе с вашим немым дружкой!

Расставшись с этой опасной парочкой, я поспешил в Белл-Хаус, задумав воспользоваться возможностью беспрепятственно осмотреть дом. Однако я опоздал. Я как раз собирался зайти внутрь, когда один из помощников подал мне знак, что доктор возвращается.

Весь день я следил за домом. Гриф покинул его только с наступлением сумерек. Он направился в Фрайарз-Парк, а я — за ним!

— Что? Вы были там сегодня?

— Был! Шел за ним по пятам, хотел узнать, что за дело привело его в Фрайарз-Парк в такой час. Могу лишь добавить, что здесь мной руководила простая случайность или рука судьбы. Я понятия не имел, в какой части усадьбы он скрылся, но он определенно был внутри здания, а я наблюдал из кустов. Так получилось, что я находился там, когда пришли вы!

— Так это вас я видел на башне!

— Нет-нет, не меня! Я осмотрел ее во время прошлой вылазки, и то, что я там нашел, поставило меня в тупик. Честно говоря, до вашего мастерского исчезновения из Фрайарз-Парка мне и в голову не приходило ужасное объяснение: сэра Маркуса пригласили в Аппер-Кросслиз, чтобы от него избавиться! Понятно, замысел провалился — он так и не приехал. Кажется, он на какое-то время снова отправился по делам службы в Россию. Но когда он вернулся, на него опять стали охотиться, заманив в Ред-Хаус. Тем не менее, смертоносное приспособление, заготовленное для первого покушения, все еще находилось...

— Где? — пораженно вскричал я.

— На башне Фрайарз-Парка! То, что Дамар Гриф появился на башне с биноклем в руках, открыло мне глаза на страшную правду. Механизм не был использован, потому что сэр Маркус тогда не приехал, но он не пропал зря — его приготовили вновь, чтобы убрать опасное препятствие с доро-

ги заговорщиков! Видите ли, я оставил автомобиль около Кросслиз, и никогда в жизни мне не приходилось бежать так быстро, как я несся за вами сегодня ночью!

— Но, Гаттон, *что именно* вы нашли на башне — и как башня связана с ночным взрывом?

— Нашел я вот что: на верхней площадке башни установили что-то вроде маленькой гаубицы, по-моему, производства Круппа, но вы в этом разбираетесь лучше. Мистер Аддисон, вчера ночью я осмотрел оружие и по недомыслию пришел к выводу, что когда-то им пользовались для деревенских празднеств и забыли наверху! Я слишком поздно вспомнил, что гаубица уже была куда-то нацелена, ствол был поднят под определенным углом и ее не предполагалось куда-либо передвигать. В первую свою вылазку я не придумал этому никакого значения. Нам, вероятно, не суждено узнать, как они добились такой точности прицела; но стоило мне увидеть, как вы сегодня помчались через кусты, а доктор Дамар Гриф вышел и принялся глядеть в бинокль, и меня вдруг осенило — гаубица установлена таким образом, что ее снаряд попадет прямехонько в окно над крыльцом «Эбби-Инн»!

— Боже мой! В это верится с трудом!

— Мне тоже. Но Грифу благоприятствовала погода — не было ни малейшего ветра. А доказательством того, что у него все получилось, в настоящий момент служит ваша комната этажом ниже, вероятно, до сих пор наполненная ядовитым газом! Не исключено, конечно, что снаряд был не газовым: Гриф мог удовлетвориться одним только взрывом и скорее всего решил, что этого достаточно. Но рисковать я не собираюсь. Только представьте: не узнай я об устройстве на башне, происшествие так навсегда и осталось бы загадкой! Все посчитали бы, что ударила молния, а если бы нашли осколки снаряда, кто бы смог догадаться, откуда стреляли?

— Гаттон, — произнес я, — я обязан вам жизнью. Но почему этот негодяй пытался меня убить?

Гаттон улыбнулся.

— Я меня есть теория, мистер Аддисон, — ответил он. — Видимо, он счел, что неразумное поведение одной таинственной дамы может привести его к краху. Если я не ошибаюсь, она зашла так далеко, что шея его едва не очутилась в петле, вот он и решил покончить с ее новым приключением в зародыше, устранив предмет ее...

Я почувствовал, как кровь прихлынула к щекам.

— Господи, перестаньте же! — оборвал его я. — Какая отвратительная и ужасная мысль! Хотя, возможно, вы правы. И что нам делать, Гаттон? Эти люди поняли, что здесь им больше не жить и...

Где-то вдалеке раздался ружейный выстрел.

— И сбежали! — воскликнул Гаттон, вскакивая на ноги. — Быстро! Придется забыть о газе!

— Почему? Что это был за выстрел?

— Сигнал! Доктор Дамар Гриф вместе с «кошкой» ускользнули от нас!

Он помчался по коридору, не обращая внимания на шквал испуганных вопросов трактирных служанок. Я бросился вслед за ним в гостиную.

— Все из-за того, что я на полчаса отвлекся! — сердито выкрикнул инспектор. — Почему мне в помощники достаются одни дураки!

Он распахнул окно и высунулся наружу. Я встал рядом и увидел, как над дальним лесом занимается алое зарево. До меня донесся гул приближавшегося на большой скорости автомобиля, и я тут же заметил фары.

— Эй, там! — рявкнул Гаттон. — Блайз! Питершем!

Машина остановилась, и в ответ послышалось:

— Мы упустили его, сэр! А в Белл-Хаусе пожар!

Глава 21

СНОВА В ЛОНДОНЕ

— Полиция неожиданно изменила свое отношение к Эрику, — сказала Изабель. — Это никак не связано с новыми сведениями, добытыми вами или инспектором Гаттоном в Фрайарз-Парке?

— Не могу этого утверждать, — ответил я. — Как я уже говорил, мы узнали кое-что новое, но пока эти улики прямо не укажут на преступника, чья личность пока что считается неустановленной, я, к сожалению, не могу сказать, что наши находки обеляют Каверли перед законом.

С первой минуты нашей встречи я заметил, что Изабель выглядит очень усталой. В ее глазах застыла жалобная мольба о помощи, как ножом по сердцу полоснувшая меня в утро после трагедии. Ей было откровенно не по себе, хотя этому как раз и не приходилось удивляться. Накануне в газетах (по-моему, не без участия Гаттона) промелькнуло туманное и сжатое сообщение о том, что сэр Эрик Каверли добровольно дал показания, благодаря которым кардинально поменялся ход расследования. Известие, конечно, чрезвычайно заинтересовало публику, напрасно ждавшую подробностей. Мой визит в Аппер-Кросслиз завершился столь бурно и внезапно, что Гаттон, полагаю, просто забыл упомянуть об этом; но я не сомневался, что краткое сообщение попало в прессу именно из Скотланд-Ярда.

Я совершенно не понимал, зачем мой друг распространял это известие, но ожидал увидеться с ним чуть позже и получить объяснение его новой тактики.

Много часов уткло с тех пор, как автомобиль помчал меня в Лондон, оставляя позади ночное зарево пожара в Белл-Хаусе и чернеющие на огненном фоне ели вокруг таинственной цитадели доктора Дамара Грифа. Я знал, как рассчитывал Гаттон на тщательный обыск жилища евразийца: было невозможно забыть ярость инспектора при ви-

де поднявшихся над вершинами деревьев языков пламени, возвестивших крах его планов.

Пожар послужил хитрому полукровке завесой для побега. Все силы были брошены на поимку Грифа. Гаттон, вдохновляясь неведомыми надеждами, устремился к горящему Белл-Хаусу; тем временем я в компании сержанта Блайза (по-видимому, виновника фиаско) на полицейской машине преследовал доктора.

Невзирая на принятые меры, беглецу удалось скрыться, и мы с Блайзом добрались до Лондона, ни разу не увидев автомобиль Дамара Грифа.

Утро не принесло никаких новостей; я сгорал от любопытства, но на время потерял всякую связь с Гаттоном. Наконец, в первом часу дня, я получил телеграмму:

Попытайтесь убедить сэра Эрика прийти к вам сегодня в восемь. Встречу его у вас. Гаттон

Я был рад делать что угодно, лишь бы не сидеть на месте, и тут же направился в апартаменты Каверли. Дома его не оказалось. Оставив ему записку, я поспешил в квартиру Изобель, надеясь найти его там. Но и здесь Эрика не было; оставалось лишь надеяться, что домой он вернется достаточно рано и успеет вовремя явиться ко мне. В том, что у Гаттона имелся веский повод для встречи, я не сомневался.

Мы с инспектором сошлись на мысли, что доктор Дамар Гриф являлся соучастником убийства сэра Маркуса, если не самолично расправился с ним. Во всяком случае, доктор показал зубы: в первый раз, когда велел слуге-нубийцу напасть на меня; во второй, когда выпустил газовый снаряд (теперь мы это точно знали) с башни Фрайарз-Парка в мою комнату в «Эбби-Инн». Он возненавидел меня и явно считал, что пока я жив, его существованию будет грозить опасность.

Его отношение ко мне могло быть объяснено двумя причинами: либо я в своем расследовании близко подошел к раскрытию тайны, либо загадочная соратница доктора, обладательница зеленых глаз, так заинтересовалась мной,

что могла, по мнению евразийца, рано или поздно выдать преступников. Мне было ясно, что эти странные обитатели Аппер-Кросслиз и являлись преступниками, которых разыскивал Новый Скотланд-Ярд, но связать их опасную деятельность с расследуемым убийством по-прежнему представлялось затруднительным.

Трудно было предположить, что сэра Эрика, нового баронета, доктора и его предполагаемую спутницу связывали какие-то отношения; с другой стороны, ничто не доказывало, что подобных отношений не могло быть.

Мне безумно хотелось утешить Изобель, ни днем, ни ночью не находившую себе места и пребывавшую в жутком беспокойстве; но пусть я сам был убежден, что Каверли непричастен к убийству, я не мог, положа руку на сердце, сказать ей, что его невиновность доказана и он чист перед законом.

— Если бы только он отступился и прервал свое нелепое молчание, — вдруг произнесла Изобель. — Это, конечно, сразу рассеяло бы смехотворные подозрения некоторых лиц. Но каждый его шаг после той ночной трагедии лишь усиливает недоверие к нему.

Она сидела на диване и смотрела на меня, сцепив руки на коленях.

— Вы говорите о каких-то новых его поступках, о чем-то, что мне неизвестно? — спросил я.

Она медленно кивнула и сказала:

— Да, но расскажу вам по секрету, инспектор Гаттон не должен ничего узнать.

— Пожалуйста, продолжайте. Вы ведь не думаете, что у меня есть иные цели, кроме оправдания Каверли в глазах полиции и общественности? — сказал я.

— Ну хорошо, — запинаясь, произнесла она. — Вчера вечером Эрик передал мне копию *заявления*, которое, как он заверил, снимет с него все подозрения. Но при этом он поставил невероятное условие.

— Какое? — с интересом спросил я.

— Заявление можно будет предъявить только в случае наилучшего развития событий!

— О чем вы? Например, если его станут судить за убийство?

Изабель кивнула.

— По-моему, так, — грустно подтвердила она. — Вам тоже это кажется безумием?

— Совершенным! — согласился я. — Если он в состоянии обеспечить себе алиби, почему бы не представить его сейчас, покончив с этим неприглядным делом?

— Именно так я ему и сказала, но он был непреклонен, к тому же ужасно разозлился и разволновался. Я побоялась давить на него, поэтому, конечно... — она разочарованно пожала плечами.

Не эгоистическая ли радость овладела мной, когда я заметил, что Изабель говорит о Каверли, едва сдерживая раздражение? Думаю, так и было и, вероятно, оправдания мне нет. Я открыто пишу о своих чувствах, стремясь быть честным как с собой, так и с другими. Тем не менее, в самом ближайшем будущем мне пришлось пожалеть о том, что я в этот момент испытывал к Каверли. Но откуда было мне знать, в прощительной для человека слепоте душевной, что его невиновность вскоре будет явлена миру иным образом и не потребует обнародования документа, который он с таким необычным условием доверил Изабель?

За исключением телеграммы, я ничего не слышал от Гаттона и мог лишь предполагать, что на пожарище Белл-Хауса он не нашел ничего достаточно важного. Без сомнения, он оповещал о своих действиях Скотланд-Ярд, но до сих пор его открытия не привели ни к каким арестам, что говорило само за себя.

Последняя моя статья для «Планеты» скорее напоминала сбивчивое эссе, чем новостное сообщение, хотя я и постарался оживить рассуждения подобием отчета о расследовании в Аппер-Кросслиз. Стоило мне занести перо над бумагой, как я осознал, что описание своеобразной атмосферы, царящей в неестественно пустынной деревне, с трудом укладывалось в привычную газетную заметку. Вдобавок, по просьбе Гаттона, я с большой осмотрительностью вдавался в подробности двух покушений на мою жизнь,

предпринятых смуглокожим доктором.

Как я успел упомянуть, мольба в глазах Изобель глубоко ранила меня, но я мало что мог предложить в утешение. В этих обстоятельствах, думаю, меня несомненно поймут, когда я скажу, что в конце концов покинул ее дом со странным чувством облегчения. Мечтать о праве осушить женские слезы так, как это может сделать лишь возлюбленный, и подозревать, что эта сладкая привилегия могла быть некогда дарована вам при первой же просьбе — пытка, какую не вынесет ни одно сердце.

Нетерпеливо ожидая вестей от Гаттона, я отправился в сначала в редакцию «Планеты», затем пообедал в клубе и вернулся обратно. Так ничего и не узнав, я собрался домой. Когда я, проходя по главной улице сросшейся с городом деревни, миновал полицейскую караулку, в которой (если говорить о моей роли в этой истории) разыгрались первые сцены драмы, перед моим мысленным взором вдруг промелькнули все странные и трагические события, что обрушились на меня в столь краткий срок.

Как и в ту ночь, когда я впервые увидел зеленые глаза таинственной женщины, на посту стоял полицейский, но он не был знаком мне, и я, погружившись в размышления, побрел дальше, к Ред-Хаусу, чей заброшенный вид пробудил новые и более кошмарные видения.

Сегодня у дома не было зевак: ажиотаж вокруг убийства пошел на спад, и у ворот я даже не заметил охраны. Это подсказало мне, что обыск особняка был завершен и полиция не питала надежд обнаружить что-либо новое.

Дома меня встретил Коутс и немедленно сообщил, что час назад из Кросслиз звонил Гаттон, который пообещал связаться со мной по прибытии в Лондон. Это обнадеживало, и я пожалел лишь о том, что не оказался на месте и не переговорил с ним лично.

— Около трех также звонил сэр Эрик Каверли, — продолжал Коутс. — Он сказал, что зайдет вечером в восемь, как вы и просили.

Я глянул на бывшего военного, стоявшего навытяжку в дверном проеме.

— Хорошо. Это все? — произнес я.

— Больше сообщений не было, сэр, — отрапортовал он.

Я, глубоко задумавшись, прошел в кабинет, остановился у открытого окна и стал внимательно рассматривать обсаженную деревьями дорогу, отныне и навсегда связанную с воспоминаниями о самых темных тайнах трагедии, в которую я оказался втянут столь неожиданным образом.

Мне было известно, что у Гаттона имелась своя теория: он считал, что выбор Ред-Хауса для осуществления ужасного плана был отнюдь не случаен, а продиктован удобством расположения дома с точки зрения убийцы. Короче говоря, он полагал, что лондонский штаб преступника — то есть, как мы были убеждены, доктора Дамара Грифа — находился где-то по соседству!

Этот поразительный вывод основывался, по моему мнению, на довольно шатких предпосылках и тем не менее тревожил меня. Самые зловещие проявления сверхъестественного зеленоглазого создания (я не мог заставить себя считать его женщиной и вообще не думал о нем как о человеке) были связаны с темнотой, которую так любят кошки; признаюсь, я с некоторым беспокойством ожидал наступления ночи. Мои страхи, несомненно, только разожгло воспоминание о последних словах Гаттона, сказанных инспектором перед моим отъездом из Аппер-Кросслиз:

«Их логово во Фрайарз-Парке разрушено, мистер Аддисон, и им придется скрываться в ином пристанище, пока нам неизвестно, том самом, где они прятались, когда разрабатывали сложный план убийства сэра Маркуса. Единственной альтернативой является бегство за границу, но Управление уголовных расследований настороже и такой исход практически невозможен, особенно если вспомнить о приметной внешности доктора Дамара Грифа. Конечно, они могут обосноваться где угодно, но я склонен думать, что они отправятся в Лондон».

Я догадался, что известие о признании Эрика Каверли, появившееся в газетах, было как-то связано с этой версией инспектора, но в правильности его теории мне лишь предстояло убедиться.

Поскольку документ (о котором мне поведала Изобель) был доверен ей втайне от всех, вдохновленное полицией сообщение могло оказаться выстрелом наугад; тот факт, что оно попало в цель, мог показаться одной из тех случайностей, что зависят от слепой прихоти судьбы — но в нашем случае все это стало итогом тщательно продуманной схемы. Инспектор, как и я, не сомневался в невинности Каверли и верил в нерушимость его алиби, ибо знал, что если Эрик все же прервет свое непостижимое молчание, его слова опровергнут все подозрения. Я лишь не понимал, зачем Гаттону понадобилось опережать события.

Я быстро перекусил, будучи слишком встревожен и не чувствуя голода, вернулся в кабинет, подошел к книжному шкафу и достал «Египетское искусство» Масперо. Я вновь рассеянно пробежал глазами отрывки, выписанные Гаттоном в блокнот: все они рассказывали об атрибутах Баст, богини-кошки. Насколько помню, я снова задержался на строке: «Она играла своими жертвами, как кошка мышами».

подавив стон разочарования, я вернул книгу на место и задержался у открытого окна, вглядываясь в спускающиеся сумерки. Я напряженно размышлял, но внешне не выдавал этого: стоял, облокотившись о подоконник, а перед глазами чередой проходили люди, связанные с тайной «Оригоги».

Когда я созерцал мысленный образ евразийского доктора, раздался телефонный звонок. Я мгновенно встрепенулся, прошел в маленькую переднюю к аппарату и снял трубку, хотя знал, что сейчас появится Коутс, все это время возившийся в саду.

— Алло! — произнес я.

Мне ответил незнакомый и довольно невнятный мужской голос:

— Это мистер Аддисон?

— Да.

— Я только что прибыл из Кросслиз с инспектором Гаттоном. Он просит вас без промедления встретиться с ним у полицейской будки на углу главной улицы.

— Хорошо, — сказал я. — Я буду там.

— И еще одно, — продолжал голос. — Не могли бы вы на часок одолжить нам Коутса с автомобилем?

— Конечно, — ответил я. — Что он должен делать?

— Приехать на вокзал Денмарк-Хилл к четверти девятого. Там его встретит сержант Блайз. Инспектор Гаттон хочет привезти в ваш дом большой ящик, — добавил мой собеседник.

— Отлично, — сказал я. — Коутс выезжает через десять минут, а я тотчас отправляюсь встречать инспектора Гаттона.

Я поставил телефон на столик и вышел в сад, куда успел вернуться мой слуга.

— Коутс, выводи «Ровер», — сказал я.

Он немедленно прервал свои садоводческие занятия и вытянулся, ожидая приказаний.

— Слушаю вас, сэр.

— У тебя хватит времени приготовить машину и возвратиться из гаража в дом к приходу сэра Эрика Каверли в восемь. Я сейчас уйду, чтобы встретить инспектора Гаттона. Скажи сэру Эрику, что я вернусь через несколько минут. Проводи его в кабинет и оставь там. Потом отправляйся на «Ровере» к вокзалу Денмарк-Хилл. Там тебя будет ждать человек с ящиком, детектив, он сам к тебе подойдет. Его фамилия Блайз. Привези ящик сюда.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Коутс.

Он прошел в дом, на ходу стягивая старую охотничью куртку, в которой работал в саду. Сам я набросил плащ на свой не слишком аккуратный домашний костюм, взял трость и шляпу и быстро зашагал по дороге в сторону деревенского центра. Скоро я добрался до караулки, но Гаттона не обнаружил. Собственно говоря, кроме немногих случайных прохожих, вероятно, возвращавшихся из города домой (я пристально вглядывался в их лица, полагая, что Каверли может прийти этой дорогой), и дежурного констебля, там не оказалось никого, кто хотя бы отдаленно напоминал моих предполагаемых гостей.

Напрасно прождав десять минут, я заговорил с полицейским.

— Добрый вечер, констебль, — сказал я, — я пришел сюда, чтобы встретить своего друга, инспектора Гаттона из Скотланд-Ярда. Вы его случайно не знаете?

— Я видел его много раз, сэр, — ответил полицейский, — и обязательно узнал бы, если бы он прошел здесь. Но сегодня вечером его здесь не было.

— А не заметили ли вы поблизости кого-нибудь, кто мог бы оказаться его человеком?

— Нет, сэр.

— Странно, — пробормотал я. — Моя фамилия Аддисон, констебль, и если кто-либо спросит обо мне, не могли бы направить его в мой коттедж?

Я объяснил, где находится коттедж.

— Хорошо, — ответил полицейский. Пожелав ему доброй ночи, я пошел обратно. Происшествие возбудило мое любопытство, но не более того — чудовищная истина еще не успела дойти до меня.

Глава 22

СЕРЫЙ ТУМАН

Я был на полпути к дому, когда на дороге позади меня раздался шум автомобиля; я услышал, что он, приблизившись, затормозил. Не успел я обернуться, как меня позвали:

— Эй! Мистер Аддисон!

Я остановился, повернулся, поглядел на машину и увидел высывающегося из нее Гаттона. Он внимательно смотрел на меня сквозь сгущающиеся сумерки.

— А вот и вы, Гаттон! — воскликнул я, направляясь к нему. — Я прождал вас больше десяти минут и сдался.

— Прождали меня?

— Да, у полицейской будки.

Он с откровенным удивлением воззрился сначала на меня, а затем на сидящего за рулем подручного.

— Зачем вы ждали меня? — сказал он. — Не иначе, Коутс что-то перепутал. Я говорил ему, что приду к вам сам, а не встречу с вами на улице.

Я по-прежнему не понимал, в чем дело.

— Он все правильно передал, — ответил я. — Я говорю о втором сообщении.

— Не было второго сообщения.

— Что?!

— Забирайтесь внутрь! — велел Гаттон. — Надо во всем разобраться.

Я сел в автомобиль и по пути к коттеджу объяснил Гаттону, что случилось. Он становился все мрачнее и мрачнее и наконец буркнул:

— Дело нечисто!

— То есть, вы ничего не просили передать?

— В первый раз об этом слышу. Когда вам звонили, я был на пути из Кросслиз. Дорога заняла полтора часа.

Я в чрезвычайном замешательстве уставился на него. Сложно было предположить, кому и зачем все это понадобилось; у меня не было никаких ценностей, которые могли бы побудить преступника выманить меня из дома и вломиться внутрь.

С растущей тревогой я смотрел на мелькавшие мимо деревенские дома. Затем мы выехали на аллею, ведущую к коттеджу. Машина остановилась, я выскочил и бросился к крыльцу. Гаттон поспешил за мной.

По одному мне известным приметам я понял, что Коутса в доме нет, и решил, что он отправился на вокзал встречать мифического «человека с ящиком». Не без тревоги я вставил ключ в замок и отпер дверь.

Внутри меня ожидало весьма своеобразное зрелище.

Осторожный Коутс, как обычно, перед уходом из дома закрыл все окна, и воздух в коридоре был недвижим. Но стоило двери распахнуться, как я увидел, что к ней, густо

стелясь над ковром и слегка завиваясь в спирали, потянулись какие-то похожие на туман серые испарения!

От изумления лишившись дара речи, я созерцал невиданный феномен. Это было похоже на пар или утреннюю дымку, в знойную погоду висящую над травой, но ее наличие в моем доме откровенно ставило меня в тупик.

— Господи! — воскликнул Гаттон и так крепко схватил меня за руку, что я едва сдержал крик. — *Смотрите! Смотрите!*

— Что это за чертовщина? — пробормотал я и спросил, глядя ему в лицо: — *Это* еще что такое?

— Отойдите, — сухо сказал он и вытащил меня обратно на крыльцо. — Чувствуете странный запах?

— Да, какая-то жуткая мерзость.

Гаттон мрачно кивнул.

— Одному Богу известно, что тут произошло после вашего ухода, — сказал он, — но я твердо уверен в одном: вы, должно быть, заговоренный, мистер Аддисон. Это уже третья попытка покушения на вашу жизнь!

Удушающий запах, проникший ко мне в ноздри, показался смутно знакомым, но я никак не мог припомнить, где и когда с ним сталкивался.

— Надо открыть окна! — громко приказал Гаттон.

Подкрепляя слово делом, он достал носовой платок, прижал его к лицу и побежал по коридору, рассекая ботинками загадочный туман. Через мгновение я услышал стук быстро поднятого вверх сдвижного окна, потом еще одного.

— Не загораживайте дверь! — послышался приглушенный голос.

И Гаттон выбежал на улицу, кашляя и задыхаясь от паров, курящихся над сверхъестественным туманом в коридоре.

На дорожке, ведущей от калитки к крыльцу, появился полицейский шофер.

— Оставайтесь у автомобиля, — приказал Гаттон. — Ждите моих дальнейших указаний.

Я почти не слушал его, наблюдая за серым туманом. Я видел, как он смертельной дымкой струится из коттеджа и ползет прочь по газону и клумбам, направо и налево от двери.

— Пусть развеется, — сказал Гаттон, — полагаю, один глубокий вдох этого вещества способен прикончить человека!

Не успел он договорить, как я вдруг догадался о происхождении тумана.

— «Эбби-Инн»! — прошептал я. — «Эбби-Инн»!

— Ого! Вы наконец раскрыли тайну? Но можете ли вы объяснить, отчего эта дрянь клубится над полами у вас дома?

— Не могу, — признался я. — Но мы просто обязаны войти. Нас может ждать худшее!

— Да, рискнем прямо сейчас, — согласился инспектор.

Держась рядом, мы вошли в дом и двинулись к кабинету. Когда мы проходили мимо дверей передней, в которой стоял телефон, я заглянул внутрь и простонал:

— О боже, Гаттон! Смотрите!

Он поравнялся со мной, и мы оба оцепенели от ужаса, не в силах сдвинуться с места или отвести взгляд от комнатки.

Я упоминал, что Коутс, уходя из дома, неизменно закрывал окна, но здесь окно осталось открытым, а на полу лицом вниз лежал человек!

На нем был плащ; его шляпа, вероятно, слетевшая с головы при падении, закатилась под столик. Здесь особенно сильно чувствовался едкий запах. Глядя на распростертого ничком мужчину, которого пока не мог узнать, так как видел один лишь затылок, я тихо прошептал:

— Ох, Гаттон! Смотрите... он с кем-то разговаривал!

— Вижу! — мрачно изрек Гаттон.

Левой рукой лежащий мужчина крепко сжимал телефон!

— Нам понадобятся противогазы, — сказал инспектор.

В его словах была правда. Я успел узнать запах отравляющего вещества. Тот же самый, что мы почувствовали, спустившись в верхнего этажа «Эбби-Инн» в мою комнату

после взрыва таинственного снаряда. Одним словом, мой коттедж был заполнен ядовитым газом!

— В любом случае, надо рискнуть, — сказал Гаттон, — и выяснить, кто это.

Я кивнул. Голова кружилась от дурных предчувствий. Быстро нагнувшись, инспектор перевернул лежащего человека, и я едва сдержал хриплый крик ужаса...

Это был Эрик Каверли!

Окутанная испарениями комната поплыла у меня перед глазами, стоило мне взглянуть в кошмарное, перекошенное лицо, начавшее приобретать зеленоватый оттенок, такой же, как у сэра Маркуса в то утро, когда его тело вынесли из трюма «Оритоги».

— Вытаскиваем его, — сипло распорядился Гаттон, — возможно, он еще жив.

Мы наклонились, но вдруг оба ощутили сильную тошноту: пары серого тумана, все еще висящие в воздухе, не растеряли своего смертельного яда. Тем не менее, нам удалось вытащить Эрика Каверли в коридор. Здесь нужно было освободить телефон, мертвой хваткой зажатый в его руке.

Я смотрел в сторону, пока Гаттон проделывал это, затем мы вдвоем вынесли Каверли на крыльцо. Там мы опять содрогнулись от болезненного приступа. Гаттон первым пришел в себя и сумел наклониться достаточно низко, чтобы осмотреть жертву дьявольского нападения. Я судорожно схватился за столб на крыльце и прошептал:

— Только не говорите, что он мертв.

Но Гаттон выпрямился и коротко кивнул.

— Он был последним, — угрюмо сказал инспектор. — Они все же победили.

Полицейский шофер оцепенело взирал на происходящее из-за калитки, где оставался по приказу инспектора. Гаттон поманил его, и он подошел.

— Известите дежурного офицера и вызовите врача, — сказал Гаттон. — Где живет ближайший врач? — обратился он ко мне.

Я быстро объяснил шоферу дорогу, он побежал к автомобилю и вскоре уже мчался к дому местного доктора.

Мне нелегко описывать ужас следующих минут, когда мы, побаиваясь входить в дом, стояли в палисаднике у крыльца и глядели на тело человека, встретившего смерть под моей крышей при обстоятельствах одновременно зловещих и непостижимых.

Трагическим оказалось оправдание Эрика Каверли: он доказал свою невиновность собственной гибелью. Сомнений не оставалось — он пал жертвой тех же злоумышленников, что и его кузен.

Как я уже упоминал, дом мой стоит в месте до странности уединенном, пусть и недалеко от бессонных лондонских улиц; помню, что в промежутке между отъездом шофера и его возвращением с врачом и двумя полицейскими из местного участка, мимо прошел только один человек, да и то по другой стороне дороги.

Разве мог этот случайный прохожий заподозрить, какая драма сокрыта от его взора высокой изгородью, отделяющей сад от дороги! Когда звук шагов стих вдаль, Гаттон вдруг предложил:

— Пойдемте! Пора попробовать. Хочется докопаться до сути этого телефонного трюка.

Мы вернулись к двери передней и встали рядом, глядя на телефон, с таким трудом вырванный у мертвеца. Инспектор наклонился и поднял аппарат с пола. К этому времени смертельный туман несколько развеялся, и мы оба непонимающе уставились на телефон в руках Гаттона.

На первый взгляд он казался совершенно обычным, и на табличке, прикрепленной аппарату специально для этой цели, значился мой номер. Но как только мы вошли в комнату, я заметил кое-что, что никак нельзя было назвать обычным.

Зеленый шнур из розетки в стене уходил *наружу*, в открытое окно, а кабель аппарата в руках инспектора к розетке не подсоединялся — он был протянут с улицы через окно *внутрь* дома и, очевидно, крепился к чему-то в саду!

— Что бы это значило, Гаттон?! — вырвалось у меня.

Гаттон, не менее ошеломленный, чем я, поставил телефон на столик и, полностью раскрыв окно, высунулся во двор.

— Ого! — вскричал он. — Кабель идет на крышу сарая!

— На крышу сарая! — недоверчиво повторил я.

Но Гаттон меня не слушал и продолжил:

— А это что еще за чертовщина?

Он потянул что-то с клумбы под окном и повернулся ко мне. В руках у него был... второй телефон!

— Гаттон! — я взял у него аппарат. — Вот это мой настоящий телефон! Смотрите! Его провод подключен к розетке.

— Я не слепой, — ответил инспектор. — Телефон просто выгнали на улицу, заменив дубликатом. Вижу, у сарая стоит лестница. Давайте-ка посмотрим, куда приведет нас шнур поддельного телефона.

Эту лестницу обычно использовал Коутс, когда работал в саду; и сейчас Гаттон вылез из окна, поднялся по ней и осмотрел крышу сарая, где я хранил инструменты.

— Ага! — воскликнул он. — Газовый баллон!

— Что?!

Он ткнул пальцем в зеленый провод.

— Никакой это не шнур — внутри он *полый!* Видите?

Он спустился, присоединившись ко мне.

— Понимаете? — продолжил он. — Из передней слышится звонок настоящего телефона. Это дьявольское устройство, — он показал на фальшивый аппарат, — внутри пустое. Вес телефонной трубки, понятно, герметизирует отверстие для газа в «проводе». И когда кто-то попытается ответить, подняв трубку дубликата, он полной грудью вдохнет содержимое баллона, спрятанного на крыше!

— Господи, Гаттон! — пробормотал я. — Что за изверги! Но почему они не убрали приспособление?

— Не успели, — утрюмо произнес он. — Не думали, что жертва так крепко сожмет аппарат в руке!

Я услышал, как к дому быстро подъехал автомобиль, а потом на крыльце взволнованными голосами заговорили несколько человек.

— Наконец-то мы узнали, откуда взялся серый туман, — сказал я, когда мы с Гаттоном вышли из коттеджа навстречу прибывшим.

— Мы узнали даже больше! — ответил он. — Теперь нам известно, как погиб *сэр Маркус!*

— Гаттон, — не сдержал я удивленного возгласа, — вы имеете в виду...

Он одарил меня хмурым взглядом.

— Я имею в виду, — медленно начал он, — что не забыл про *газовый клапан* в нише той самой комнаты Ред-Хауса! Единственное, что вызывало у меня сомнения (иными словами, способ, каким жертву заставляли впустить газ в комнату), теперь ясно как день.

— Вы правы, Гаттон, — согласился я. — Им дважды удался один и тот же фокус.

— Тот же самый фокус, мистер Аддисон; почти ничего не поменялось, и это мог измыслить лишь такой ум, как...

— ...доктор Дамар Гриф! — воскликнул я.

— Полагаю, вы не ошиблись.

Последовало торжественное молчание: мы с Гаттоном стояли, обнажив головы, пока тело несчастного Эрика Каверли несли мимо нас из дома к ожидавшему автомобилю; отведя ужаснувшийся взгляд от этого зрелища, я пытался подобрать нужные слова — ведь мне предстояло сообщить Изобель о второй страшной трагедии.

То был новый поворот в истории о тайне «Оритоги»; но как же легко отвлекается разум от действительности в подобные минуты: Гаттон продолжал что-то говорить, а я стоял и думал о броских заголовках, которыми утренние газеты встретят читателей — и об очередной волне ажиотажа, которая прокатится по всей стране, когда люди узнают об этом жутком доказательстве невинности.

Я чувствую себя в силах лишь поверхностно коснуться подробностей той кошмарной драмы, ибо даже сейчас ее ужас живет во мне. Еще несколько часов кряду мой дом оставался во власти паров ядовитого серого тумана, а тем временем пришел черед формальных визитов, допросов и осмотров, всегда сопровождающих такие происшествия, но

их детальное описание будет здесь излишним.

Коутс приехал обратно почти сразу после того, как тело жертвы увезли, и рассказ его оказался достаточно прост — все было, как мы и предполагали. Он запер дом и ушел в гараж за «Ровером», согласно моим распоряжениям, затем вернулся в коттедж и встретил Эрика Каверли, провел его в кабинет и сообщил, что я буду дома минут через десять. После он направился на вокзал Денмарк-Хилл, где вскоре понял, что договоренность о встрече была обманом, а «человека с ящиком» не существовало.

— Понимаете, — сказал Гаттон, — план злоумышленника был таков: убрать Коутса с дороги на время, достаточное для подмены телефона. Коутс привык закрывать окна, но это не слишком помешало замыслу. На окне в передней старомодный шпингалет, и я заметил на его медной поверхности царапины в том месте, где его подцепили и подняли снаружи лезвием ножа. Для человека, открывшего окно, не составило труда вытащить настоящий телефон и заменить его поддельным. Оставалось лишь поместить газовый баллон на сарай и прикрыть окно. Если бы даже Коутс заглянул в комнату, в сумерках он вряд ли заметил бы подмену. Но *меня* больше заинтересовал следующий шаг преступника.

Гаттон едва сдерживал возбуждение.

— Что за «следующий шаг»? — спросил я.

— Итак, — начал он, — у нас достаточно доказательств того, что убийца обладает почти наполеоновским талантом действовать по расписанию. Взять хотя бы вызов констебля Болтона в Ред-Хаус: наш злоумышленник был отлично осведомлен о передвижениях полицейского в районе патрулирования и работал в соответствии с ними. Далее... подготавлив телефонную западню у вас в передней, поспешил ли *он сам* сделать звонок, заставивший Каверли поднять трубку, или остался наблюдать за домом и подал сигнал *кому-то еще*, чтобы тот позвонил?

— Не представляю, Гаттон. Впрочем, я не нахожу это столь важным.

— Не находите? — Гаттон победоносно улыбнулся. — Тогда я вам объясню. Если в Ред-Хаусе план сработал *автоматически*, ибо сэр Маркус явился в *назначенное время*, то в нашем случае кто-то должен был наблюдать за вашим возвращением с вымышленной встречи!

— *Моим* возвращением?

— Безусловно! Все задумывалось ради вас, мистер Аддисон. Сам того не зная, бедняга Каверли ценой собственной жизни спас вас от жуткой участи! Понимаете, они не подозревали, что сюда придет Каверли! Не ускользнуло же от вашего внимания то, что на нем была мягкая фетровая шляпа, легкий плащ, а в руках он держал черную трость. Как и вы, когда направились на встречу, назначенную убийцей!

Он замолчал и пристально посмотрел на меня.

— Кто бы там ни наблюдал за вами, — торжественно произнес он, — он принял Каверли за вас! Как только Коутс уехал, был подан сигнал. Наверняка так. Мы подбихали через несколько минут. *Теперь-то* вы понимаете?

— Нет, не понимаю! К чему вы ведете?

— К следующему: телефонный звонок должен был быть совершен откуда-то из деревни! Ни на что другое у них не оставалось времени. Но в радиусе полумили отсюда *после семи* не работает ни одно почтовое отделение, откуда можно было бы позвонить!

— Господи! — воскликнул я. — Наконец-то я понял!

Гаттон с мрачным триумфом взглянул на меня.

— У доктора Дамара Грифа имеется жилище не далее как в четверти мили от вашего дома! — объявил он. — Он выдал себя! Посмотрите-ка сюда.

Развинтив переднюю часть фальшивого аппарата, он извлек картонную табличку с моим телефонным номером и перевернул ее. На обратной стороне оказался еще один номер!

— Поищем доктора Брауна-Эдвардса, — сказал инспектор. — Он был последним жильцом в Ред-Хаусе, и, вероятно, его номер все еще значится в телефонном справочнике.

Ухватив суть происходящего, я с волнением последовал указаниям Гаттона, и, конечно же, номер нашелся!

— Такой же аппарат использовали в Ред-Хаусе! — вскричал Гаттон. — Заметьте, тут чувствуется рука мастера: он заботится даже о *правильности* телефонного номера!

Я молча опустил в кресло, охваченный ужасом при мысли об извращенном гении противника, с которым мы вели схватку не на жизнь, а на смерть. Вскоре я почти автоматически спросил:

— Но с какой целью открывались и закрывались гаражные двери Ред-Хауса?

— Это довольно просто, — ответил Гаттон. — Здесь у вас был действующий телефон, поэтому звонок прозвучал, когда кто-то всего-навсего позвонил на ваш номер, и смолк, когда звонящий сказал телефонистке, что ошибся. Но в Ред-Хаусе, как выяснилось, телефон отключили, как только доктор Браун-Эдвардс съехал.

— То есть приспособление на дверях гаража приводило в действие звонок?

— Да. Когда открывались ворота, звонок начинал звенеть, но стоило открыть заднюю дверь, как он, вероятно, замолкал. Мистер Аддисон, — инспектор встал, опираясь руками о столешницу и пристально глядя на меня, — мы вступили в заключительную стадию войны умов: Новый Скотланд-Ярд против доктора Дамара Грифа и зеленоглазой леди Баст. Что касается дамы, то здесь всплывает прелюбопытнейший факт.

— Какой?

— В последнем, вашем, случае «голос» принадлежал не женщине, а мужчине.

Глава 23

НЕМИНУЕМОЕ

— Мне очень неприятно беспокоить вас в такое время, мисс Мерлин, — сказал инспектор Гаттон, — но доверенный вам покойным сэром Эриком Каверли документ может пролить свет на очень темную тайну, если вы согласитесь зачитать его нам.

Я с глубоким сопереживанием смотрел, как меняется лицо Изобель; не могу описать, что творилось в моей душе. Обрушившаяся на нее в столь краткий срок череда несчастий изгнала румянец с ее щек; под глазами темнели круги. Внутри меня бушевали эмоции, так что я едва мог собраться с мыслями или найти в себе смелость признаться, что за чувства разрывают мне сердце.

Накануне поздно вечером я исполнил свой печальный долг и принес ей новость о страшной кончине Эрика Каверли. Мне никогда не забыть этот скорбный час. Однако Изобель, несмотря на все выпавшие на ее долю испытания, держалась с поразительным мужеством; я понимал, как тяжело ей все это давалось, но сейчас она отвечала Гаттону с невероятным самообладанием:

— Вот бумаги, инспектор. Я достала их из бюро, как только услышала, что вы вошли.

Она подняла со стола большой запечатанный конверт, на котором крупными, но немного неуверенными буквами было написано ее имя.

— Я бы предпочел, — сказал Гаттон, приятно удивив меня своей тактичностью, — чтобы сначала вы сами прочитали, что там написано, мисс Мерлин. А затем вы можете сообщить мне, есть ли в послании что-либо способное нам помочь.

Я смотрел, как Изобель, отчаянно прикусив губу, решительно надорвала конверт, затем отошел к окну, где при-

соединился к Гаттону, оставив ее читать бумаги. Кажется, мы простояли, глядя на улицу, целую вечность.

— Письмо довольно длинное, — тихо произнесла Изобель.

Мы с Гаттоном повернулись и увидели, что она, еще больше побледнев, сидит за столом и держит перед собой лист почтовой бумаги. Не глядя ни на кого из нас, она принялась читать написанное голосом ровным и монотонным, каким обычно говорила, когда пыталась скрывать свои чувства:

«Этот перечень действий, совершенных мной вечером и ночью шестого августа, следует предать огласке только в случае моего несправедливого осуждения за убийство моего кузена, сэра Маркуса Каверли, или в случае моей смерти.

В тот день мне сообщили по телефону, что моя невеста, Изобель Мерлин, встречается вечером с сэром Маркусом в месте под названием Ред-Хаус. Мне указали адрес и добавили, что если я сомневаюсь в словах говорящего, то сам могу проследить за передвижениями мисс Мерлин этим вечером.

Я уже ссорился с кузеном из-за его навязчивого ухаживания за ней, и хотя последующие события никак не подтверждали справедливость слов того, кто мне позвонил, по крайней мере в этой части информация соответствовала действительности. Я не представляю, кто говорил со мной, могу лишь сказать, что голос принадлежал женщине.

Не желая посвящать кого-либо в подобное дело, в одном из отдаленных районов я лично приобрел лохмотья бедняка, которые сейчас находятся в полиции: именно они и повлекли тщательную проверку моих действий. Облачившись в тряпье и нанеся на лицо и руки темный грим для дальнейшей маскировки, я около девяти вышел из своих апартаментов через черный ход и, сомневаясь, следует ли мне в таком виде садиться в общественный транспорт, проделал весь путь до Колледж-роуд пешком.

Я с легкостью нашел Ред-Хаус, но, обнаружив, что дом пуст, немедленно заподозрил обман. Тем не менее я решил

оставаться поблизости, ожидая указанного мне по телефону часа предполагаемого свидания. Вокруг было достаточно безлюдно, а разыгравшаяся в тот вечер сильная гроза промочила меня до нитки, ибо я не желал покидать свой пост и единственным укрытием мне служили деревья, растущие на обочине.

Незадолго до окончания грозы, когда яростные потоки дождя чуть ослабели, я вышел из своего ненадежного убежища и направился в сторону Хай-стрит. Не успел я сделать и нескольких десятков шагов, как увидел приближающееся такси, а шофер, заметив мою замызганную фигуру, притормозил и, к моему удивлению, спросил меня, как доехать до Ред-Хауса.

Я сразу заглянул в машину — и убедился, что там сидит не кто иной, как Маркус Каверли. Если у меня и были какие-то сомнения, то теперь от них не осталось и следа. Я дал водителю необходимые указания и, медленно проследовав обратно пешком, спрятался под сенью деревьев на другой стороне дороги, откуда увидел, как сэр Маркус вышел из такси и направился к пустому дому.

Он был один и, зная, что мисс Мерлин еще не приехала сюда, я пришел к единственно возможному выводу: она прибудет позже. И я вновь медленно побрел от Ред-Хауса к Хай-стрит и минут через пять миновал констебля, идущего в компании человека в светлом непромокаемом плаще и фетровой шляпе. Тогда я его не узнал, но позже мне сказали, что это был мистер Джек Аддисон.

Простояв на углу Хай-стрит до глубокой ночи, я дважды возвращался к Ред-Хаусу и один раз даже поднялся на крыльцо, но хотя мне и показалось, что в комнате справа от двери из-за ставней пробивается тусклый свет, я не был в этом уверен, ибо изнутри не раздавалось ни звука.

Я видел только это, а затем, очень измотанный и злой, вернулся в свои апартаменты, не переставая гадать, что мог означать этот визит Маркуса Каверли в очевидно пустой дом и почему он задержался там. Но больше всего меня занимал вопрос, отчего мне не сказали всей правды по телефону, заставив меня шпионить без всякого результата.

Находка в порту на следующий день привела меня к новой, ужасной догадке о мотивах звонившей, и глаза мои открылись: я, совершенно невиновный в соучастии, теперь легко уязвим для подозрений по делу об убийстве моего кузена.

Моя злосчастная попытка избавиться от лохмотьев, понадобившихся для маскировки, была продиктована паникой: я не знал, куда их девать. То, что за мной наблюдает полиция, не было для меня тайной, но я оказался достаточно самоуверен, предположив, что смогу уйти от слежки.

Это все, что я могу сообщить. Я сознаю, что мой рассказ ничего не объясняет и не снимает с меня подозрений, но клянусь, что это правда.

(Подпись)

Эрик Каверли, баронет»

Изобель сохраняла спокойствие, но я понимал, какое напряжение испытывала она перед лицом этого нового жестокого испытания. Гаттон еще раз заслужил мою благодарность своим тактом после того, как искренне признался:

— Мисс Мерлин, вы очень храбрая женщина. Спасибо. Мне только жаль, что я не могу оградить вас от всего этого.

Тепло пожав мне руку, он поклонился и ушел, оставив меня наедине с Изобель.

Его шаги смолкли. Изобель снова села за стол. Повисло молчание. Я не стану описывать свои чувства, скажу лишь, что в ту минуту я опасался собственной человеческой натуры. Никогда доселе Изобель не казалась мне столь желанной; никогда ранее мне так мучительно не хотелось прижать ее к себе.

Напряженное молчание сделалось невыносимым.

— Вы не останетесь здесь в одиночестве? — с усилием проговорил я.

Изобель, не поднимая глаз, отрицательно покачала головой.

— Я поеду к миссис Уэнтворт, моей тете Элисон, — ответила она.

— Хорошо, — сказал я. — Я рад, что вы будете в ее приятном обществе.

Миссис Уэнтворт действительно была очаровательной пожилой дамой и, насколько мне известно, единственной родственницей Изабель в Лондоне или даже в Англии. Она жила в домике, таком же, как она, маленьком, удивительно чистом и старомодном. Когда-то он, как и множество подобных ему домишек, располагался в «деревне», но позже и эту местность опутали всепроникающие щупальца растущего Лондона.

Дом находился на северной окраине столицы, и хотя вокруг него выросли ряды современных «вилл», в стенах этого милого старинного жилища ничто не напоминало о близости предместья.

— Когда вы уезжаете, Изабель? — спросил я.

— Наверное, утром, — был ответ.

— Не позволите отвезти вас на «Ровере»? Или у вас с собой слишком много багажа?

— Нет же, — она грустно улыбнулась, — я собираюсь пожить недельку простой жизнью. Похожу с тетей Элисон по магазинам, может, и в кинематограф выберемся!

— Значит, я могу вас подвезти?

— Да, если захотите, — просто ответила она.

Вскоре я попрощался с ней и направился в редакцию «Планеты». Меня ждала работа, а мысль о возвращении в коттедж, должен признаться, не вызывала у меня особого восторга. Печально известный Ред-Хаус перестал интересовать публику; теперь в центре внимания оказалась моя обитель, и уединение, которое я мечтал найти дома, то и дело прерывалось назойливыми гостями, которые, судя по всему, полагали, что место громкого преступления является общественной собственностью.

Коутс весьма искусно переубедил несколько таких наглецов, однако я начал питать отвращение к дому и решил, что пора без промедления подыскивать новое пристанище. Стоит ли добавлять, что к этому времени почти утратила значение главная причина моего затворничества? Но о своих чаяниях я расскажу позднее, хотя могу сказать, что

уже тогда не без боязливой радости понял: если кораблю моих воскрешенных надежд суждено разбиться, мне более не найти покоя на просторах всей Англии.

До поздней ночи я не возвращался в свое некогда мирное жилище. Коутс дождался меня, но важных новостей у него, как видно, не было. Когда я отпустил его, он обернулся на пороге.

— Простите, сэра, — произнес он и сглотнул, прочищая горло.

— Да, Коутс?

— Примерно полчаса назад, сэра, псы во всей округе принялись выть. Мне подумалось, что вам надо это знать, раз инспектор Гаттон нынче утром спрашивал, не слышал ли я собачьего воя.

Я посмотрел ему в глаза.

— Так значит, инспектор Гаттон об этом спрашивал?

— Так точно, сэра. Поэтому я счел своим долгом доложить и вам. Доброй ночи, сэра.

— Спокойной ночи, Коутс, — ответил я.

Но после того, как он ушел, я остался сидеть в кресле в кабинете, размышляя над этим вроде бы незначительным происшествием. С моего места я видел в свете лампы позолоченные буквы на корешке «Египетского искусства» Масперо, и в голове блуждали мысли, с которыми не хотелось идти в постель.

Вопреки привычке, той ночью я спал с закрытыми окнами! Дважды, в час ночи и в четыре утра, я просыпался, слыша скорбное завывание псов, но всякий раз оно оказывалось лишь тревожным порождением моего беспокойного воображения.

Быстро позавтракав и просмотрев почту, я послал Коутса в гараж за маленьким автомобилем; зная, что со мной будет спутница, я сам сел за руль и покатыл к дому Изобель. Она, как и всякая женщина, и близко не была готова; кающаяся Мари, которую приняли обратно в дом, несмотря на ее роль в трагической смерти сэра Маркуса, только и делала, что суетилась до самого нашего отъезда к миссис Уэнтворт.

Изобель всю дорогу молчала, но однажды я искоса взглянул на нее, она зарделась, и я почувствовал, что сердце вот-вот выскочит из груди.

Миссис Уэнтворт, как всегда, радушно встретила меня. Старушка отличалась эксцентричностью и удивительной прямоотой, и если бы я в свое время прислушался к ее простому материнскому совету, жизнь моя давно бы стала совершенно иной.

Оставив меня одного, она проводила Изобель в ее комнату: все годы нашего знакомства она обращалась со мной без особых церемоний, и я привык чувствовать себя как дома под ее гостеприимным кровом. Она всегда считала, что мы Изобель созданы друг для друга и не скрывала этого, а помолвку Изобель с бедным Эриком Каверли рассматривала не иначе как жуткий фарс; мне не забыть, с каким лицом она приняла меня, когда я только что вернулся из Месопотамии.

Примерно через полчаса появилась Изобель, и хотя она вошла довольно уверенной поступью, в воздухе мгновенно почувствовалось прежнее напряжение. Я подумал, что не вынесу пустых разговоров. Я до сих пор не могу оправдать своего поведения, но во спасение души обязан говорить правду.

Я обнял Изобель, крепко прижал к себе и поцеловал.

Стоило ее губам встретиться с моими, как меня переполнило неборимое осознание вины, и я, отпустив ее, со вздохом отстранился.

— Изобель! — прохрипел я. — Изобель, простите! Я подлец, я виновен.... перед *ним*. Но... это было неминуемо. Попробуйте забыть мою слабость. Изобель...

Я ощущал, как дрожат ее пальцы на моей руке.

— Нам *обоим* надо попытаться все забыть, Джек, — прошептала она.

Я схватил ее за руки и со страстью — вероятно, сумасшедшей — посмотрел в глаза.

— Я умру, если потеряю вас, — сказал я, — поэтому на мгновение и обезумел. Обещайте, что однажды — когда пожелаете и посчитаете нужным — вы выслушаете меня, и я

претерплю любое выбранное вами наказание. Я вел себя как мерзавец.

— Прекратите! — мягко приказала Изобель.

Она подняла глаза, и ее серьезный, нежный взгляд остудил жар, поглощавший меня, и принес мир в мою душу.

— Вы виноваты не больше, чем я! — продолжила она. — По этой причине... мне ясно, что простить вас несложно. Я не пытаюсь оправдать себя, но если бы... *он*... остался жив, я не смогла бы стать его женой, после его... подозрений. Ох, Джек! Почему вы уехали и позволили мне совершить эту ужасную ошибку?

— Дорогая, — ответил я, — видит Бог, как я настрадался из-за этого.

— Пожалуйста, — попросила она срывающимся голосом, — помогите мне остаться честной по отношению к... *нему*. Никогда, никогда больше так со мной не говорите, пока...

Она так и не закончила фразу, ибо в эту секунду в комнату влетела тетя Элисон, седовласая розовощекая старушка с резкими движениями и очень пронизательным взором. Милая бабушка, которая стала мне еще роднее от того, что столь настойчиво пыталась подтолкнуть Изобель и меня, тюфяка, друг к другу. У нее, как обычно, было слишком много слов и слишком мало времени, чтобы успеть все высказать. Мы прошли в столовую.

— Не знаю, как вы, мальчишки-девчонки, а я умираю от голода. Ох и намучилась я с кухаркой, не зная, когда вас угораздит приехать. Она-то замуж собралась, так что, боюсь, было ей не до морской капусты. Да уж, да уж, что любовь с людьми-то творит, право слово. Поправь-ка прическу, Изобель, не то Мэри подумает, что вы тут с Джеком целовались! Видела я, как она вчера поцеловала почтальона. Мэри, не Изобель! Джек, что ты клюешь как птичка! Боже ты мой! Где перец? Мэри! Позвони в колокольчик, Изобель. Надо с этим почтальоном переговорить: это из-за него Мэри забыла перец в перечницу насыпать; вы б их видели — никакой благовоспитанности!

— Милая тетушка Элисон! — сказал я, когда энергичная старушка выскочила из столовой (Мэри не спешила отзываться на колокольчик). — Обожает носиться туда-сюда, как официантка! Каким хорошим другом она была для меня, Изобель! И в такое время, как сейчас, вам лучшей компании не найти.

— Она чудесная! — согласилась Изобель и, когда мы ней встретились взглядами, залилась очаровательным румянцем.

Потом, на краткий миг, в глазах ее мелькнули слезы, и, зная, о ком она думает, я притих — виноватый и кающийся. Я пограл память погибшего человека и теперь вновь и вновь повторял про себя торжественное обещание не проронить ни слова любви до подходящего и соответствующего приличиям момента окончания траура. И я сдержал эту клятву, посему смею надеяться, что грех мне простился.

Обед с Изобель в этом гостеприимном доме был одним незамутненным восторгом, и я сожалел, что каждая прошедшая минута приближает время моего отъезда. И когда я наконец попрощался со всеми, передо мной открылся новый мир — я вступил в новую жизнь. Я смею надеяться, что искупил свою чисто человеческую слабость. Но я не избежал наказания за нее. В неопишуемом, вновь обретенном блаженстве я не мог и представить, как скоро мне придется вернуться в этот дом, где мне предстояло столкнуться с самым ужасным событием в моей жизни.

Глава 24

ПРЕРВАННЫЙ РАЗГОВОР

— С моей точки зрения, — сказал Гаттон, — расследование сузилось до поисков одного человека...

— Доктора Дамара Грифа!

— Именно. Вы спросили, что я обнаружил в Фрайарз-Парке и Белл-Хаусе, и я могу вам очень кратко ответить. Ничего! Совершенно ясно, что Белл-Хаус был подожжен преднамеренно и продуманно. Подозреваю, мебель внутри комнат облили бензином. Дом сгорел до остова и рухнул. Сейчас это просто груда дымящихся углей.

Конечно, снаряжение местной пожарной бригады составляет желать лучшего, но и будь они оснащены по самым современным меркам, сомневаюсь, что они справились бы с огнем. Люди, наблюдавшие за домом, растерялись, когда из окон начало вырываться пламя — и, как следствие, упустили доктора Дамара Грифа.

— Вы уверены, что он и *вправду* сбежал?

Гаттон бросил на меня мрачный взгляд.

— А кто, по-вашему, проделал фокус с телефоном? — спросил он. — Вдобавок, этот болван Блайз действительно слышал, как автомобиль выехал на дорогу! Что говорить — они безбожно испортили все дело. Мой марафонский забег спас вам жизнь, мистер Аддисон, но, похоже, из-за него я потерпел провал! У нас в руках супруги Хокинсы. Неприятная парочка, однако они скорее простаки, чем негодяи. Лично я убежден, что они и не подозревали о смерти леди Бернем Каверли. Дамар Гриф представил им положение так, будто она потеряла рассудок.

— Господи! Какое коварство!

— Изощренный план. Хокинс, кажется, считал, что его обязанности, то есть охрана парка от неожиданных посетителей, были продиктованы необходимостью. Он полагал, что если кто-то узнает о том, чем именно больна леди Каверли, ее поместят в сумасшедший дом! А также думал, что за ней присматривает *сиделка*.

— Сиделка!

— Да. Он уверял меня, что видел и слышал ее! Миссис Хокинс тоже не сомневалась в ее существовании. Но, между прочим, ни одного из них никогда не пускали в дом. Зато доктор Дамар Гриф щедро им платил — и они не жаловались. Кем была эта «сиделка», думаю, очевидно?

— Конечно. Но как они избавились от несчастной леди Каверли... и почему сделали это в абсолютной тайне?

— Ну, — медленно начал Гаттон, — я вновь просмотрел все свои записи, связанные с делом, и составил нечто вроде конспекта, суть которого сводится к следующему: вся цепочка преступлений ведет к определенным финансовым договоренностям между покойным сэром Бернемом и приезжим доктором. Возможно, в Белл-Хаусе евразиец держал что-то такое, что было нельзя перевезти, и больше всего на свете боялся, что владельцем Парка станет наследник. Полагаю, усопшая леди Бернем была в его полной власти, а смерть ее (наше расследование во Фрайарз-Парке показало, что там никто не жил по меньшей мере год) он вознамерился скрывать, притворяясь, что ухаживает за больной, пока...

— Пока не останется живых наследников! — возбужденно перебил я. — Точно, Гаттон! Я и сам об этом догадывался!

— Сейчас мы получили, — продолжал инспектор, — сведения, касающиеся обстоятельств кончины Роджера Каверли в Базеле. До сих пор не было прямых доказательств насильственной смерти (а также причин подозревать, что они имеются), но я знаю, что местный врач, посещавший его в гостинице, и специалист, срочно приехавший из Цюриха, так и не сошлись во мнениях, от чего именно он умер.

Симптомы довольно близко напоминали, к примеру, те, что возникают при змеином укусе, но, естественно, никому и в голову не придет искать ядовитых змей в Швейцарии*. На коже было найдено некое воспаление, — Гаттон заглянул в свой блокнот, — по виду схожее с экземой или чем-то подобным, но оно, по словам медиков, не имело отношения к причине смерти. В свидетельстве причиной ее названа просто синкопа**, хотя юноша не страдал наследственными сердечными заболеваниями или иными болезнями, какие могли бы объяснить столь раннюю смерть от

* Автор ошибается. В Швейцарии водятся довольно ядовитые гадюки.

** Синкопа — обморок.

сердечного приступа. И за время его пребывания в Базеле не произошло ничего такого, что могло бы пролить свет на загадку.

Хотя тогда, и это вполне объяснимо, никаких подозрений не возникло, лично я считаю смерть Роджера Каверли первой в череде преступлений, в которых повинен доктор Дамар Гриф!

— Но мне по-прежнему не ясна его цель, — заметил я.

— В каком-то смысле она не ясна и *мне*, — отозвался Гаттон. — Учитывая, что мальчик погиб в то время, когда здоровье его отца, сэра Бернема, уже давало поводы для беспокойства, я пришел к заключению, что его убрали по одной простой причине: кто-то опасался, что он унаследует Фрайарз-Парк. Безусловно, приглашение, присланное доктором Дамаром Грифом сэру Маркусу, является очень серьезной уликой, а если вспомнить, что оно пришло сразу после приезда сэра Маркуса из России, то вывод напрашивается сам собой.

Сэр Маркус унаследовал титул сэра Бернема, когда был по делам службы в Архангельске. Я думаю, что в России он оказался недостижим для евразийского доктора. Но стоило ему вернуться, пришло приглашение; совершенно понятно, что ему предназначалась та же участь, какой едва избежали вы сами! Вспомните, на вершине башни во Фрайарз-Парке стояла гаубица, и я уверяю вас, появилась она там не вчера. Короче говоря, я не сомневаюсь, что ее установили перед визитом сэра Маркуса, а план вашего устранения придумали позже.

Следующим шагом доктора был план убийства в Ред-Хаусе, и он сработал практически безупречно. Если бы не непредвиденный случай в доках, интрига бы удалась целиком, однако эта неудача не смогла полностью разоблачить замысел убийцы, потому что единственной уликой, указывающей на его личность, была статуэтка кошки.

— Неплохо бы объяснить, как она оказалась там, — сказал я.

Гаттон сосредоточенно разжег трубку.

— Это верно, — согласился он, — но я перейду к данной стороне дела позже; сейчас я перечисляю лишь свидетельства против доктора Дамара Грифа, у которого, несомненно, имелся активный соучастник в преступлениях против семейства Каверли.

Оцените изобретательность убийства в Ред-Хаусе. Гриф надеялся, что его действия повлекут за собой смерть не одного только сэра Маркуса, но и следующего наследника, мистера Эрика Каверли, который будет осужден за убийство своего родственника! И действительно, все было спланировано весьма искусно. Даже сейчас, когда мы убедились в невинности бедного сэра Эрика, мы видим, что и подробнейшее описание действий в ночь убийства не может послужить ему алиби. Другими словами, не пади он жертвой опрометчивости злоумышленников, над ним и поныне висело бы страшное обвинение. Я решил обелить его имя и, ожидая его настоящего признания, объявил газетчикам, что он дал показания; я полагал, однако, что его слова будут более убедительны, чем то послание, которое прочитала нам мисс Мерлин.

Я пристально посмотрел на него.

— Гаттон, вы хотите сказать, что заявлением о доказанной невинности Эрика Каверли вы надеялись побудить его врагов к новому нападению?

— Что ж, признаюсь! — с довольно виноватым видом произнес инспектор. — Но он попал совсем не в ту ловушку, что приготовил я, руководствуясь его же интересами. В конце концов, вы же не станете отрицать, что смерть его была случайна и пострадал он по вашей вине.

— По моей вине! — воскликнул я.

Гаттон сумрачно усмехнулся.

— Да, вы виноваты, — продолжил он, — пусть и допустили все промахи ненамеренно. По-моему, совершенно очевидно, что хотя неизвестный соучастник доктора Дамара Грифа был истинным врагом рода Каверли (об этом свидетельствуют «голос» и статуэтка), трижды покушался на вас не он, а сам доктор Дамар Гриф; вы дважды чуть не погибли в Апшер-Кросслиз и в третий раз у себя дома, где

муляжом, уже успешно опробованным в Ред-Хаусе, заменили именно ваш телефон — способ простой и смертельный! Гриф надеялся устранить со своего пути опасное препятствие, угрожавшее его безопасности.

— Но, дорогой мой Гаттон, с чего бы ему считать меня угрозой более опасной, чем, допустим, вы?

— Причина предельно ясна, — ответил инспектор. — Я не думаю, что таким образом он сделал вам комплимент, указав, что ваше расследование продвигается более успешно, чем мое; я полагаю, что его по-настоящему встревожило неосторожное поведение соучастницы.

— Вы говорите о женщине, посетившей меня в «Эбби-Инн»?

— Именно, — кратко подтвердил Гаттон, — и о даме, явившейся сюда и похитившей статуэтку Баст! История Эдварда Хайнса и его предшественника, так блистательно описанная вами, показывает, что в окрестностях Аппер-Кросслиз обитает некто, кого мы ищем с того самой ночи в вашем саду (это я о кошачьих глазах, заглядывавших к вам в окно).

— Я начинаю понимать, Гаттон, — медленно проговорил я.

— Я не могу сказать, с какой целью та дама посетила вас в «Эбби-Инн», но не сомневаюсь, что все прояснилось бы, если бы ее визит не оказался прерван и закончен появлением в трактире доктора Грифа. Да вы и сами упоминали, что она говорила о неуместности своего прихода к вам, и рассказывали о гневе евразийца, который ему так и не удалось скрыть. Вспомните также, как вас преследовал нубиец Кассим с явным намерением убить. Затем, осознав, что безнадежно скомпрометировал себя, доктор сделал все, чтобы заставить вас замолчать навеки.

— Это так, — согласился я, — и у него это едва не получилось. Но, Гаттон, давайте вернемся к загадке изображения Баст. Ведь на ящичке, в котором обнаружили тело сэра Маркуса, был нарисован кошачий силуэт, а внутри нашли статуэтку кошки. К тому же вы, конечно, и сами обратили внимание на то, что Эдвард Хайнс получил в подарок

от незнакомки золотую фигурку-кошку, и, осмотрев ее, я убедился, что это творение рук древнеегипетского мастера.

— Верно! — Гаттон с чувством хлопнул ладонью по столу. — В самом начале расследования я сказал, мистер Аддисон, что в основе дела лежит история египетской богини, и, по-моему, я ничуть не промахнулся с предположением.

— Вы не ошиблись, — подтвердил я, — но я не понимаю, как это может помочь нам. Получается, что человек, названный вами основной фигурой заговора, является всего-навсего его второстепенным участником, а о личности, действительно стоящей в центре преступного замысла, мы знаем только, что это женщина, которая обладает, очевидно, необычными глазами, светящимися в темноте. Еще она как-то связана с изображением Баст. Но кем она приходится доктору Дамару Грифу, и почему она заинтересована в уничтожении рода Каверли?

Некоторое время Гаттон молча курил и задумчиво смотрел на меня. Потом сказал:

— Если бы мы знали это, мистер Аддисон, мы бы знали все, что нужно для раскрытия тайны «Оритог». Но, по-моему, мы бы продвинулись очень далеко в нашем расследовании, если бы смогли арестовать евразийца. Конечно, мы собрали воедино все разрозненные детали происшествия в Ред-Хаусе: нашли перевозчика, доставившего ящик туда и забравшего его утром, выяснили, кто привез продукты и накрыл стол для ужина, и не только это. Как я и ожидал, все эти факты оказались для нас бесполезны.

— Голос... — начал я.

— Точно! «Голос», без сомнения, был одним и тем же, и все было организовано посредством телефонных указаний местным посыльным и прочим. Для этого «голосу» не пришлось появляться на сцене лично, мистер Аддисон.

Я осторожно предположил:

— Но все же в одном случае кто-то *должен* был появиться на месте...

— Да, — перебил он, — кто-то перенес тело из комнаты в гараж и упаковал в ящик.

— Но вы твердо убеждены, что и там был проделан фокус с телефоном?

— Не сомневаюсь. Разве вы не видели номер на табличке? А розетка в стене, что оказалась отверстием для газа — помните? — была соединена с пустой комнатой по соседству. Конечно, газовый баллон находился там, а сам телефон поместили в нише, которую плотно закрыли бархатной портьерой: любой, воспользовавшийся ядовитым приспособлением, немедленно задохнулся бы в ней.

— Господи, Гаттон! — воскликнул я. — Какой жуткий замысел! Но я не могу понять, каким должен быть наш следующий шаг.

— Я и сам не совсем уверен, — признался Гаттон. — Как вы помните, определенная линия рассуждений привела меня к выводу, что у этих людей имеется некое укрытие в вашем районе. Я велел тщательно прочесать окрестности. Ранно или поздно мы выясним, где прячется преступник.

— И преступница! — добавил я.

Нас прервал стук в дверь кабинета. Вошел Коутс с вечерней корреспонденцией.

— Извините, Гаттон, — сказал я, увидев, что одно из писем было от Изобель.

Я в нетерпении вскрыл конверт... То, что я прочел, заставило меня похолодеть.

— Гаттон! — вскричал я. — Мисс Мерлин получила по почте статуэтку Баст!

— Как?!

— Она кратко описала ее, и я склонен думать, что это та самая вещь, что была украдена отсюда! Конечно, мисс Мерлин ужасно испугана.

Инспектор поднялся.

— Надо немедленно осмотреть присланное, — быстро сказал он, — проверить упаковку, в которой доставлена посылка, и марку. Я выхожу из себя, — Гаттон не сдержал гнева, — когда думаю о том, что доктор Дамар Гриф, вероятно, находится где-то в полумиле от нас, от этого самого места, и мы могли бы позвонить ему, зная мы его номер; мы задействовали все ресурсы лондонского уголовного розыска.

ка, но все еще никак не можем его найти! Даже такая городская окраина, как эта, настолько велика, что мы будто ищем иголку в стогу сена!

Голова моя разрывалась от жутких сомнений и нерешительности. Я не знал, что нам следует делать, а Гаттон, как дикий зверь в клетке, метался по комнате.

— Набейте-ка трубку, — устало предложил я наконец. — От нашего следующего шага зависит многое. Любая ошибка может оказаться роковой.

Гаттон довольно свирепо взглянул на меня, затем уселся в кресло, из которого встал чуть раньше. Я подтолкнул к нему табакерку, и он потянулся за ней, но тут раздался звонок. Я услышал, что Коутс открыл входную дверь и, недоумевая, кто мог прийти в столь поздний час, вопросительно посмотрел на инспектора.

В дверь кабинета постучали.

— Войдите, — крикнул я.

Коутс неловко застыл на пороге.

— Доктор Дамар Гриф! — объявил он.

Не менясь в лице, он посторонился, и пока мы с Гаттоном в полнейшем изумлении медленно поднимались с мест, высокий, тощий евразиец шагнул внутрь и остановился, нависнув над здоровяком Коутсом!

Его ястребиные глаза лихорадочно горели, а лицо было измученным и осунувшимся. Я смотрел на него с удивленным испугом, а он, казалось, едва держался на ногах. Мы с Гаттоном наконец встали; Гриф, пошатываясь, уцепился за угол книжного шкафа, но тут же выпрямился и величественно поклонился нам, и я сразу вспомнил, что почувствовал, когда очутился в странной библиотеке Белл-Хауса.

— Джентльмены, — начал он, и его резкий голос был не громче шепота, — пожалуйста, сядьте. Я не задержу вас надолго.

Глава 25

ЗАЯВЛЕНИЕ ДАМАРА ГРИФА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

Евразиец зашатался и едва не упал. Гаттон тут же вскочил на ноги и успел подвинуть доктору Дамару Грифу кресло, которое только что занимал сам. Тот благодарно кивнул и беспомощно опустился на сиденье, держась за оба подлокотника.

Я никак не мог найти в себе силы заговорить.

— Доктор Дамар Гриф, — начал инспектор, пристально глядя на человека, осевшего в кресле, — я арестую вас по обвинению в убийстве. Предупреждаю, все, что вы сейчас скажете, будет использовано против вас.

Гриф с недюжинным усилием распрямил костлявое тело, не отрывая ястребиного взора от инспектора Гаттона. Когда он заговорил, его резкий голос обрел мощь, а манера — царственность:

— Инспектор уголовной полиции Гаттон, вы не совершаете ничего такого, что не входило бы в ваши обязанности. Мне, в моем болезненном состоянии, стоило огромных трудов прийти сюда. Следовательно, вам не надо опасаться, что я попытаюсь сбежать. Я явился к вам с определенной целью. Я намерен осуществить задуманное, после чего, — он пожал широкими плечами, — буду в вашем полном распоряжении.

— Хорошо, — только и сказал Гаттон, но я отметил, что лицо его вспыхнуло от сдерживаемого волнения.

Он многозначительно посмотрел на меня и направился в переднюю.

— Сиденгам 1448, — сказал он телефонистке*.

* Сиденгам (Сиднем) — одно из южных предместий Лондона.

Дамар Гриф закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Затем я услышал:

— Алло! Это инспектор Гаттон из Управления уголовных расследований Скотланд-Ярда. Я в Уиллоу-Коттедже на Колледж-роуд. Пришлите двух полицейских и автомобиль забрать арестованного... Верно! До свидания.

Он опять вошел в кабинет, прикрыл за собой дверь и с некоторым изумлением воззрился на Дамара Грифа. Евразиец устало поднял веки и медленно обвел взглядом комнату.

— Умоляю, сядьте, инспектор Гаттон, — произнес он. — Я намерен сделать заявление.

Гаттон, не вымолвив ни слова, подвинул к себе стул и сел.

— Прошу вас не прерывать меня, — продолжил Дамар Гриф, — пока я не закончу. Поняли? Повторять не буду.

— Боюсь, — сухо заметил Гаттон, — вам придется повторить все позже.

Евразиец распахнул блестящие черные глаза и уставился на полицейского:

— Повторять я не намерен, — отрезал он. — Дайте мне знать, если вам будет что-то непонятно.

То, что он вел себя в таких обстоятельствах столь властно, поражало, точнее, ошеломляло. С первого часа нашего знакомства я понял, что доктор Дамар Гриф обладает невероятно сильным характером и чрезвычайной надменностью, отчего относится ко всему, даже к воздаянию, совершенно равнодушно.

— Поскольку с этим вопросом покончено, — продолжал он, — будьте любезны, инспектор Гаттон и вы, мистер Аддисон, уделить самое пристальное внимание моему рассказу.

Он вел себя подобно лектору — убежденному в том, что аудитория все равно не сможет понять сказанное; но если я признаюсь, что заявление, сделанное этим странным, пугающим человеком, повергло нас с Гаттоном в шок, это будет чистой правдой. Устало и почти не открывая глаз, доктор Дамар Гриф приступил к повествованию о неописуемых

ужасах, и хотя пронзительный голос его с каждой минутой слабел, а откровения страшили, говорил он совершенно бесстрастно.

— Сообщаю вам, — начал он, — о своих исследованиях в области тератологии и соприкасающейся с ней ветви анимизма*, ибо знаю, что работе, которой я посвятил всю жизнь, не суждено завершиться. Пришла необходимость уничтожить бумаги и образцы, собранные — чудовищной ценой — за двадцать лет путешествий как по самым диким, так и по самым цивилизованным уголкам мира, и все, что у меня осталось, это краткий словесный отчет по главному из изученных мной вопросов. Вы удостоены чести выслушать его. Итак, внимайте.

Два важных фактора predeterminedили выбор темы моего исследования: во-первых, социальный остракизм, ставший моим уделом с самого начала профессиональной деятельности; во-вторых, я сам являюсь живым примером *гибрида*. Люди говорят, не без резона, что евразиец ненавидит своего отца и презирает мать. Конечно, неестественная страсть осуждается и всей его семьей, ибо темные братья глядят на полукровку искося, а белая родня — свысока.

Несмотря на все дипломы и степени, а я доктор медицины, магистр гуманитарных наук, а также имею иные ученые звания, присвоенные мне в Лейпциге, Сорбонне и кое-где еще, я быстро понял, что мне не дадут спокойно вести врачебную практику. Как следствие, я занялся изучением особого раздела эмбриологии, ибо, к счастью, у меня имелось достаточное состояние для того, чтобы, живя по средствам, не прибегать к моей профессии как способу заработка.

Словом, я надеялся преодолеть недостатки своего происхождения и заслужить репутацию, благодаря которой я смог бы подняться над ограничениями, наложенными на меня кастой, и поставить свое имя в один ряд с Геккелем,

* Анимизм — религиозные представления о духах и душе.

Вейсманом, Уоллесом, Фоке* и другими великими учеными, продвинувшими вперед наши знания в сфере эволюции.

Практически с самого начала меня привлекли традиции, связанные с *Syncephalus hamadryas*** , или священным абиссинским павианом. Я обосновался у вод Аваша, где мне удалось сблизиться с амхара. Результатом моего пребывания среди них стал труд «Обезьянолюди из Шевы»*** .

Эта работа осталась неопубликованной и, вероятно, так никогда и не увидит свет. Коротко говоря, в ней я утверждаю, что амхара — это семитское племя, сродни фалаша, эфиопским иудеям, и они уже много поколений обитают на юге Абиссинии. Родоначальником они почитают Менелика, сына Сулеймана**** и царицы Савской, и испокон веков слывят нечистыми париями. Частично это следствие их варварского обычая поедать мясо, срезанное с живого скота, но в большей степени причина в том, что среди них периодически рождаются «кинокефалиты», или обезьянолюди, которые и стали предметом моего исследования.

Проведение моих изысканий по части истории развития сих чудовищных форм было сопряжено с немалыми трудностями. С самого начала я выяснил, что по традиции амхара умерщвляли этих созданий при выходе из утробы

* Эрнст Генрих Филипп Август Геккель (1834-1919) — немецкий естествоиспытатель и философ, автор термина «экология». Август Вейсман (1834-1914) — немецкий зоолог, основатель неodarвинизма. Альфред Рассел Уоллес (1823-1913) — британский натуралист, путешественник, биолог, антрополог. Вильгельм Ольберс Фоке (1834-1922) — немецкий врач и ботаник.

** Псоглавый гамадрил (*лат.*)

*** Аваш (Гаваш) — река в Эфиопии (Абиссинии). Амхара — одна из самых многочисленных народностей Абиссинии. Шева (Шоа, Шава) — гористый район в Центральной Эфиопии. Обезьянолюди — термин Геккеля для обозначения гоминидов как «недостающего звена» эволюции.

**** Сулейман — исламский пророк, отождествляется с библейским царем Соломоном. Менелик — легендарный первый правитель (негус) Эфиопии.

матери, а в тех редких случаях, когда кинокефалиты оставались в живых, их изгоняли из племени, принуждая вести дикое существование у подножия гор этого пустынного региона.

Таким образом, первым препятствием стало то, что эти существа оказались весьма недоступными; во-вторых, они легко заражались туберкулезом даже в теплом и сухом климате; в-третьих, из-за их хищного нрава подбираться к ним было не менее опасно, чем к тигру в логове. Могу добавить, что предрасположенность к легочным заболеваниям является (и это я заявляю с полной уверенностью) характеристикой всех млекопитающих гибридов.

Тем не менее, мои исследования ни в коем случае нельзя назвать тщетными, ибо увенчались они блистательным подтверждением моей теории, которая, идя вразрез с общепринятыми представлениями, основанными на «обусловленных изнутри» законах Менделя, не приписывала появление подобных чудовищ непосредственному физиологическому развитию, но руководствовалась неким специфическим законом эмбриологии, который, как я надеялся, однажды займет свое место в науке под моим именем.

Имея при себе результаты абиссинского исследования, я отправился в Сирию, ибо полагал, что найду иные доказательства в поддержку моей гипотезы, изучив некоторые племена, живущие там в пустынях. Одним словом, я думал подтвердить истинность арабских поверий о человеке-шакале (они схожи с распространенными суевериями и средневековыми легендами о вервольфах или лугару*) и индийского мифа о женщине, которая, будучи днем человеком, по ночам становится тигрицей.

Дело моей жизни кануло в небытие, а я достаточно самолюбив и не желаю, чтобы плоды моих трудов достались другому. Посему я лишь поверхностно коснусь закона Дамара Грифа, обозначив его суть. Она такова: необычные гибриды действительно периодически появляются на свет

* Лугару (ругару) — оборотни из франкоязычного фольклора, представляющие собой гибрид человека с разными животными.

и в редких случаях способны уцелеть, но их животные склонности, проявляющиеся в поведении, и обладание некоторыми звериными чертами (как то: мех на теле кинокефалита, когти и зубы человека-шакала и прочее) являются *физическим* отображением *ментальных* процессов, имевших место у родительницы.

Евразиец метнул в меня пронзительный взгляд, будто ожидал возражений, но мы с Гаттоном молчали.

— Между гибридом и существом, черты и особенности которого он якобы унаследовал, нет никакой физической зависимости. Я провел целую серию скрупулезнейших экспериментов и доказал, что *настоящий* гибрид физиологически невозможен. Но изучаемый мной *ложный* гибрид может появиться как факт, и это доказано не только моими изысканиями среди амхара и последующими экспедициями в Ассирию, Сомали и срединные долины Желтой реки.

Он сделал паузу и неожиданно устремил свой ястребиный взор на меня:

— Вы и сами, мистер Аддисон, исследовали Черный континент, — сказал он, — и, если не ошибаюсь, в какой-то мере являетесь ориенталистом, потому особенности такого маршрута, вероятно, вам ясны. Но я теряю время.

Открытие, увенчавшему труд моей жизни, было суждено — в чем можно усмотреть некую поэтическую справедливость — погубить его. Наконец мы подходим к тому, что привело меня сегодня в ваш дом. Все сказанное ранее было лишь необходимым предисловием. Сейчас я вам поведаю о годе 1902, когда я, пребывая в Каире, подвел итог многолетних исследований. В то время я снимал комнаты в большом доме, расположенном неподалеку от Баб аз-Зувайла*.

Гаттон нервно заерзал на стуле; впрочем, я и сам сгорал от любопытства.

— В те дни изыскания порядком истощили мои и без того не обширные финансовые ресурсы, посему плата за

* Баб аз-Зувайла — городские ворота Каира, построены в XI в.

медицинские услуги от небольшого круга пациентов, которых мне удалось привлечь (исключительно из живущих по соседству колонистов смешанных кровей), стала неплохим добавлением к моим доходам. И именно то, что в ту пору я был практикующим врачом, предрекло мою встречу с самым совершенным и примечательным образцом «психогрида» не только из виденных мной, но и, насколько мне известно, из всех когда-либо существовавших на свете.

Он опять замолчал, словно преодолевая слабость, а я едва мог сдержать дрожь нетерпения, настолько жаждал услышать, что было дальше.

— В то время, да и, на самом-то деле, до недавних пор, — продолжал он уже тише, — в Каире было всего несколько хороших европейских врачей, а летом 1902 года разразившаяся эпидемия холеры проредила их и так малочисленное сообщество. Однажды ночью, когда я сидел в огромной комнате с высоким потолком, некогда служившей главной залой гарема, а теперь ставшей мне кабинетом, Кассим, мой слуга-нубиец, сообщил (посредством языка жестов, коему я его обучил) поразительную новость. Меня немедленно вызывали в резиденцию сэра Бернема Каверли, только что назначенного в правление колонии и несколько месяцев назад прибывшего в страну вместе с женой.

Я полагал, что знаю, какого рода услуги там требуются, но оказался чрезвычайно удивлен тем, что именно меня пригласил этот типичный английский аристократ, закосневший — а как же иначе? — в расовых предрассудках после пяти лет службы в Индии. Позднее мне рассказали, что в тот момент Каверли просто не нашел другого врача (или врача, обладающего такой же, как у меня, высокой квалификацией), но знай я это тогда, я бы все равно заставил свою гордость замолчать по следующей причине: от одного моего тамошнего знакомца я слышал о некоем происшествии, имевшем место во время прибытия баронета в Египет, и с тех пор я ожидал другого особого проявления, более того — заявляю со всей смелостью, ведь общепризнано, что наука жестокосердная хозяйка, — я *надеялся* на него и мне было неважно, как больно будет тем, на кого

это обрушится в жизни. Итак, произведя необходимые приготовления, я в сопровождении слуги сэра Бернема направился в резиденцию баронета...

Тут раздался звонок в дверь, а затем размеренные шаги Коутса, идущего по коридору. Последовал негромкий шум голосов, и, постучав в дверь кабинета, вошел Коутс.

— Полицейский сержант и констебль желают видеть инспектора Гаттона, сэр!

Дамар Гриф поднял худую желтую руку и заговорил, не проявляя ни малейших эмоций.

— Прикажите им подождать, — произнес он. — Я не закончил.

Я подивился невероятности происходящего в моем доме: величавый седовласый евразиец, страдающий смертельным недугом, спокойно восседает в кресле, и его блестящий, пусть и извращенный, разум витает вдали от обыденных вещей, тогда как в передней его уже ждут, намереваясь отвести в тюремную камеру!

Я быстро взглянул на Гаттона, он нетерпеливо кивнул в ответ.

— Пусть побудут в столовой, Коутс, — сказал я. — Проводи их туда.

— Слушаюсь, сэр.

Невозмутимый Коутс удалился, а я заметил, как Гаттон посмотрел на часы. Мы с инспектором дослушали заключительную часть странного рассказа Дамара Грифа в совершенном молчании, и я передаю его вам так, как сумел запомнить, придерживаясь собственных слов евразийца. Больше он ни к кому из нас напрямую не обращался; казалось, он просто размышляет вслух.

Глава 26

ЗАЯВЛЕНИЕ ДАМАРА ГРИФА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

(Продолжение)

Я шел по безлюдным в этот поздний час каирским улицам, не прекращая размышлять об обстоятельствах упомянутого выше происшествия, имевшего место несколько месяцев назад. Я вкратце расскажу вам о нем, ибо оно действительно оказало чрезвычайно важное влияние на мою жизнь и, к несчастью, на жизнь многих других.

Сначала сэръ Бернем и леди Каверли прибыли в Порт-Саид, а оттуда по железной дороге отправились в Каир, однако были вынуждены остановиться в Заказике из-за крушения поезда где-то дальше по линии.

Весной, за год до этого, и я бывал в той местности, приложив немалые усилия к изучению этого города, расположенного приблизительно там же, где когда-то находился древнеегипетский Бубастис. В верованиях, или так называемых мифах, Древнего Египта, изобилующих людьми в обличье животных и связанными с этим деталями, я усмотрел мудрость веков, способную подтвердить то, что закон, столь тщательно выводимый мной, вероятно, был известен египетским жрецам далекой эпохи. У меня имелись две причины особенно интересоваться легендами о Баст, богине с кошачьей головой, издревле почитаемой в этом городе: во-первых, они упоминались Геродотом; во-вторых, там все еще бытовало поверье, что в определенное время года в городе появляются *психогбриды*.

Скрупулезно изучив вопрос, я обнаружил, что жители Заказика соотносят рождение таких созданий с днями, обычно приходящимися на священный месяц Сотис, то есть на то самое время, что в древности связывалось с Баст, чьим

именем была названа та местность, и совпадало с празднествами этой богини*.

Но все мои изыскания оказались напрасными и, помимо того, что город примечателен необычайно большим числом полудиких кошек, я не нашел ни единого факта в поддержку моей теории. Однако я уже упомянул, что от одного моего туземного знакомого, очень образованного мусульманина, у которого я останавливался и с которым мне довелось поделиться соображениями по поводу природы моих исследований, я получил пространное послание, содержащее подробности события, произошедшего с леди Каверли той ночью, что она провела в Заказике.

Если кратко, то она узнала от одного египтянина, служащего в единственном отеле, которым может похвастаться город, о некоей легенде, связанной с теми краями. Кто-то из ее спутников (а из-за катастрофы она очутилась в большой компании пассажиров, задержавшихся в Заказике) имел глупость заметить, что они прибыли в город именно в такую упоминаемую в легендах пору.

Возможно, разговор так и остался бы лишь разговором, но по странному совпадению (или из-за действия негласного закона, почитавшегося древними и неверно истолкованного ныне) дело завершилось весьма исключительным образом.

В комнате леди Каверли имелся балкон, и ночью туда забралась одна из огромных диких кошек, что повсеместно встречались и мне, когда я был в том городе. Смеею предположить, что зверь действительно отличался большим размером, ибо его появление произвело на женщину по-настоящему неизгладимое и губительное впечатление. Могу добавить, что, по словам моего товарища-мусульманина — а он, хотя и обладает очень широкой эрудицией, с головой погряз в представлениях своей религии, — леди Каверли явился не кто иной, как джинн, то есть злой дух, ифрит, а

* Сотис — греческое имя древнеегипетской богини Сопдет, чьим олицетворением была звезда Сириус. Новый год в Древнем Египте был празднованием пришествия Сопдет.

не кошка из плоти и крови. Но пусть каждый остается при своем мнении, удовлетворимся тем, что ночью леди Каверли пробудилась от присутствия у ее постели истощенного существа с голодным взглядом. В результате женщина слегла с очень опасным в ее деликатном положении заболеванием.

И вот, думая об этом, я наконец добрался до резиденции сэра Бернема Каверли, а все мои ожидания, относящиеся к сути дела, оправдались...

(последовавшая за этим часть рассказа, посвященная чисто техническим подробностям, здесь опущена)

Мое жилище, расположенное в проулке в непосредственной близости от Баб аз-Зувайла и минаретов аль-Муайада, прекрасно подходило для новой цели. Ибо здесь, в самом сердце туземного Каира, в огромном доме (предназначенном, как и все восточные дома, хранить тайны) я был огражден от непрошенных гостей не хуже, чем на необитаемом острове, и в то же время пользовался всеми удобствами и благами цивилизации.

Леди Каверли так и не увидела своего первенца, а сэр Бернем, посмотрев на дитя, с легкостью смирился с потерей такой дочери. Газетное объявление о ней появилось не под радостным заголовком «Рождения», но было скромно напечатано в разделе «Смерти», а так как сэр Бернем, к счастью, находился далеко от назойливых репортеров светской хроники, горестное событие повлекло сравнительно малое количество комментариев в английской прессе: родители получили одно или два соболезнования, но в целом все прошло незамеченным.

Жажда знаний в конце концов привела меня к первому преднамеренному преступлению против общества, если мой поступок можно назвать так. В моих руках очутился живой образчик самого совершенного *психогибрида*, с которым мне довелось столкнуться за все долгие годы углубленных исследований. Леди Каверли не пришлось увидеть свое противоестественное дитя, а сэр Бернем со старой нянькой,

приехавшей вместе с их семейством из Англии, даже не усомнились, что девочка умерла вскоре после появления на свет.

Исполненный энтузиазма, я взялся за свой последний — величайший — эксперимент.

Я доверил заботу о новорожденном гибриде женщины-полукровке, на которую рассчитывал как на себя, зная, что она мне обязана слишком многим. Я лично проверял каждую мелочь в нашем тайном питомнике; все вещи, необходимые для ухода за этим нежным и хрупким созданием, мне достал Кассим.

Я не стану задерживаться на первых годах ее жизни. В трех случаях мне казалось, что все пропало, ведь ее жизнь с самого начала висела на волоске. Первый кризис наступил, когда девочке исполнилось четыре месяца, второй — в четыре года, а третий (самый серьезный из всех) — в возрасте одиннадцати лет, когда она, по восточным традициям, превратилась в женщину и могла бы физически и умственно сравниться с обычной европейской девушкой лет девятнадцати или двадцати.

С каким исследовательским пылом я изучал ее развитие, отмечая периоды (совпадавшие с днями праздника в честь Баст), когда ее кошачьи черты начинали преобладать над человеческими, тогда как в остальное время ее психический фелинизм уходил на подсознательный уровень, а моя подопытная вела себя как нормальная женщина. Я успел пространно рассказать о физическом отображении, являвшемся видимым глазу подтверждением ее гибридного разума (это описание можно найти в изъятой из повествования части свидетельства). Выходя на улицу, она всегда надевала перчатки и вуаль, скрывавшую светящиеся глаза. Как я уже объяснил, в темноте она видела не хуже, чем при свете дня, а ее ловкость казалась феноменальной, так же как и способность забираться на высоту. Я не раз был свидетелем того, как она, избавившись от обуви и перчаток, залезала на вершину башни Фрайарз-Парка по оплетающему стену плющу.

К одиннадцати годам у нее, по моим наблюдениям, окончательно сформировался характер, двумя самыми выдающимися чертами которого стали: во-первых (тут сыграло роль наследие Каверли), ярко выраженная гордость собственной природой и свирепое недовольство любым посягательством на то, что она считала данными ей от рождения преимуществами; во-вторых, склонность к внезапным влюбленностям, неизменно заканчивавшимся вспышками жестокой ярости.

Тому, кто не знаком с Востоком, подобные высказывания о девочке — ведь по годам она была сущее дитя — как о зрелой женщине покажутся странными, если не противоестественными. Но в тех странах замуж могут выдать и десятилетнюю, а в четырнадцать девушка нередко является преданной своему долгу матерью.

С точки зрения закона Дамара Грифа особенно важно то, что моя подопечная росла не как английская девочка, но, подобно детям Востока, была схожа с цветком, распустившимся в теплице. Это крайне интересно для человека науки. В двенадцать лет она отличалась высоким ростом и стройностью, а также красивыми пропорциями, врожденной элегантностью и вкусом, доставшимися ей либо от сестры Каверли, либо от родни по материнской линии.

Одиннадцать месяцев в году она могла, пусть я и считал это нежелательным, появляться на людях без вуали. Она обладала безупречной *древнеегипетской* красотой. Я подчеркиваю эту ее особенность. Днем ее глаза можно было назвать глазами прекрасной египтянки — миндалевидные, чудесного янтарного оттенка. Ночью они становились зелеными.

Я уже рассказал многое о пальцах на ее руках и ногах и о специфической форме ее зубов (здесь опять идет ссылка на изъятый фрагмент). Теперь уделю особое внимание тем проявлениям, что были характерны для месяца Сотис, иными словами, для времени праздника Баст.

В этот период, всегда — и не без причин — внушавший мне ужас, ее внутренняя жажда восхищения выплескива-

лась наружу и обрела сходство с манией. Она алкала уважения, похвалы, я бы даже сказал, обожания.

То, что я для удобства предпочитаю называть *психической* стороной гибридной ментальности, в те периоды, без сомнений, граничило с настоящим помешательством; от евразийской няньки, о которой я уже упоминал, моя подопечная, названная мною Нахемой* (люди образованные поймут, о чем речь), узнала о своем происхождении и начала проявлять более откровенные признаки некоей мономании. Богиня-кошка Баст превратилась в для нее в навязчивую идею, которая в результате вылилась в убеждение, что она сама обладает чертами этого таинственного и доселе не до конца понятного божества: она решила, что является воплощением Баст. И, несомненно, в течение одного месяца в году ее состояние приближалось к тому, что в Средние века звалось «одержимостью».

В такие дни в ней развивалась (и этот феномен я подробным образом разобрал в своем исследовании) ненависть ко всему семейству *псовых*, и они отвечали ей тем же. Благодаря этому, когда она, вопреки моему строгому запрету, однажды в месяц Сотис скрылась из дома, мне удалось отследить ее передвижения по неумолчному собачьему вою.

Так как я обязал няньку держать все, что касалось появления Нахемы на свет, в тайне, я впал в ярость от подобного предательства и отослал женщину прочь. Но тут снова возникли осложнения, с которыми мне пришлось незамедлительно разбираться.

Нахема потребовала сведений о своей семье. Как я достаточно ясно продемонстрировал, зачастую было сложно, а то и вовсе невозможно, противостоять желаниям моей протеже. Короче говоря, после долгих и беспокойных размышлений над сложившейся ситуацией, я отдал все необходимые распоряжения по отъезду из дома возле мечети

* Нахема (Наама) — демоническое существо в иудейской мифологии, чье имя происходит от ивр. «удовольствие». В каббалистической книге «Зоар» Нахема описана как соблазнительница людей и ангелов и одна из прародительниц демонов.

аль-Муайада, прослужившего мне приютом целых пятнадцать лет.

Я понимал всю опасность обычной поездки с Нахемой, и потому она проделала весь путь до Англии под видом больной, требующей моей профессиональной опеки. По этой же причине ни о какой жизни в обыкновенной гостинице не могло быть и речи, и хотя на время, рискуя разоблачением, я оказался вынужден поселить Нахему в уединенном номере полузабытого отеля, мной велись спешные поиски дома на тихой окраине, обладающего как можно большим числом преимуществ моего каирского прибежища.

Мне удалось обнаружить таковой через неделю лихорадочных розысков (ведь помимо угрозы раскрытия особенностей моей протезе, ее склонность к приключениям в самые неподходящие моменты многократно увеличивала опасность, столь прекрасно осознаваемую мной). Легко предстать, с каким удовлетворением я взял в аренду маленькую виллу — или скорее бунгало — в одном из этих странных мест, что сохранились от дней, не знавших людских толп, и поныне изредка встречаются в пригородах Лондона или даже в нем самом.

Дом с двумя акрами земли стоял на отшибе, был лишен современных удобств и сравнительно малодоступен; агент, мечтавший сбыть такую недвижимость с рук, с готовностью пошел навстречу моему желанию поселиться там. Неделю спустя вилла была в нашем распоряжении; Кассим, Нахема и я стали единственными ее обитателями. Большая часть моей ценной — вернее, уникальной — коллекции вынужденно отправилась на склад, ибо в новом жилище для нее просто не хватало места. Но хотя в то время я еще не ведал об этом, судьбой мне было уготовано вскоре переехать в более подходящий для плодов моих исследований дом.

Требования Нахемы связаться с ее семьей с каждым днем становились все настойчивей; я бы, наверное, продолжал сопротивляться ее пожеланиям, если бы не тот факт, что к этому времени мои скудные ресурсы были почти на исходе.

Я внезапно осознал, что у меня в руках имеется инструмент, что позволит мне принудить сэра Бернема Каверли финансировать мои новые эксперименты, к которым я не так давно приступил со всем пылом ученого, вдохновляемого страстью к познанию! Вы можете счесть меня беспринципным, но колеса прогресса по меньшей мере столь же безжалостны. И вот, смею заметить, не без долгих раздумий, я предстал перед сэром Бернемом Каверли во Фрайарз-Парке.

Но если перед визитом туда у меня и были угрызения совести, то прием, оказанный мне, мгновенно их развеял. Забыв об услуге, которую (по его же убеждению) я оказал ему в прошлом, сэр Бернем продемонстрировал все свое презрение к англо-индийцу в одном только приветствии.

Будучи евразийцем, я являюсь вместилищем всех худших черт, predeterminedных моим происхождением, — с великой горечью я признаю сей факт. Сердце мое ожесточилось, стоило лишь этому англичанину так холодно и так оскорбительно высокомерно обратиться ко мне, человеку, намного превосходящему его интеллектуально. Прекрасно сознавая, что в моей власти нанести ему такой удар, от которого он никогда не оправится, я немного поиграл с ним, а так как его поведение становилось все более невыносимым, я возрадовался при мысли, что его жизнь и положение в обществе зависят от меня.

Его сына и будущего наследника Фрайарз-Парка, Роджера Каверли, в ту пору мальчика девяти лет, холили и лелеяли, как балуют в подобных условиях единственное дитя. Я тут же вообразил встречу брата и сестры! Да! За утонченную и умышленную жестокость, с которой сэр Бернем говорил со мной, я вознамерился отомстить, приготовив отравленный кинжал. Когда темой нашего разговора стал наследник, я отбросил ножны притворства — и обнажил оружие.

Мне не забыть, как изменилось лицо сэра Бернема. Раненный мной в самое сердце, он зашатался. Я выиграл поединок, произнеся всего десять слов. Я не колебался, диктуя условия соглашения, вскоре заключенного между нами. Я

делаю это заявление не потому, что стремлюсь обелить себя — я поплачусь за каждое свое деяние; мой рассказ — это итог, завершающий мою научную деятельность.

Стоило доктору Дамару Грифу произнести это, как его сотряс сильнейший спазм боли. Его черные глаза широко раскрылись, лицо мучительно исказилось.

Я бросился к нему на помощь. Пусть он и признал себя злодеем, но человечность никому не позволяет бесстрастно взирать на муки ближнего.

Но не успел я подскочить к нему, как Дамар Гриф, стиснув зубы и сжав подлокотники так, что костяшки его пальцев белым мрамором заблестели в электрическом свете, посмотрел на меня и прошептал:

— Вернитесь на место, сэр. Я хочу, чтобы вы сели.

В его голосе и взгляде было нечто отталкивающее, но заставляющее подчиняться. Гаттон, тоже успевший встать со стула, замешкался. Дамар Гриф оторвал руку от подлокотника и жестом указал нам на наши места. Обменявшись недоуменными взглядами, мы с Гаттоном послушно сели.

После этого евразиец, чей высокий, костистый лоб покрылся смертельной испариной, а лицо с ястребиными чертами обрело свинцовый оттенок, вынул из кармана тяжелые золотые часы (встревоженный инспектор ловил глазами каждое его движение) и посмотрел на них. Трясущейся рукой он вернул часы в карман.

— Мне следует поторопиться, — прохрипел он. — У меня... всего девятнадцать минут...

Гаттон вопросительно посмотрел на меня, но я мог лишь покачать головой в ответ. Смысл слов доктора ускользал от моего понимания, но когда Дамар Гриф, медленно и с очевидным усилием, заговорил опять, я заметил, как странно изменилось выражение лица наблюдательного Гаттона.

Глава 26

ЗАЯВЛЕНИЕ ДАМАРА ГРИФА, ДОКТОРА МЕДИЦИНЫ

(Окончание)

Месяц спустя я уже жил в Белл-Хаусе, доме, относившемся к поместью Фрайарз-Парк. В просторных комнатах этого особняка было достаточно места для размещения библиотеки и моей бесценной коллекции. Нахема также поселилась со мной там, но, не забывая о сомнительных обстоятельствах, при которых мне достался этот дом, я из предосторожности не стал отказываться от пригородной виллы, о которой упоминал ранее, да и скромная стоимость ее аренды больше не отягчала мой изрядно пополнившийся карман.

Так и слышу, что вы воскликнули: «Шантаж!» Можете расценивать этот поступок как угодно, тогда как моим ответом будет: «Наука прежде всего!» Я верил, что не иметь средств на продолжение моих экспериментов — все равно, что обеднить мир. Но даже наука не смогла бы подсказать мне, что труду всей моей жизни суждено сгинуть на пепелище Белл-Хауса.

Мои исследования временно ушли в сторону от первоначально избранной области; понимая, что грядет большая война между народами, я направил свою работу в новое русло. Мой великий труд, который, как я полагал, после опубликования пошатнет множество научных репутаций, был завершен. История жизни Нахемы увенчала мои исследования в области эмбриологии, физиологии и психологии *психогибридов*. Честно говоря, присутствие моей необычной протеже грозило превратить жизнь в кошмар. Тогда мне еще только предстояло узнать, что она воистину

неиссякаемый источник обновления моих денежных ресурсов, которые из-за дорогостоящего характера исследований таяли с невероятной быстротой. Возможно, я пренебрег поставленной перед собой задачей изучения ментального и физического развития Нахемы, ибо вскоре стало невозможно не признать, что, погрузившись в новые занятия, я утратил былой контроль над ней.

Случались неприятные эпизоды. Например, несмотря на все предпринятые мной предосторожности и неусыпную бдительность Кассима, по Аппер-Кросслиз вскоре поползли сплетни о том, что в Белл-Хаусе обитает женщина. Я отнесся к этому равнодушно; гораздо сильнее меня беспокоило поведение Нахемы во время визита в Фрайарз-Парк поверенного сэра Бернема.

Каким-то образом ей удалось тайно проникнуть в особняк (и случай этот пришелся на тот самый месяц Сотис, наступления которого я так боялся каждый год). Сэр Бернем заметил ее в часовне. Он спешно послал человека в Белл-Хаус, а я, обнаружив наконец, где именно прячется Нахема, настоял на ее немедленном возвращении домой. Это был лишь один из нескольких примеров ее непокорности: иногда и вправду казалось, что какой-то демон склоняет ее к поступкам, способным погубить нас обоих.

Она обладала незаурядным умом и по секрету от меня отслеживала мои новые исследования с интеллектуальным пылом, унаследованным непосредственно от Каверли. К тому же в ней, по-видимому, развилось яростное недовольство ограничениями, наложенными ее отцом на права, что достались ей по рождению, и однажды вечером, вскоре после описанного мной происшествия, она вошла в мой кабинет и предложила такое, от чего меня переполнил смертельный ужас.

Мне следует объяснить, что сэр Бернем, ставя соображения репутации рода и сына-наследника превыше всего, согласился (с одной лишь оговоркой: хранить ужасную правду в тайне от его жены) сделать все возможное для обеспечения Нахемы, но при этом потребовал скрывать ее существование от остального мира. На этих условиях я и

получил Белл-Хаус. Хотя по диким поступкам Нахемы я понимал, что ей претит подобное затворничество, я так глубоко погрузился в свои изыскания, что не увидел, насколько серьезно ее возмущение этой навязанной анонимностью. Разумеется, тогда мне не удалось постичь всю силу и глубину ее ненависти к брату, Роджеру Каверли.

И вот теперь, в этот роковой вечер, в порыве одного из полусумасшедших припадков, что так пугали меня, она излила передо мной всю свою злобу и отвращение к нему. Она из рода Каверли (это было сутью ее заявления), но двери Фрайарз-Парка закрыты для нее, а мир не догадывается о ее существовании. Если сэра Бернем умрет, собственность унаследует Роджер — и это обернется для нас полной катастрофой.

Ее требования сводились к следующему: мне необходимо испробовать эффективность моего нового изобретения, убрав с его помощью ненавистное препятствие с ее пути!

Мне нет прощения за последующий поступок. Я не готов признать, что совершил преступление под воздействием сильного давления со стороны моей подопечной; на самом деле я намерен настаивать, что принял точку зрения, едва ли не совпадающую со взглядом Нахемы, после того как случайно поговорил с наследником во время одного из его визитов в Фрайарз-Парк и увидел ситуацию в новом свете.

Не знаю, что насторожило сэра Бернема, вероятно, это было связано с опрометчивостью самой Нахемы, но вместо того, чтобы вернуть сына в частную школу, откуда он приехал к родителям в поместье, Роджера Каверли в сопровождении гувернера без промедления отправили за границу. Дату его отъезда я считаю днем, ставшим началом моего падения.

Нахема угрожала, что пойдет знакомиться со своей матерью, а я, с горечью понимая, что это обернется бедой (и не исключая, что она действительно способна на подобный шаг), поддался ее уговорам. Два месяца спустя мы — Кассим, Нахема и я — остановились в двух милях от базельского жилища Роджера Каверли и его гувернера.

Обстоятельства, сопутствовавшие смерти Роджера Каверли, впоследствии так и остались покрытыми мраком, и хотя сэр Бернем подозревал неладное, у него, во-первых, не было доказательств, а во-вторых, насколько я знаю, он не решился бы искать их по причине существования Нахемы.

Скажу вкратце, что я усовершенствовал китайский яд, носящий в северных провинциях название «хланкуна». Проведя ряд опасных экспериментов, я убедился, что действие его подобно действию *кантареллы*, яда, сделавшего печально знаменитым стараниями дома Борджиа. Это позволило мне предположить, что кантарелла попала в Рим с Востока, вероятно, через Палестину. Работая с хланкуной, я обнаружил, что смерть от нее наступает в течение двух часов (кантарелла убивает за один час сорок пять минут) и что яд не оставляет следов, по которым его впоследствии можно обнаружить. В качестве способа убийства я избрал, как и Чезаре Борджиа задолго до меня, самоотравление жертвы, ибо оно исключает улики.

Для этого только и требовалось, что заполучить шарф, воротник или иной предмет гардероба, имеющий непосредственный контакт с кожей будущей жертвы (Борджиа предпочитал перчатки). Эту вещь надо было пропитать хланкуной и положить на место. Попавший с одежды на тело яд вызывал резкое раздражение и высыпание на коже, а если жертва хотя бы слегка чесала зараженное место, образовывались трещинки, достаточные для проникновения вредоносных частиц яда в организм человека.

Я не буду вдаваться в подробности, но именно так умер Роджер Каверли. Мы провели еще немного времени за границей и вернулись в Белл-Хаус. Потакание кровожадным устремлениям лишь разожгло кошачий аппетит Нахемы, и она принудила меня поставить перед сэром Бернемом новые, практически невыполнимые условия, в результате чего, как вам известно, он из чрезвычайно богатого человека превратился едва ли не в нищего.

Я даже заставил его подписать закладную на Фрайарз-Парк в пользу Нахемы, ибо к тому времени со всей ясностью понял, что, подобно второму Виктору Франкенштей-

ну, взрастил чудовище, которое рано или поздно пожрет меня самого.

Ее безрассудные поступки ежедневно грозили нам разоблачением, а после смерти сэра Бернема, которая не заставила себя долго ждать, Нахема потеряла всякий стыд. Умиравший баронет принудил жену во всем следовать моему слову. Конечно, он умер с надеждой, что леди Каверли доживет свой век, так и не узнав мрачной тайны Белл-Хауса. Это последнее его желание исполнилось. Потеря сына и быстро последовавшая за этим кончина мужа пошатнули психическое здоровье женщины, которое так и не восстановилось, несмотря на все мои профессиональные усилия вернуть ей рассудок. Она провела остаток дней своих в полузабытьи, весьма схожим со смертью, и я поныне не знаю точного часа ее перехода в мир иной.

В слуге Хокинсе, при сэре Бернеме исполнявшем егерские обязанности, я нашел верного помощника. Я закрыл Парк от посетителей и благоразумно предпринял все возможное, дабы сохранить тайну, но это стоило Аппер-Кросслиз доброй славы, и немного погоды в деревне почти не осталось жителей. Меня это ничуть не беспокоило и ни на миг не прервало экспериментов, ставших средоточием моей вселенной.

Однако смерть сэра Бернема принесла новую опасность, ибо в сэре Маркусе Каверли, его наследнике, я видел грозного врага, который, обладая немалым состоянием, мог выкупить Фрайарз-Парк; к тому же, будучи из ветви кадетов*, он вряд ли убоился бы разоблачения темного секрета сэра Бернема.

Я уже сказал, что наука жестокосердна, и признаю, что Нахеме не понадобилось долго уговаривать меня сделать следующий шаг. Тем не менее, с научной точки зрения стоит пояснить, что я руководствовался соображениями целесообразности, тогда как ее побудительным мотивом было одно

* Кадет — младший член семьи, к которому обычно не переходит недвижимость.

лишь стремление уничтожить всякого, кто носит имя Каверли.

В то время, когда происходили эти события, я занимался созданием нового вооружения. Если быть точным, я направил свои усилия на изготовление газа, обладающего специфическими свойствами хланкуны, и этот газ при попадании в ткани легких должен был приводить к немедленному летальному исходу. Мне удалось создать его незадолго до кончины сэра Бернема, более того, со мной уже успел связаться один из потенциальных участников близящейся войны.

Для проведения дальнейших экспериментов, из Эссена* мне доставили специально сконструированное орудие и установили его в укромном уголке Парка. Артиллеристы провели ряд испытаний с разными типами снарядов, но так как я категорически отказывался раскрывать формулу изготовления «L. К.-пара» (так я назвал свое изобретение) до получения мной солидного материального обеспечения сделки, переговоры прервались. Однако при мне остался образец гаубицы и некоторое количество особых легких снарядов. Гаубица оказалась необыкновенно точна: при благоприятных погодных условиях можно было навести ее и уложить снаряд точно в цель без предварительной прицелки.

Я позаботился о том, чтобы пушку установили на верхней площадке башни Фрайарз-Парка и произвел математические расчеты, с результатами которых мистер Аддисон смог ознакомиться лично. Итак, я ожидал возвращения новоявленного баронета из России. Вскоре после его прибытия на родину я пригласил его посетить Аппер-Кросслиз.

Он отказался и сделал это в выражениях, спровоцировавших у Нахемы такую вспышку ярости, какой я доселе не видел. Когда сэр Маркус окончательно обосновался в Англии, она принялась скрупулезно изучать его привычки и маршруты, лихорадочно отыскивая уязвимые места. Мы

* Эссен — город в центре Рурской области. В нем находился один из заводов Круппа.

трижды пробовали использовать хланкуну — все три раза неудачно. Но извращенная фантазия Нахемы наконец подсказала новую линию поведения. Она узнала, что сэр Маркус оказывает знаки внимания Изобель Мерлин, невесте Эрика Каверли (это он в случае смерти сэра Маркуса должен был унаследовать титул).

Нахема предложила мне идею настолько странную и неизбежную, что я не мог не восхититься блестящим умом, изначально дарованным ей предками, но развитым и усовершенствованным кошачьей хитростью, являющейся чертой другой стороны ее гибридной личности.

В районе, где располагалась моя загородная вилла, имелось еще несколько заброшенных особняков, владельцы которых испытывали трудности с нахождением арендаторов, и на один из них, а именно на Ред-Хаус, прекрасно подходящий для нашей цели, обратила свой взор Нахема. Обширное состояние, бывшее сейчас в моем распоряжении, помогло мне избежать формальностей, обычно сопровождающих наем, и я снял Ред-Хаус, ни разу ни перед кем не появившись лично.

Дабы запутать дело еще больше, Нахема сама вела все переговоры по телефону, и это ее «голос» впоследствии получил широкую известность в газетных публикациях с версиями смерти Маркуса Каверли.

Я понимаю, что полицейское расследование предоставило в ваше распоряжение множество частных, касающихся произошедшего, посему не буду повторяться, а удовлетворюсь одним лишь объяснением принципа работы устройства, созданного мной. В данном случае для устранения объекта я взял старый телефонный аппарат и приспособил его к своим нуждам.

В нише комнаты в Ред-Хаусе, куда позже я заманил сэра Маркуса Каверли, я поставил этот сконструированный мной муляж, соединив его фальшивым проводом с розеткой высоко на стене, а через нее с газовым баллоном в соседнем помещении. Говоря коротко, провод в действительности был полым, а когда кто-то снимал трубку с рычага, громкоговоритель испускал такое количество «L. К.-пара»,

что его было бы достаточно для отравления дюжины человек.

Чтобы быть уверенным, что жертва вдохнет газ полной грудью, я велел завесить нишу очень плотными портьерами, тем самым превратив ее в подобие газовой камеры. Я планировал, что жертва, сделав первый вдох, повалится на пол, а так как это тяжелый газ, то, лежа внизу, она наверняка погибнет.

Единственной деталью, которую пришлось тщательно продумать, было то, как подключить звонок и заставить сэра Маркуса снять трубку, ибо в мои намерения не входило появляться поблизости во время эксперимента. Мне, конечно, пришлось тайком пробраться в Ред-Хаус для установки аппаратуры, тогда же я и приладил звонок. Он питался от небольшой аккумуляторной батареи, и я все устроил так, что открытие гаражных ворот заставляло звонок работать, а при закрытии задней двери он смолкал.

Это осуществлялось посредством простого приспособления, прикрученного к дверям гаража, но я не представлял, чья рука приведет его в действие, пока Нахема не предложила мне одно из свойственных ей блистательных решений, находящихся где-то на грани между гениальностью и дьявольским коварством.

Она сказала, что надо позвонить в местный полицейский участок и попросить дежурного констебля запереть гараж, тем самым сделав служителя закона непосредственным орудием устранения сэра Маркуса!

Будучи и сам жителем этого района, я знал, что полицейский патрулирует Колледж-роуд приблизительно тогда же, когда сэра Маркус должен был прибыть на свидание в Ред-Хаус; а так как весь наш замысел был расписан по минутам, недолгие подсчеты показали, что вариант Нахемы вполне осуществим.

Таким образом, именно полицейский констебль Болтон, чье свидетельство появилось в газетах, и стал настоящим убийцей сэра Маркуса Каверли! И вот теперь я подхожу к опасному поведению Нахемы сразу после описанных событий.

У нас был приготовлен ящик, размеры которого подходили для хранения тела, и местный перевозчик, получивший особые инструкции, доставил его в гараж Ред-Хауса. Мне предстояло выполнить задачу переноски трупа из дома в гараж, что я и сделал сразу после ухода констебля Болтона. Я упаковал труп, убрал телефон и все следы приспособления для звонка.

Тот же перевозчик получил указания заехать за ящиком утром; я оставил ворота гаража незапертыми, чтобы он смог забрать груз. В целом, кроме этих двух необходимых посещений до и после эксперимента, у нас с Нахемой не было повода приближаться к Ред-Хаусу.

Но Нахемой в тот месяц (особенно по ночам) владела кошачья тяга к пакостным шалостям, и вот эта проказливость, подстегнутая почти безумной радостью, охватившей ее после устранения родственника, привела девушку в вечер эксперимента, вопреки моим строгим запретам, в окрестности особняка. Иными словами, она не только стала свидетельницей появления будущей жертвы, но наблюдала, как в особняк вслед за тем пришел констебль, исполнявший поручение. Это не привело бы ни к каким последствиям, не появись там мистер Аддисон, которого в эту критическую минуту прислал не иначе как злой рок.

К мистеру Аддисону Нахема внезапно воспылала дикой страстью, что характеризовала кошачью часть ее сложной ментальности. Втайне от меня Нахема проследила за мистером Аддисоном до его дома, а ему удалось увидеть ее, кажется, дважды. Угрозы это также не представляло, но когда я позднее посетил Ред-Хаус, чтобы выполнить единственную опасную часть плана, Нахема, к моему ужасу, увязалась за мной.

Подстрекаемая духом разрушения, иногда овладевающим ею, она не только (в секрете от меня) нарисовала на ящике кошку, но и подложила в него статуэтку Баст!

Преждевременное обнаружение тела сэра Маркуса при аварии в порту помешало осуществлению задуманного во всех мелочах, но о статуэтке я узнал только после того, как в прессу начали просачиваться слухи о ней, и вот тогда я

вдруг осознал, в какую попал ловушку и насколько опасно иметь сообщника, подобного Нахеме.

Последовала ссора, и после нее Нахема, опять же под влиянием наихудших черт ее гибридного нрава, открыто явилась к мистеру Аддисону и забрала статуэтку Баст! Она сделала это при обстоятельствах, безнадежно нас скомпрометировавших, ибо безупречный план оказался разрушен, выявив новых подозреваемых и направив полицейское расследование в совершенно неожиданное русло.

Я подумал, что будет разумно немедленно вернуться в Белл-Хаус. За домом во время моих кратких отлучек в Лондон присматривал Кассим, а все подходы к Фрайарз-Парку неусыпно охранялись Хокинсом.

Сейчас можно упомянуть и о подстерегавшей нас в свое время опасности, которую мы успешно избежали. В завещании сэра Бернема имелось некое условие: согласно ему Фрайарз-Парк и доходы от владений принадлежали вдове, но ее кончина вынудила бы меня публично выступить в качестве кредитора по закладной; тем самым, смерть леди Каверли, при наличии живых наследников, шла вразрез с нашими интересами.

Однако, несмотря на все мои старания, обезумевшая от горя женщина скончалась за полгода до первого прибытия сэра Маркуса из России. В последние годы жизни леди Каверли была беспомощным инвалидом, и мне не составило труда скрыть факт ее смерти. Мы с Кассимом отнесли ее ночью в семейный склеп, где она сейчас покоится рядом со своим мужем.

Учитывая эти обстоятельства, представьте сами, что я почувствовал, когда практически сразу после преждевременной находки, именуемой в прессе тайной «Оритоги», в Белл-Хаусе появился мистер Аддисон! Он открыто заявил о своем желании увидеть леди Каверли, что не оставило мне выбора. Он стоял в моем кабинете и был так близок к смерти, как не был даже тогда, когда чудом спасся от «Л. К.-пара» в «Эбби-Инн»!

Позвольте мне подробнее описать положение. Роковой месяц Сотис, внушавший мне ужас, начался двадцать тре-

тьего числа и должен был продлиться еще пять дней с момента нашего знакомства с мистером Аддисоном. Нахема была — и все еще оставалась — «одержимой». Вы поймете, что я имею в виду, употребляя этот термин.

В ночь, предшествовавшую появлению мистера Аддисона, опасаясь, что очередной опрометчивый поступок Нахемы приведет меня на виселицу, я шел по звукам собачьего воя вслед за моей протеей. Я обнаружил ее на пути к «Эбби-Инн»!

Как я ее ни улещивал и ни запугивал, она отказалась объяснить свое поведение. Но наконец мне удалось заставить ее вернуться в Белл-Хаус. Приход мистера Аддисона ко мне на следующее утро открыл мне глаза на правду. Я помнил о скандале, связанном с Эдвардом Хайнсом и другим парнем, кажется, Адамсом, и о том, что и сам являюсь в округе предметом сплетен. Поэтому я не мог в столь опасное время рисковать, ожидая, к каким последствиям приведет эта третья интрижка. Я знал, что тут полетит скорее моя голова, чем мистера Аддисона. А новое безумство Нахемы, ее открытый визит в «Эбби-Инн», лишь подтвердило мое мнение.

И вот тогда я совершил свою первую ошибку. Кассим, безъязыкий нубиец, прослуживший мне много лет, когда-то был рабом в большом стамбульском доме. Думаю, вы меня понимаете. Я отдал ему приказ, но мистер Аддисон ловко сыграл на его суевериях, и Кассим провалил дело.

Мое время на исходе. Я расскажу о другой глупости, допущенной мною в ту ночь. Задолго до этих событий возможность выстрелить из пушки с башни Фрайарз-Парка в фасад трактира казалась мне вполне осуществимым опытом.

Не подозревая, что инспектор Гаттон следит за мной, и не зная, что во время моего отсутствия он обнаружил оружие на башне, я положился на свой последний козырь — и проиграл.

Это Кассим заметил, что за Белл-Хаусом наблюдает полиция! Он уже подвел меня однажды. И я отдал ему еще один приказ.

Я почти закончил свою повесть. Мне было не уйти от крушения всех моих надежд, уничтожения всех результатов моих исследований и, наконец, от последней трагедии — гибели всякого следа изысканий, ставших смыслом моей жизни. Я отдавал себе отчет, что за вокзалами и портами установлено наблюдение и мне с моей приметной внешностью не миновать ареста. И я решил попытаться счастья, скрывшись на вилле в Лондоне.

Кассим методично поджег Белл-Хаус — и сам сгинул в пламени! Воспользовавшись суетой, произведенной пожаром, мы с Нахемой успешно сбежали через ворота, выходящие на Хейнингемский тракт.

Но, покушаясь на жизнь мистера Аддисона, я не взял в расчет Нахему. Я взрастил чудовище... и это чудовище... погубило меня...

Глава 28

В КОШАЧЬИХ КОГТЯХ

Сиплый голос смолк. Мы с Гаттоном застыли в молчании.

— У меня осталось три минуты... или того меньше, — прошептал Дамар Гриф. — Есть ли у вас вопросы? Я к вашим услугам.

— Где ваша вилла? — вдруг спросил Гаттон.

— Она называется Лорелз-Хаус.

— Лорелз-Хаус! — удивленно вырвалось у меня.

— Именно так, — прошептал евразиец. — Это предпоследний дом на Колледж-роуд! Оттуда я и провел свой заключительный опыт с «L. К.-паром», но результатом стала смерть не мистера Аддисона, а Эрика Каверли...

Гаттон вскочил со стула.

— Вперед, мистер Аддисон! — сказал он. Но Гриф еще тише прошептал:

— Лорелз-Хаус пуст. Нахему обуяла ярость Сотис, и она сбежала. Она жаждет крови. Предупреждаю, она опаснее... чем... бешеные псы. У нее туберкулез... она умрет... еще до снегов. Но пока еще у нее есть время... О Боже!

Он содрогнулся всем телом. Скорчился. На губах выступила пена.

— Хланкуна! — простонал он. — Хланкуна! Она... уколола меня отравленной иглой... два часа... назад...

Он выпрямился в полный рост, хрипло вскрикнул и рухнул на пол — замертво!

Будто оцепенев, мы с Гаттоном стояли и смотрели друг на друга, ни разу не шелохнувшись, как каменные статуи по обеим сторонам длинного худого тела, распластавшегося на полу кабинета. Хищный профиль на фоне красного ковра пугающе напоминал лик Сокара.

Ни один из нас, кажется, пока не был в силах осознать, что расследование завершено, тайны, видевшиеся темными и непостижимыми, раскрыты и весь механизм этого странного преступления перед нами как на ладони. Наверное, только одна мысль владела нами в ту минуту: мы думали, что лежащий на полу перед нами человек, ставший жертвой одного из собственных дьявольских изобретений, не кто иной, как гениальный безумец.

Вряд ли кто узнает, существовал ли его великий труд об обезьянолюдях Абиссинии и еще более великое исследование, посвященное тем, кого он называл *психогибридами*, на самом деле или лишь в его воспаленном воображении. Однако мы не сомневались в одном: доктор Дамар Гриф был гением, доведенным до сумасшествия своей преданностью науке.

Все произошедшее казалось дичайшей выдумкой, и на какое-то миг, усомнившись в реальности существования исследований евразийца, я засомневался в подлинности собственных ощущений и всерьез вопрошал себя, были ли горящие сатанинским огнем зеленые глаза одержимой женщины-кошки, преследовавшие меня во время разыграв-

шейся фантазмагории, более реальны, чем все иные странности, о которых поведал нам беспринципный ученый.

Гаттон, видимо, думал о том же — что подтвердилось, когда он, словно очнувшись ото сна, произнес:

— Мистер Аддисон, нельзя медлить ни секунды — надо поспешить в Лорелз-Хаус и проверить сказанное Грифом.

Он пересек комнату, распахнул дверь и позвал сержанта:

— Заходите! Арестованный умер!

Когда офицер с констеблем, ожидавшие завершения беседы, вошли в кабинет и замерли, изумленно уставившись на распростертое на полу тело, я услышал телефонный звонок и нервно содрогнулся. Этот звук пробудил жуткие воспоминания, заставил думать о человеке, всего несколько часов назад встретившем смерть в передней, где сейчас трезвонил телефон.

Я сомневался, что смогу заснуть под крышей своего коттеджа после того, как в нем погибли доктор Дамар Гриф, убийца из убийц, и одна из его жертв. Я услышал, как в соседней комнате заговорил Коутс. Гаттон двинулся к двери, но Коутс успел войти:

— Вас спрашивает мисс Мерлин, сэр, — сказал он.

Я бросился к телефону.

— Алло! — закричал я. — Изобель, это вы?

— Да! — прозвучало в ответ, и я почувствовал волнение в ее голосе. — Никогда в жизни я так ужасно не боялась. Жаль, что вас со мной нет! Вы не можете приехать прямо сейчас?

— Что вас встревожило? — с беспокойством спросил я.

— Сама не пойму, — сказала она. — У меня кошмарные предчувствия, а все собаки в округе словно взбесились!

— Собаки! — воскликнул я, цепenea от страха. — Вы хотите сказать, что они воют?

— Да! — подтвердила она. — Я еще ни разу не слышала такого адского завывания. Джек, зря я в таком нервном состоянии отправилась в уединенный домик. Мне кажется, я здесь как в пустыне, лишённая надежды и, сама не знаю почему, в ужасной опасности.

— Так вы там *одна*? — спросил я с растущей тревогой.
И, к моему отчаянию, она ответила:
— Да! Тетя Элисон ушла полчаса назад... чтобы опознать кого-то в больнице, звавшего ее...
— Что! Какая-то авария?
— Наверное.
— А как же слуги?
— Кухарка утром уволилась. Помните, тетушка говорила, что та уходит от нее?
— А как же горничная, Мэри?
— Был звонок из больницы, тетя сказала, чтобы она пришла туда!
— Как? Ничего не понимаю! Говорите, звонок? Это звонила сама миссис Уэнтворт?
— Нет, по-моему, нет. Мэри упомянула, что это была медсестра. Но в любом случае она ушла, Джек, и я до смерти напугана! Есть еще кое-что, — добавила она.
— Да? — Я ожидал продолжения.
В трубке зазвучал ее смех, близкий к истерическому.
— После того как ушла Мэри, мне раз или два показалось, что кто-то крадется около дома в тени между деревьями! А несколько минут назад произошло то, из-за чего я вам на самом деле и звоню.
— Что случилось?
— В окно наверху кто-то поскребся. Как будто...
— Продолжайте!
— Как будто в дом просилась большая *кошка*!
— Проверьте, заперты ли двери и окна! — вскричал я.
— Что бы ни творилось, кто бы ни звонил в дверь, не открывайте, понимаете? Мы будем через полчаса, даже раньше!
Она взмолилась тем же испуганным голосом:
— Ради бога, поспешите, Джек!..
В трубке раздался какой-то скрежет, отчего я с трудом разбирал слова Изобель. Потом до меня донесся тихий шепот:
— Джек, здесь какой-то странный шум... прямо за дверью...

Последовала тишина, и едва слышно из-за помех прозвучало:

— Перерезают... телефонный... провод...

Я опустил трубку на держатель. Рука моя неостановимо тряслась.

— Гаттон, — произнес я, — вы поняли? *Оно* теперь следует мисс Мерлин!

После я громко крикнул:

— Коутс! Беги за машиной! Скорей же! От тебя зависит зависит человеческая жизнь!

Инспектор Гаттон схватил телефонный справочник.

— Я дам распоряжения местным полицейским, — проворчал он. — Мистер Аддисон, назовите мне точный адрес, а затем отправляйтесь на улицу. Там ждет такси. Если автомобиль быстрый, не станем ждать, поедем на нем.

Подстегиваемый диким ужасом, я выскочил из дома, на ходу выкрикивая адрес миссис Уэнтворт. О том, что происходило в последующие пять минут, у меня сохранились самые смутные воспоминания: изумленный таксист, полицейские, склонившиеся над худым телом на полу моего кабинета, громкие команды Гаттона. Затем мы сели в такси, приказали водителю гнать быстрее ветра и помчались по шумным лондонским улицам. Покинув спокойствие окраины и миновав суматоху центра Лондона, мы вскоре очутились в тихой заводи северного пригорода.

Поездка была похожа на страшный сон, но когда мы наконец добрались до дома миссис Уэнтворт, возбуждение мое достигло предела и чувства обострились. Прежде я не сознавал, насколько изолирован и уединен этот дом с высокой кирпичной оградой.

Местная полиция еще не прибыла. Мы без промедления ринулись в открытую калитку и побежали по садовой дорожке к крыльцу. Во всех окнах ярко горел свет, свидетельство безумного страха обительницы дома. На крыльце мы, не сговариваясь, остановились и прислушались.

Где-то вдали шумел деловой Лондон, но нас окружала та же тишина, что царил вокруг моего коттеджа; мы на-

пряженно вслушивались — и оба четко различили завывание псов!

— Вы слышите? — спросил Гаттон.

— Еще бы! — ответил я.

Я с силой надавил на кнопку звонка. В прихожей горел свет, но к двери никто не подошел. И вдруг Гаттон крикнул:

— Господи, смотрите!

Он потащил меня назад и указал на окно второго этажа.

Там я увидел силуэт: несомненно, это была Изобель. Кажется, она пыталась распахнуть шторы... но к ней потянулась длинная тень руки и рывком повлекла Изобель вглубь комнаты. До нас донесся сдавленный крик.

— Господи! *Оно* схватило ее! — прошептал Гаттон.

Он поднял руку, и тишину прорезала резкая трель полицейского свистка.

Крепкую главную дверь нам было не вышибить без помощи инструментов, и мы заметались у дома в поисках другого входа.

— Сюда! — вдруг закричал Гаттон и ткнул пальцем вверх: он показывал на ветви старого вяза, раскинувшегося прямо под окном. Стекло было разбито вдребезги, и лишь несколько осколков, похожих на кинжалы, сверкали внутри рамы.

— Сможете забраться?

— Придется! — ответил я.

Не откладывая, я принялся карабкаться на вяз, благо я помнил, как проделал это в Фрайарз-Парке. Первые ветки начинались на высоте шести футов, и взбираться оказалось сложнее, чем я ожидал, но наконец мне удалось достичь довольно крупного обломка отпиленного когда-то сука. Гаттон отличался меньшей ловкостью, но когда я не то вошел, не то упал на пол комнаты второго этажа, он уже оказался на ветке позади меня, а стоило мне выскочить в открытую дверь, как он ввалился в окно, и мы оба, бок о бок, помчались по коридору к комнате над крыльцом, откуда вновь раздались ужасные крики и шум возобновившейся борьбы.

Подскочив к закрытой двери этой комнаты, я буквально бросился на нее всем телом. Она распахнулась... и предо мной предстало ужасающее зрелище.

Распростертая на диване в оконной нише Изобель все сильнее вжималась в разбросанные на нем подушки, пытаясь освободиться от склонившейся над ней высокой, гибкой, одетой во все черное женщины; та стояла ко мне спиной, однако я видел, что ее пальцы сдавили горло Изобель!

Все переменялось в ту секунду, когда открылась дверь. Не обернувшись (ни мне, ни Гаттону так и не удалось даже мимолетно увидеть ее лицо), женщина в черном вскочила на подоконник, мгновенно открыла окно и, к моему ужасу и изумлению, канула во тьму!

Я первым делом кинулся к Изобель, а Гаттон единым махом пересек комнату и высунулся из окна, глядя на дорожку в саду. И, опустившись на колени рядом с потерявшей сознание девушкой, я поймал себя на том, что прислушиваюсь, не раздастся ли звук падения тела на гравий. Но его не было. Это сверхъестественное создание и впрямь обладало грацией кошки. Тишину дома разорвала монотонная трель полицейского свистка. Откуда-то издали раздался ответ.

* * *

Я долго был не в состоянии убедить себя, что Изобель спаслась из когтей женщины-кошки без каких-либо жутких увечий. Я содрогался, вспоминая о хланкуне и других убийственных изобретениях сумасшедшего доктора-евразийца. Я не верил даже словам местного врача, спешно прибывшего в дом, ибо признавал, как скудны его познания по сравнению с могуществом доктора Дамара Грифа. Но хоть я и продолжал дрожать, думая о том, что произошло бы здесь, пояись мы на несколько минут позже, факт остается фактом (за что я возношу хвалу Небесам): Изобель не получила никаких серьезных ранений от рук нападавшей.

Но — увы! — она до сих пор просыпается по ночам с криком ужаса. Он всегда один и тот же: «Зеленые глаза Баст!.. Зеленые глаза Баст!»

Глава 29

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Жаль, что не в моих силах полностью удовлетворить любопытство читателей, желающих знать, кем на самом деле была «Нахема», эта женщина-кошка или *психогибрид*, как ее в назвал своем признании доктор Дамар Гриф. Но, будучи летописцем странных и наводящих ужас событий, перевернувших в то время всю мою жизнь, считаю своим долгом сообщить, что с той минуты, когда она выпрыгнула из окна миссис Уэнтворт на садовую дорожку, ни мне, ни кому-либо другому не представилась возможность *узреть ее вновь*.

По окончании поисков, приведших в действие сложный аппарат Нового Скотланд-Ярда по всей территории страны, инспектор Гаттон был вынужден признать свое поражение. Женщину, которая сыграла главную роль в трагедиях, уничтоживших род Каверли, арестовать не удалось, и объяснение инспектора заслуживает внимания.

— Понимаете, мистер Аддисон, — сказал он мне однажды вечером, — чем больше я думаю о Нахеме, тем больше сомневаюсь, существовала ли она на самом деле!

— О чем это вы, Гаттон? — спросил я.

— Видите ли, — начал он, — хотя вы, я и многие другие готовы поклясться, что в этих преступлениях была замешана женщина, мы (если не брать в расчет рассказ Дамара Грифа) ничего не знаем о ней, кроме того, что у нее были удивительные глаза.

— И исключительное проворство, — вставил я.

— Да, тут не поспоришь, — согласился он, — она обладала воистину феноменальной ловкостью. Но все-таки, как я уже говорил, за исключением этих сведений и свидетельства доктора Дамара Грифа, у нас нет никаких *доказательств*, что на земле когда-либо жил человек, подобный Нахеме, или по крайней мере существо с теми характеристиками, какие он ей приписывал. Лорелз-Хаус — это обычный загородный дом, который много лет снимали «мистер и мисс да Коста», то есть, разумеется, Дамар Гриф и его компаньонка. Но не сохранилось ни следа его «великих изысканий» и тому подобного. Согласен, осталась неплохая коллекция египетских древностей — и больше никаких улик; комнаты, где по всей видимости жила «мисс да Коста», похожи на обычные апартаменты образованной англичанки.

— Ради Бога, Гаттон, — воскликнул я, — как вы тогда объясните серию преступлений, безусловно направленных против рода Каверли?

— Я не утверждаю, — продолжал Гаттон, — что истоком всего не являлась некая кровная вражда или месть. Я лишь напоминаю, что у нас отсутствуют *улики*, доказывающие, что преступления совершал кто-то, помимо евразийца.

— Но тогда зачем ему все это понадобилось?

— Я мог бы выдвинуть несколько версий, но сейчас хочу подчеркнуть следующее: я готов согласиться с тем, что у него имелась сообщница, однако не вижу доказательств того, что она не была самым обыкновенным человеком — разве что, как я склонен думать, страдала психическим расстройством.

— Вероятно, вы правы, Гаттон, — согласился я, — да и самого доктора Дамара Грифа нормальным не назовешь; я действительно считаю, что он был опасным и очень хитрым сумасшедшим.

— В любом случае, — сказал Гаттон, — Нахему так и не обнаружили, что по меньшей мере весьма примечательно.

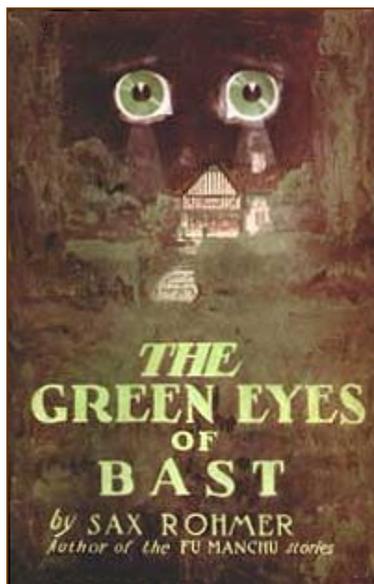
— Может, и примечательно, — ответил я, — но лично мне не хотелось бы вновь увидеть те жуткие зеленые глаза.

— Я их так и не видел, — задумчиво произнес инспектор, — поэтому тут мне сказать нечего, но в лице доктора

Дамара Грифа мы, видимо, познакомились с мозгом преступного заговора. Похоже, нам не суждено узнать, что в его словах было правдой, а что плодом воспаленного воображения.

— А мне это и не интересно, — заверил я его. — Я просто хочу позабыть ужас зеленых глаз Баст, оставив темное прошлое позади...

— В таком случае, — сказал Гатгон со свойственной ему мрачной улыбкой, — удачи вам в будущем.

Роман Сакса Ромера (Артура Генри Уорда, 1883-1959) «Зеленые глаза Баст» впервые увидел свет в 1920 г., когда он был напечатан с продолжениями в американском журнале *Detective Story Magazine* (16 марта — 20 апреля 1920) и английском *The Premier Magazine* (26 марта — 16 июля 1920). Первое книжное издание, фрагмент обложки которого использован на обложке нашей книги, вышло в Лондоне в июне 1920 г.

Оглавление

Глава 1. Я вижу глаза	6
Глава 2. Знак кошки	13
Глава 3. Зеленая статуэтка	20
Глава 4. Изобель	27
Глава 5. Несостоявшийся ужин	33
Глава 6. Голос	41
Глава 7. Кошка из Бубастиса	49
Глава 8. Моя гостья	57
Глава 9. Бархатная портьера	65
Глава 10. Роковая улика	72
Глава 11. Царапины	80
Глава 12. Мне снятся зеленые глаза	88
Глава 13. Доктор Дамар Гриф	94
Глава 14. Черный доктор	101
Глава 15. Я принимаю посетителей	109
Глава 16. Золотая кошка	117
Глава 17. Немой нубиец	125

Глава 18. Тайна Фрайарз-Парка	130
Глава 19. Человек на башне	136
Глава 20. Рассказ Гаттона	143
Глава 21. Снова в Лондоне	153
Глава 22. Серый туман	161
Глава 23. Неминуемое	172
Глава 24. Прерванный разговор	180
Глава 25. Заявление Дамара Грифа, доктора медицины	189
Глава 26. Заявление Дамара Грифа, доктора медицины (Продолжение)	197
Глава 27. Заявление Дамара Грифа, доктора медицины (Окончание)	206
Глава 28. В кошачьих когтях	217
Глава 29. Послесловие	224

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.